

Илья Николаевич
УЛЬЯНОВ

U. Scherovitz

А. ИВАНСКИЙ

ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ
УЛЬЯНОВ

ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННИКОВ
И ДОКУМЕНТАМ

Государственное издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1963

Книга журналиста А. И. Иванского рассказывает, как жил и работал отец великого Ленина Илья Николаевич Ульянов, энтузиаст народного просвещения, человек светлой души и самоотверженного труда, сыгравший большую роль в воспитании молодого Ленина в духе благородных, возвышенных идеалов. Книга целиком построена на документальном и фактическом материале. Повествование в ней ведется от лица современников И. Н. Ульянова: его родных, друзей, сослуживцев, знакомых. Их воспоминания расположены таким образом, что оставляют у читателя впечатление цельного, законченного произведения. Большинство воспоминаний стало библиографической редкостью и почти не известно широкому читателю. Многие архивные материалы публикуются впервые.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Среди дорогих человечеству имен есть два скромных имени, которые не часто встретишь на страницах газет и журналов, редко услышишь в выступлениях ораторов. Тем не менее они навечно сохраняются в благодарной памяти поколений. Это имена Ильи Николаевича и Марии Александровны Ульяновых — отца и матери величайшего гения человечества, создателя Коммунистической партии Советского Союза, основателя Советского социалистического государства, вождя и учителя трудящихся всего мира Владимира Ильича Ленина.

Трудно переоценить ту роль, которую сыграли в становлении Ленина его родители, и в частности Илья Николаевич Ульянов. Просветитель-шестидесятник, человек большого ума и благородного сердца, он создал семью, представлявшую собой, по выражению друга и соратника Владимира Ильича П. Лепешинского, подлинную «аристократию духа», воспитал детей таким образом, что они все, за исключением рано умершей Ольги, мужественно выступили против социальной несправедливости и угнетения, стали стойкими, негибаемыми революционерами.

Все привлекает в светлом облике Ильи Николаевича Ульянова. Бедняк по происхождению, выходец из того самого «податного сословия», которому в царской России были закрыты все пути, он ценой величайших усилий пробивает себе дорогу к вершинам культуры, а достигнув их, все приобретенные знания, опыт отдает без остатка тем, из чьей среды вышел, — людям труда. Благо простого русского народа, воспетого печальной музой его любимого поэта Некрасова, было единственной целью и всеобъемлю-

щим смыслом всей недолгой, но необычайно целеустремленной и напряженной жизни Ильи Николаевича Ульянова.

Четырнадцать лет И. Н. Ульянов учительствовал — сначала в Пензе, а затем в Нижнем Новгороде. Шестнадцать лет руководил он народным образованием в Симбирской губернии. В течение трех десятилетий в обстановке разнузданного самодержавного произвола, когда жестоко преследовалось всякое живое слово, в условиях потрясающего невежества задавленных эксплуатацией народных масс Илья Николаевич высоко держал светильник разума и справедливости. Не будучи сам революционером, он сеял в народе, выражаясь словами Некрасова, «разумное, доброе, вечное», претворял в жизнь учение русских революционеров-демократов о воспитании, просвещая вчерашних рабов, пробуждая в них возвышенные гражданские чувства.

Илья Николаевич Ульянов был типичнейшим представителем той передовой, демократической педагогики, на которую со слепой яростью обрушивались все реакционеры, начиная от мракобесов из «святейшего синода» и кончая каким-нибудь уездным батюшкой-законоучителем, видевшим в «современной педагогии» корень всех зол и чуть ли не приближение конца света. Если бы собрать все составленные И. Н. Ульяновым отчеты о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии, всю его обширнейшую и до сих пор остающуюся неизвестной читателям переписку по вопросам организации народного образования, то получилась бы замечательная и очень поучительная книга, превосходящая многие теоретические исследования именно тем, что в ней прогрессивные педагогические идеи неразрывно увязаны с повседневной практикой и вытекают из нее. Такая книга имела бы большое практическое значение и для нашего времени, ибо, как говорил В. И. Ленин Н. К. Крупской, «на основании... опыта нашей русской школы, на которой сильно отразились демократические идеи 60-х годов, можно было бы так организовать у нас в России дело народного образования, чтоб оно помогало развитию настоящего демократизма, поднимало бы сознательность самых широких масс, вооружая массы знанием»¹.

¹ *Н. К. Крупская. Из воспоминаний. «Начальная школа», 1937, № 11, стр. 35.*

Совершая утомительнейшие разъезды по губернии, ревизуя старые школы, открывая новые, заботясь о создании и подготовке учительских кадров, Илья Николаевич в то же время был главным воспитателем своих детей, лучшим их другом и наставником. Отличавшийся сам строгим выполнением долга и чрезвычайной исполнительностью, он воспитывал это сознание долга, это чувство величайшей ответственности за дело, которому служишь, у всех своих сыновей и дочерей. Все в нем действовало развивающим и гуманизирующим образом на детские души. Ни гимназия с ее мертвящей схоластикой, ни обстановка глухого провинциального города, каким был в те годы Симбирск, не могли оказать того благотворного воздействия, какое оказывал на своих детей Илья Николаевич.

Илья Николаевич Ульянов имел большое влияние на Владимира Ильича. Он воспитывал его добролюбовскими методами, учил зорко всматриваться в жизнь; вырабатывал в нем умение и к себе и к своей деятельности подходить с точки зрения интересов дела; он привил ему большое благородство в элементарно житейском смысле этого слова. Очень многие из тех замечательных качеств, которые отличали характер, весь облик нашего незабвенного Ильича, были взлелеяны его отцом, Ильей Николаевичем.

Начало изучения жизни и деятельности И. Н. Ульянова было положено его младшей дочерью — Марией Ильиничной, написавшей книгу «Отец Владимира Ильича Ленина Илья Николаевич Ульянов». За тридцать с лишним лет, прошедших после выхода в свет этой книги, было опубликовано несколько работ об И. Н. Ульянове, среди которых в первую очередь следует назвать труды А. И. Кондакова, Н. И. Алпатова, В. М. Горохова, Б. П. Рождественского и других. В этих работах жизнь и деятельность И. Н. Ульянова рассматривались главным образом в плане сугубо специальном, педагогическом.

В предлагаемой вниманию читателя книге решается несколько иная задача. Стараясь не упустить из поля зрения ничего существенного и важного из педагогической деятельности Ильи Николаевича, составитель в то же время сосредоточил свое внимание на другом: на показе того, каким он был в жизни, на раскрытии его человеческих черт. Неутомимый труженик, воодушевленный гуманной идеей, человек большой, любящей души, отец и воспитатель великого Ленина — такова тема данной книги.

Не совсем обычен и жанр книги. Во многом он определен моей работой «Молодые годы В. И. Ленина». При изучении детских и юношеских лет нашего вождя нельзя было не обратить внимания на то, какое огромное, можно сказать, решающее влияние оказала на Владимира Ильича в эти годы семья, и прежде всего отец, Илья Николаевич Ульянов. Постепенно этот вопрос превратился в самостоятельную тему исследования. Так возникла книга «Илья Николаевич Ульянов».

Как и предшествующая, она целиком построена на документальном и фактическом материале. В ней повествование ведется от лица современников И. Н. Ульянова: его родных, друзей, сослуживцев, знакомых — всех тех, кому посчастливилось жить и работать в непосредственной близости к Илье Николаевичу.

Такой метод, на мой взгляд, имеет то неоспоримое преимущество, что он дает читателю вполне достоверный, научно проверенный материал, из первых рук, первоисточник, подлинник, совершенно избавляет его от авторского вымысла, являющегося неизменным компонентом всех так называемых беллетризованных биографий. Метод этот, впервые блестяще использованный В. В. Вересаевым в его известной книге «Пушкин в жизни», состоит в последовательном нанизывании фактов и деталей, причем каждый документ, каждое свидетельство современника дополняет и развивает предыдущие мемуарные отрывки, вносит новый штрих в раскрытие характера, освещает описываемое событие с еще неизвестной стороны. Монтирование материала происходит таким образом, чтобы действие в этом возникшем из мемуарных и документальных отрывков произведении развивалось в соответствии с основной, определяющей линией жизненного поведения человека, о котором идет речь.

По мысли составителя, собранные воедино воспоминания и документы должны оставить у читателя впечатление цельного и законченного повествования о жизни и деятельности Ильи Николаевича. Конечно, полностью выполнить эту задачу не представилось возможным. Некоторые факты из жизни И. Н. Ульянова не получили в мемуарной литературе достаточного освещения. Особенно обильна «белыми пятнами» первая половина биографии Ильи Николаевича — до его назначения на должность инспектора народных училищ Симбирской губернии. Чтобы возме-

стить отсутствие прямых свидетельских показаний, в ряде мест приходилось использовать косвенные (например, в рассказе о студенческой жизни Ильи Николаевича), но и в этих случаях строго выдерживался принцип отбора материалов по их наибольшей достоверности.

О том, как в целом удалось справиться с поставленной задачей, пусть судит читатель.

* *
*

Источники, на которые в тексте приходилось ссылаться часто, приводятся в сокращенном написании, названия сборников даны в скобках. Ниже приведены полные наименования источников и их условные обозначения:

«Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.» Сборник, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. ГИЗ, М.—Л., 1927 — *«А. И. Ульянов»*.

«Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», ч. 1. Госполитиздат, М., 1956 (большой формат) — *«Воспоминания о В. И. Ленине», 1.*

М. Ульянова. Отец Владимира Ильича Ленина Илья Николаевич Ульянов (1831—1886). Соцэкгиз, М.—Л., 1931 — *М. Ульянова*.

Н. Веретенников. Володя Ульянов. Воспоминания о детских и юношеских годах В. И. Ленина в Кокушкине. Детгиз, М., 1960 — *Н. Веретенников*.

«Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова». Пенза, 1925 — *«Юбилейный сборник»*.

* *
*

Приношу глубокую благодарность О. П. Веретенниковой, Т. Д. Корнейчику, В. Г. Толстову-Атнарскому, И. С. Федорову и другим товарищам, оказавшим мне содействие в работе над книгой.

А. И. Иванский

ГИМНАЗИСТ, СТУДЕНТ

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич Ульянов, родился в Астрахани 26(14) июля 1831 г.¹ Он происходил из бедной мещанской семьи. Дед его был крестьянином, а отец жил в городе и служил в каком-то торговом предприятии (по профессии он был портным)².

М. Ульянова, стр. 9.

По национальности Илья Николаевич был русским, но некоторая примесь монгольской крови несомненно име-

¹ В метрической книге церкви Николы Гостинного г. Астрахани за июль 1831 года записано: «Девятнадцатого числа (старого стиля.— *А. И.*) астрах(анского) мещ(анина) Николая Васильева Ульянина и законной жены его Анны Алексеевой сын Илия». Здесь, очевидно, имеется в виду дата крещения. Крестным отцом Ильи Николаевича был протоиерей церкви Николы Гостинного Николай Ливанов, который впоследствии, по всей видимости, помог Илье Николаевичу поступить в гимназию. В 1878 году, уже будучи директором народных училищ Симбирской губернии, И. Н. Ульянов прислал Ливанову письменное поздравление с его юбилеем. Крестной матерью Ильи Николаевича была тетка, сестра матери, Татьяна Алексеевна Смирнова, оставшаяся незамужней и жившая в семье Н. В. Ульянова.

² Отец Ильи Николаевича Н. В. Ульянов происходил из крепостных. Об этом свидетельствует состоявшееся 24 марта 1825 года решение Астраханской казенной палаты: «Отсужденную от рабства, проживающую у астраханского купца Михайлы Моисоева дворовую девку Александру Ульянову (очевидно, родную или двоюродную сестру Н. В. Ульянова.— *А. И.*) причислить по ее желанию в астраханское мещанство и для счету взнести в окладную книгу на 1825 год...».

Дом в Астрахани, в котором родился и жил до 18-летнего возраста Илья Николаевич.

лась, на что указывали несколько выдающиеся скулы, разрез глаз и черты лица. В Астрахани, как известно, значительную часть населения составляли издавна татары.

А. И. Ульянова-Елизарова. В. И. Ульянов (Н. Ленин). М.—Л., 1934, стр. 10.

Пульс астраханской жизни бьется именно в этой части города (на «Косе», где находился дом отца Ильи Николаевича Н. В. Ульянова.— *А. И.*), обогащенной соприкосновением с матушкой Волгою... К началу нынешнего (XIX.— *А. И.*) столетия обмелевшее место совсем обсохло, и между бугром Кремлевским и Волгою образовалось огромное пространство, которое и носит название «Косы»... «Коса» — это кипучий угол Астрахани, полный особенностей во всех отношениях, до санитарного включительно¹. На «Косе» бок о бок живут... ужасы нищеты, позора,

¹ В «Записках об Астрахани» (М., 1841) директор астраханских училищ (он же в 1835—1844 годах директор гимназии, в которой учился И. Н. Ульянов) М. С. Рыбушкин писал о «Косе»: «Хотя местоположение сей части не предоставляет для жителей ее совершенного удобства в помещении, но промышленность умела извлечь свои выгоды: здесь производится складка дров, бревен и прочих строительных припасов, коими город сей ежегодно снабжается из внутренних губерний России» (стр. 174—175).

несчастья — и прелести богатства, счастья, славы; голод и обжорство; лохмотья и бархат, шелк, кружева; на «Косе» рядом с страданиями измученных борьбою за существование — льется шампанское... Чтобы поддержать на «Косе» порядок, требуется очень солидный штат полиции. Чтобы дать ночлег бесприютным обитателям «Косы» — мало и пяти городских ночлежных домов, а их в Астрахани только два. В одной дешевой столовой не накормишь всех голодных с «Косы». Больными с «Косы» можно переполнить все городские лечебные заведения.

А. Штылько. Иллюстрированная Астрахань. Саратов, 1896, стр. 20, 22.

ПЕРЕПИСЬ ДОМОВЛАДЕНИЯ Н. В. УЛЬЯНОВА

1. Имя и прозвание обывателя, в том городе старожил, родившегося или вновь поселившегося, и его лета.	Астраханский мещанин Николай Васильев Ульянов, 70 лет.
2. Холост или женат, и на ком или вдов.	Женат на дочери астраханского мещанина Алексея Смирнова ¹ , Анне Алексеевой, имеющей от роду 45 лет.
3. Много ли детей мужского или женского пола и их имена и лета.	Имеет детей сыновей: Василия 13 лет, Илью 2 лет и дочерей девиц: Марью 12, Федосию 10 лет.
4. Есть ли в городе за ним дом, иное строение, или место, или земля, им ли построено, или наслед-	Имеет в Астрахани дом, состоящий в 1 части, 1 квартала под № 227 ² , доставшийся ему по покупке

¹ Дед Ильи Николаевича (по матери) Алексей Лукьянович Смирнов был астраханским мещанским старостой.

² Дом Н. В. Ульянова находился на Казачьей улице (сейчас — улица Степана Разина, № 9) и был в полтора этажа: нижний — полуподвальный, каменный (в нем жили хозяева) и верхняя деревянная надстройка, сдававшаяся внаем.

ственно, или куплено, или в приданое получено, в каком месте в городе и который номер.

от артиллерийской команды лафетного подмастерья Федора Федорова Липаева, на который дом купчей крепости еще не совершенно и никаких документов не имеет, кроме платежных квитанций, цену коему объявил 260 рублей.

5. В городе ли живет тот обыватель или в отлучке.

Жительство имеет в означенном доме.

6. Какого он промысла.

Торговых и промысловых занятий не имеет.

7. В каких городских или иных службах был или есть.

К сей сказке (ревизской.— *А. И.*) астраханский мещанин Николай Ульянов руку приложил.

Справка: Дом Ульянова, состоящий в 1 части, 1 квартала под № 227 по табели 1831 года, утвержденном г. министром внутренних дел, оценен в 700 рублей. Повытчик *Гусев*¹.

«Ревизская сказка» от 29 января (старого стиля) 1833 года».

Отца своего Илья Николаевич мало помнил. Он умер, когда ему, младшему, было всего 7 лет. Средства были скудные и при жизни отца. Одним из ранних воспоминаний И(льи) Н(иколаевича) было следующее. Его послали вечером в лавочку купить чаю на пятак. Дали гривенник. Возвращаясь с покупкой, зажатой в одной ручонке и со сдачей в другой, мальчик завяз в грязи, и так осно-

¹ На оборотной стороне Переписи домовладения три приписки: «Семейство Ульянова взнести в городовую обывательскую книгу с получением в доход города двух рублей пятидесяти копеек. Гласный (подпись неразборчива.— *А. И.*)». «В городовую обывательскую книгу записано под № 1117. Письмоводитель *Смирнов*». «Два рубля пятьдесят копеек принял, в книгу записал, квитанцию выдал за № 842, 29 января. Казначей *Смирнов*».

вательно, что не сумел выкарабкаться, не прибегнув к помощи рук, и со сжатыми грязными кулачками стоял довольно долго за входной дверью, не решаясь войти, боясь, что влетит от отца за тот вид, в котором ему придется передать покупку и сдачу.

Смерть отца оставила семью, состоявшую еще из матери¹ и сестры Федосьи Николаевны² (старшая сестра Мария Николаевна Горшкова была выдана замуж еще при жизни отца³), без всяких средств.

А. Ульянова («Юбилейный сборник», стр. 7).

Здание гимназии (речь идет об Астраханской 1-й мужской гимназии, куда в 1843 году поступил учиться И. Н. Ульянов.— А. И.) лишено необходимых удобств и вообще по устройству своему мало соответствует современным потребностям учебного заведения. Главнейший недостаток его состоит в крайней тесноте классных помещений, коридоров, лестниц, которая бросается в глаза каждому при самом беглом взгляде. Непоместительность классов яснее всего доказывается ничтожным количеством кубического содержания воздуха, которое падает на каждого ученика... Теснота классов выражается также и в том, что во многих из них ученические столы расставляются почти без проходов и промежутков. Коридоры и лестницы также тесны; только при усиленном надзоре может поддерживаться сносный порядок и более или менее беспрепятственное движение.

Директор Астраханской гимназии
П. П. Кочкин — в Казанский учебный округ. Цит. по кн. Т. Остроумова «Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии за время с 1806 по 1914 год». Астрахань, 1916, стр. 600—601.

¹ Мать И. Н. Ульянова Анна Алексеевна после смерти мужа жила на иждивении сына Василия Николаевича и умерла в 1871 году в возрасте 83 лет.

² Федосья Николаевна Ульянова не вышла замуж, жила у брата Василия Николаевича и умерла в 1908 году, 85 лет от роду.

³ Мария Николаевна Ульянова вышла замуж за мещанина из обедневших купцов Николая Захаровича Горшкова, от которого имела сына Степана Николаевича Горшкова, умершего в 1924 году, на 72-м году жизни. Мария Николаевна прожила 56 лет и скончалась в 1877 году.

В отчете за 1844—1845 уч (ебный) год директор (Астраханской гимназии.— А. И.) г. Лубкин¹ говорит: «к успешнейшему ходу преподавания мешал недостаток преподавателей по случаю выбытия или перевода. По неимению штатных учителей всегда являлось затруднение во времени исправления таковых должностей, потому что все преподаватели гимназии занимаются в институте для девиц или в училище канцелярских служителей, согласно их «положениям». Все возможные средства местное начальство принимало к устранению этого неудобства, но продолжительное незаемещение штатных должностей особым чиновником не могло не иметь влияния на успешность; в особенности же гимназия нуждается в учителях русского языка и географии»².

В 1845—46 году не было преподавателей французского языка, русской грамматики и географии. «Столь необходимые предметы, как русская грамматика и география, были не замещены, что влияло на успешность; от слабости знания сих предметов зависит степень образования кончивших курс в гимназии».

В 1848 году нет штатных учителей российской грамматики, географии и латинского языка в высших классах.

В 1849 году — по тем же предметам.

В 1850 году — по русской грамматике и географии.

Т. Остроумов. Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии за время с 1806 по 1914 год. Астрахань, 1916, стр. 277—278.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Предъявитель сего, Илья, Николаев сын, Ульянов, сын астраханского мещанина, имеющий ныне от роду восемнадцать лет, обучался в Астраханской гимназии с 7-го сен-

¹ Валериан Александрович Лубкин был директором Астраханской гимназии с февраля 1844 года по декабрь 1847 года.

² В годы учения в Астраханской гимназии И. Н. Ульянова учителями русского языка и географии были Николай Тимофеевич Навродский (до марта 1845 года) и Феликс Густавович Толль (с октября 1845 года по январь 1846 года), впоследствии активный петрашевец, приговоренный царским правительством к каторге. С января 1846 года и до окончания И. Н. Ульяновым гимназии русский язык и географию временно преподавали или учителя других предметов, или учителя уездного училища (Древский, Л. Морозов, Н. Фаянсов).

тября¹ 1843 по 10-е июня 1850 года; во все время учения своего был поведения *отличного*, и в преподаваемых предметах оказал успехи²:

В законе божием, священной и церковной истории *отличные*,

Русской грамматике и словесности *отличные*³,

Математике *отличные*,

Физике *отличные*⁴,

Истории *хорошие*,

Географии *хорошие*,

Законоведении *отличные*.

В языках:

Французском *отличные*,

Немецком *хорошие*,

В рисовании, черчении и чистописании *отличные*.

В удостоверение чего, с утверждения г. попечителя Казанского учебного округа от 6 июля 1850 года за № 2875, дано ему, *Ульянову*, сие свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением гимназической печати, но с тем, что ему, *Ульянову*, как происходящему из подат-

¹ Здесь и в дальнейшем даты, относящиеся к дореволюционному периоду, указаны по старому стилю.

² За успехи в науках И. Н. Ульянов в гимназии дважды — в 1848 и 1849 годах — удостоивался денежного пособия (по 25 рублей).

³ Русскую словесность в гимназии увлекательно преподавал незадолго до этого с золотой медалью окончивший Казанский университет Александр Васильевич Тимофеев, с которым позднее Илья Николаевич вместе учительствовал в Пензе и Нижнем Новгороде, а с 1869 года был связан по службе, как с инспектором Казанского учебного округа. По русской словесности гимназист И. Н. Ульянов дважды — в 1847 году (в 4-м классе) и в 1850 году (в 7-м, последнем классе) — представлял свои сочинения: «Объяснение некоторых синонимов» и «О сатирическом направлении в русской литературе». Оба сочинения получили одобрение в Казанском учебном округе.

⁴ И. Н. Ульянов изучал физику и математику под руководством Николая Михайловича Степанова, Юлиана Онуфриевича Озембловского (оба — ученики Н. И. Лобачевского), Сергея Алексеича Кудесникова и Егора Крестьяновича Рихтера. Это были хорошие преподаватели, старавшиеся увязывать материал учебников с жизнью. Такая постановка физико-математических предметов в гимназии оказала влияние на выбор Ильей Николаевичем этих наук в университете для будущей своей педагогической специальности.

ного состояния, не предоставляется тем никаких прав для вступления в гражданскую службу.

Астрахань. Июля 19 дня 1850 года.

Подлинное подписали: Директор училища *Аристов*,
Инспектор гимназии *Рафаелев*,
Старшие учителя: *Тимофеев*, *Степанов*,
Рихтер, *Дьяконов* и *Ахматский*.
№ 616.

С подлинным верно: Директор училища *Аристов*.

Свидетельство *И. Н. Ульянова* об окончании Астраханской гимназии от 19 июля 1850 года, № 616. Исторический архив Татарской АССР.

...Честь имею донести Вашему Превосходительству, что из учеников вверенной мне гимназии окончили курс учения четверо: Иванов Иван, Титов Власий, Ульянов Илья и Мирец-Имшенецкий Николай, но подвергались испытанию и выдержали оное только первые трое, а последний из них по болезни на испытании не был и в настоящее время находится на излечении в больнице Астраханского Приказа Общественного Призрения.

Представляя при сем Вашему Превосходительству проекты свидетельств, изготовленные для учеников Иванова, Титова и Ульянова, всеми членами Педагогического совета гимназии засвидетельствованные, вместе с копиею с таблицы окончательного испытания по форме А и с протоколами об испытании со списком учеников по форме В, имею честь испрашивать Вашего разрешения о выпуске сказанных учеников из гимназии по окончании ими полного гимназического курса учения с выдачею аттестатов для них проектированных и с награждением Ульянова серебряною медалью и званием личного *почетного гражданина*, а Иванова похвальным листом.

О изъявившем же желание поступить во вверенный Управлению Вашего Превосходительства Казанский университет ученике Илье *Ульянове*, на казенный счет, о котором я уже имел честь войти с представлением к Вам 31-го числа минувшего мая за № 498, долгом считаю рекомендовать перед Вашим Превосходительством его, Улья-

нова, по отлично-правственному образованию, и в продолжение всего гимназического курса обращавшему на себя внимание с этой стороны ¹.

Директор Астраханской гимназии
А. П. Аристов — управляющему Казанским учебным округом, 10 июня 1850 года,
№ 522. Исторический архив Татарской
АССР.

Своим образованием, — а он (Илья Николаевич. — А. И.) получил не только среднее, но и высшее, — он обязан всецело своему старшему брату Василию Николаевичу. Не раз в жизни вспоминал Илья Николаевич с благодарностью брата, заменившего ему отца, и нам, детям своим, говорил, как обязан он брату. Он рассказывал нам, что Василию Николаевичу самому хотелось очень учиться, но умер отец, и он еще в очень молодых годах остался единственным кормильцем семьи, состоявшей из матери, двух сестер и маленького брата. Ему пришлось поступить на службу в какую-то частную контору ² и оставить мечты об образовании. Но он решил, что, если самому ему учиться не пришлось, он даст образование брату, и по окончании последним гимназии отправил его в Казань в университет и помогал ему и там, пока Илья Николаевич, с детства приученный к труду, не стал сам содержать себя уроками.

Василий Николаевич не имел своей семьи и всю жизнь отдал матери, сестрам и брату.

Студенческие годы Илья Николаевича пришлось в тяжелое царствование Николая I, когда родина наша страдала под игом крепостного права, большая часть населения была рабами, которых владельцы их, помещики, могли сечь, ссылать в Сибирь, продавать, как скотину, разроз-

¹ Оканчивавшие Астраханскую гимназию и поступавшие затем в университет в то время исчислялись единицами. В 1850 году только один Илья Николаевич из четырех окончивших гимназию поступил в университет.

² Василий Николаевич Ульянов служил вначале объездчиком на соляных промыслах, а затем приказчиком фирмы «Братья Сапожниковы». По свидетельству А. И. Ульяновой-Елизаровой, он «много лет тянул лямку в одном и том же учреждении и отличался большой исполнительностью и добросовестностью» (Ответ т. Шидловскому. «Пролетарская революция», 1922, № 3, стр. 334). Василий Николаевич не был женат и умер 12 апреля 1878 года, на 60-м году жизни.

пивать семьи, женить по своему усмотрению. Задавленная, забытая крестьянская масса была совсем некультурной, безграмотной. Там и сям вспыхивали бунты против особо жестоких помещиков, пускались им «красные петухи» (поджоги), но все это было неорганизовано, сурово подавлялось, и опять в деревнях стояли беспросветная тьма и отчаяние, заливаемые единственным утешением, единственным спасением — водкой. А для самых непокорных, для тех, кто не мог подчиниться, оставалось одно: бежать в степи, леса и жить разбоем.

Брат Ильи Николаевича
Василий Николаевич Ульянов.

Знать, в старинный тот век
Жизнь не радость была,
Коль бежал человек
Из родного села,
Отчий дом покидал,
Расставался с женой
И за Волгой искал
Только воля одной.

Так пелось в одной народной песне.

Тяжкий гнет над большинством населения, «низшим» сословием, как тогда говорилось, не давал жить спокойно и счастливо честно и искренне любящим свою родину людям сословия «высшего». Они возмущались несправием своей страны; откликались на западноевропейские революции, говорили о необходимости свободы слова, печати, собраний, о преимуществе выборного начала в управлении и прежде всего о необходимости отмены крепостного права — этого позора, которого ни в одной европейской стране давно уже не было. Те, которые выступали особенно смело, гибли на каторге и виселицах (процесс де-

кабристов 1825 г., петрашевцев 1848 г. и др.); остальные затихали или шептались по уголкам, и опять, по выражению поэта:

Лежит вокруг мгла предрассветная,
Вихри злобы и бешенства носятся
Над тобою, страна безответная.
Все живое, все доброе косится...

Особенно тяжел стал этот гнет после революции 1848 года, прокатившейся по всей Европе. Как общеевропейский жандарм, стоял тогда на страже самодержавия Николай I, посылая русских солдат проливать кровь, усмиряя революцию в Венгрии. Так сильно еще было тогда самодержавие, что могло позволить себе роскошь подавления восстаний не только в своей стране, но и в соседних.

А в своей было задавлено всякое проявление свободной мысли.

А. И. Ульянова-Елизарова («Воспоминания о В. И. Ленине», 1, стр. 9—10).

Казань, правда, никогда не могла принять окраску города исключительно «дворянского», какими были, например, Симбирск, Пенза, Смоленск,— этому препятствовало значение нашего города как центра образовательного и административного, благодаря чему здесь всегда существовали кружки ученые, литературные и чиновнические, имевшие свои собственные интересы, свои идеалы и цели жизни, свое собственное мировоззрение,— тем не менее дворянский элемент был весьма ощутителен... В то время (то есть в 40—50-е годы XIX века.— *А. И.*) не только наше далекое Заволжье, но даже и более центральные города еще не были связаны с столицами рельсовыми путями, не существовало и правильного пассажирского паровозного сообщения,— а потому Казань служила действительным центром, к которому тяготело Среднее Поволжье и Прикамье, занимая по отношению к ним место маленькой столицы.

Н. Загоскин. Казанская старина. «Волжский вестник» (Казань), 1892, 28 марта.

Казанский университет имеет особое самостоятельное значение в кругу русских университетов. В то время как на западе и юге России сгруппировано несколько университетов и лицеев, огромное пространство восточной части Европейской России и вся Сибирь имеют один университет — Казанский, который дает высшее специальное образование молодому поколению этой части Русского царства, снабжая своими преподавателями гимназии губерний: Казанской, Нижегородской, Пензенской, Астраханской, Саратовской, Симбирской, Самарской, Оренбургской, Пермской, Вятской и своими врачами всю Сибирь, где медики, за исключением немногих, все казанцы. Правда, относительное число студентов к пространству, занимаемому восточным краем России и Сибирью, приводит к не совсем утешительным выводам насчет развития образования в этом крае, но эта самая огромность края, не позволяющая молодым людям небогатого состояния ехать в университет, и есть главная причина такого незначительного числа студентов¹.

Владимир Оков. Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1858—1859 академический год. Казань, 1859, стр. 3—4.

...Сразу после поступления (в Казанский университет.— *А. И.*), когда мы облеклись в желанную форму, с треугольной шляпой и шпагой, встал перед нами полицейский надзор в виде власти инспектора, тогда вершителя судеб студенчества², не только казенного, но и свое-

¹ В 1850/51 учебном году, то есть в том самом году, когда в Казанский университет поступил Илья Николаевич, в этом высшем учебном заведении было 309 студентов, в том числе 8 иностранцев. По социальному положению студенты распределялись так: сыновей дворян и чиновников — 205, купцов и мещан — 68, духовенства — 20, разночинцев и крестьян — всего 8. На математическом разряде физико-математического факультета вместе с Ильей Николаевичем занималось 37 человек.

² «Инструкция инспектору студентов Казанского университета» вменяла в обязанность инспектору тщательное наблюдение за всеми сторонами жизни студентов. Он должен был «обращать неусыпное внимание на религиозное направление учащихся в университете, противодействуя распространению между ними вредных начал». Инспектор обязан был следить, чтобы студенты «ни под каким предлогом и названием не заводили тайных обществ и

коштного, — две довольно резкие категории, на какие оно тогда разделялось...

Ректора никто не боялся. Он никогда не показывался в аудиториях, ничего сам не читал, являлся только в церковь и на экзамены. Как известный астроном, Симонов¹ считался как бы украшением города Казани, рядом с... помощником попечителя Лобачевским², большой математической величиной.

Попечитель³ произнес нам речь... Генерал Молоствов был, кажется, добрейший старичок, любитель музыки, приятный собеседник и пользовался репутацией усердного служителя Вакха⁴...

От всего этого начальства не исходило на нас никакого обаяния... Отношение в студенчестве ко всем этим лицам было насмешливое, вовсе не почитательное, размееется, — про себя; к инспектору так и прямо враждебное.

П. Д. Боборыкин. За полвека (Мои воспоминания). М.—Л., 1929, стр. 57—58.

сходбищ, не читали и не имели у себя запрещенных книг», причем своекоштных студентов инспектор и его помощники должны были чаще посещать — «в разные часы и всегда неожиданно». По существу, инспектор являлся помощником попечителя по части охраны «порядка» в университете. В годы учения в университете И. Н. Ульянова инспектором студентов был Василий Иванович Ланге.

¹ *Симонов Иван Михайлович (1794—1855)* — русский астроном, член-корреспондент Петербургской академии наук, профессор (с 1816 года) и ректор (с 1846 года) Казанского университета. Одним из первых в России изучал земной магнетизм. По его инициативе при Казанском университете были основаны две обсерватории — астрономическая (в 1833 году) и магнитная (в 1843 году).

² *Лобачевский Николай Иванович (1792—1856)* — знаменитый математик, создатель неевклидовой геометрии, мыслитель-материалист. Лучшие годы научного творчества Лобачевского связаны с Казанским университетом, где он был магистром, профессором (с 23-летнего возраста), деканом факультета и в течение 19 лет ректором. Лобачевский руководил организацией народного образования в Казанском учебном округе, вначале как член училищного совета (с 1818 года) и его председатель (с 1827 года), а в последние 10 лет жизни как помощник попечителя округа.

³ С 1846 года попечителем Казанского учебного округа был генерал-майор Владимир Порфирьевич Молоствов, казанский помещик, служивший до этого наказным атаманом уральского казачьего войска.

⁴ Вакх — в античной мифологии бог вина и веселья.

Главное здание Казанского университета
(50-е годы XIX века).

Бурна была жизнь казанского студенчества 40-х и 50-х годов. Хранящиеся в архиве местного университета дела по инспекции и канцелярии попечителя представляют собою целые томы производств по поводу зазорного поведения студентов и дают длинную хронику скандалов и безобразий более или менее публичного характера, бороться с которыми были бессильны все строгости университетской инспекции того времени. О гомерических (то есть необычайных по размерам.— *А. И.*) кутежах и попойках мы уже и не говорим: они носили положительно хронический характер; «весь избыток жизни уходил на кутежи», — не без основания замечает В. Н. Назарьев, характеризуя условия быта казанского студенчества того времени. Бывали, конечно, примеры и студентов-аристократов, которые не чужды были безобразий довольно-таки колоссального характера, какие учинял, например, симбирский уроженец, князь Ч-ев (вероятно, Чегодаев.— *А. И.*), который развлекался, по словам В. Н. Назарьева, тем, что, «вооружившись духовым ружьем, с чердака обстреливал и держал в постоянном осадном положении всю

Поперечно-Красную улицу», не говоря уже о целом ряде других безобразий и скандалов, которым ознаменовал себя этот княжич во время пребывания своего в университете. Но, говоря вообще, студенты-аристократы чуждались бурного разгула казанских буршей¹ старого времени и образовывали свою особую группу, хотя и впадали в противоположную крайность — увлечение светскою жизнью, наслаждениями более тонкого и «комильфотного» (в дворянском жаргоне — соответствующего нормам светского приличия.— *А. И.*) характера... Балы, вечера, пикники, спектакли, рысаки, женщины составляли альфу и омегу (то есть начало и конец, основу всего.— *А. И.*) этих самодовольных барчат, которые «поступили в университет, сами не зная для чего»; юридический факультет того времени особенно изобиловал юношами этой последней категории. Существовала, конечно, и в то время еще третья группа студентов (Илья Николаевич был из их числа.— *А. И.*), не принадлежавшая ни к «скандалистам», ни к «аристократам». Это была группа юношей, которые шли в университетский храм науки ради самой науки, которые усердно посещали университетские аудитории и терпеливо корпели над разными интегралами², монгольскими грамматиками и гистологиями³, не увлекаясь ни скандальными похождениями большинства, ни великосветскими тенденциями меньшинства своих университетских сотоварищей. Но эта группа представляла собою, — в этом следует сознаться, — совсем небольшой контингент тружеников, которые не в состоянии были дать собою никакого колорита на общем фоне казанской студенческой жизни сороковых и пятидесятых годов.

Ник. Загоскин. Граф Л. Н. Толстой и его студенческие годы. «Исторический вестник», 1894, январь, стр. 104—105.

Мы сходились туго, и, может быть, благодаря слишком резкой разности положений и царившему в то время барству, не существовало даже возможности понимания друг

¹ Бурш — студент (в старой Германии), член одной из студенческих корпораций.

² Интеграл — математическое понятие о целой величине как сумме своих бесконечно малых частей.

³ Гистология — наука о строении тканей человека и животных.

друга при самой бескорыстной, честной готовности к сближению. Одни из нас поступили в университет, сами не зная и не думая, что выйдет из этого; другие, более практичные, мечтали только о карьере, о том, чтобы как можно скорее узреть себя в числе кандидатов с дипломом в кармане; и только меньшинство искало света и увлекалось наукой... Ко всему этому, житье наше было до такой степени серенькое, что в настоящее время даже не верится в возможность существовавших тогда порядков и самый громовержец Мусин-Пушкин, в продолжение семнадцати лет безгранично властвовавший над Казанским учебным округом¹, представляется мне каким-то полумифом, созданным воображением. Тогда, то есть в мое время (имеются в виду 1846—1849 годы.— А. И.) еще держался такой порядок, что не только перед попечителем и ректором, но и перед инспектором приказано было, невзирая на погоду, стоять без фуражки, а в праздники вытягиваться с рукой у кокарды смешной и неудобной треуголки.

Крепко засело и чуть ли не до настоящей минуты живет во мне чувство какой-то вечной тревоги и томительного ожидания, что вот-вот кто-нибудь остановит, накричит и оборвет за такие пустяки, как расстегнутый крючок или пуговица, несвоевременная отдача чести, или за длинные волосы, считавшиеся несомненным признаком вольнодумства. Везде и всюду, на улице, в стенах университета, даже в театре, студент волей или неволей изображал какого-то напуганного зайца и прежде всего думал о том, чтобы как-нибудь не попасться на глаза начальству...

Единственным местом, где студент мог отдохнуть от неусыпного надзора, была его квартира, но там, в четырех стенах, обыкновенно, мрачной и крохотной комнатки, его ожидало полное одиночество². Никого, кроме хозяйки, какой-нибудь ворчливой мещанки, или хозяина, мелкого чиновника, исправно напивавшегося после получения жалованья и всячески старавшегося увлечь за собою своего

¹ М. Н. Мусин-Пушкин был попечителем Казанского учебного округа с февраля 1827 года по апрель 1845 года.

² В этой же статье В. Н. Назарьев пишет: «Своекоштные студенты-бедняки, как мы уже сказали выше, ютились в самых убогих кварталах города, где-нибудь под крышей, в крошечной комнатке, куда обыкновенно вела крутая лестница, по которой непривычному человеку и ходить было страшно» (стр. 727). Как известно, Илья Николаевич тоже был «своекоштным» студентом, то есть находился «на своем содержании».

квартиранта, между тем как молодость требовала разнообразия, сочувствия и простора, а известная степень развития не уживалась с окружающей пошлостью.

В. Пазарьев. Жизнь и люди былого времени. «Исторический вестник», 1890, том 42, стр. 722, 723.

Тяжелый гнет лежал и на студенчестве. Лишь в тесных кружках решалась молодежь отводить душу разговорами, петь свои запрещенные песни на слова Рылеева и других. Эти песни слышали потом от Ильи Николаевича его дети вдали от города, в прогулках по лесам и полям.

А. П. Ульянова-Елизарова («Воспоминания о В. И. Ленине», 1, стр. 10).

...«Податное состояние» затруднило ему (Илье Николаевичу.— *А. И.*) получение стипендии при поступлении в университет¹. На ходатайство директора Астраханской гимназии о предоставлении стипендии Ульянову, как «даровитому мальчику», не имеющему никаких средств, чтобы продолжать образование², последовал ответ попечителя Казанского учебного округа, в котором указыва-

¹ «Податное состояние» не только сделало невозможным получение Ильей Николаевичем стипендии, но и затруднило ему поступление в университет. В начале 1850 года было издано распоряжение, в силу которого в число студентов следовало принимать преимущественно лиц, имеющих право на поступление в гражданскую службу. В связи с этим был затруднен, а в некоторых случаях и вовсе прекращен доступ в университеты сыновей крестьян, мещан, солдат, вольноотпущенных, личных почетных граждан, евреев и иностранцев. Вполне понятно, что эта же преграда встала и перед Ильей Николаевичем.

² Директор Астраханской гимназии А. П. Аристов обратился 31 мая 1850 года к попечителю Казанского учебного округа В. П. Молоствову с просьбой принять И. Н. Ульянова в Казанский университет и назначить ему стипендию, так как «очень недостаточное состояние его брата (В. Н. Ульянова.— *А. И.*), его воспитывающего, преграждает такому даровитому мальчику (Илье Николаевичу.— *А. И.*) путь к дальнейшему образованию умственных способностей в университете: он (то есть Илья Николаевич.— *А. И.*) совершенно беден и круглый сирота» (см. *А. Аросев. Материалы к биографии В. И. Ленина. М., 1925, стр. 6.*)

лось, что стипендии имеют целью «облегчить лишь чиновникам способы к воспитанию детей. Но для приема Ульянова, принадлежащего к мещанскому сословию... в число стипендиатов... нет достаточного основания». И поступив на физико-математический факультет¹ Казанского университета «на своем содержании», Илья Николаевич в значительной степени сам зарабатывал средства к жизни, давая частные уроки.

Таким образом, отцу рано пришлось изведать материальные лишения, он рано стал самостоятельным, сам пробивал себе дорогу в жизни, и это закалило его характер, выработало большую трудоспособность, строгое отношение к выполнению своего долга (пример чего еще в детстве подавал ему брат Василий). Эти черты вместе с «большой настойчивостью в проведении намеченного плана, всякой взятой на себя работы»² были характерны для Ильи Николаевича в течение всей его жизни. Несмотря на слабое здоровье, он работал всегда очень много.

М. Ульянова, стр. 10.

Воспитанный в трудных условиях, видевший перед собой постоянно в лице брата строгое выполнение долга, И(лья) Н(иколаевич) и сам привык к тому же и, несмотря на слабое здоровье, отличался всю жизнь большой трудоспособностью и исполнительностью в работе. Свойственна ему была также большая настойчивость в проведении намеченного плана, всякой взятой на себя работы. Рано

¹ Вначале Илья Николаевич собирался поступить на юридический факультет, но затем решил пойти на физико-математический. Для того чтобы быть зачисленным в университет, ему нужно было выписаться из податных и представить увольнительное свидетельство с обязательством от мещанского общества принять на себя платеж податей и отправление рекрутской повинности. Астраханская городская дума выдала И. Н. Ульянову такое свидетельство, но вместе с тем сообщила, что он может считаться уволенным лишь до новой переписи лиц «податного состояния». Учебную администрацию это не удовлетворило, и зачисление Ильи Николаевича в университет 30 сентября 1850 года состоялось лишь условно. Переписка между Астраханской думой и Казанским университетом по этому поводу длилась более полугода. Лишь 3 февраля 1851 года И. Н. Ульянов был утвержден в числе студентов.

² Слова, взятые в кавычки, принадлежат А. И. Ульяновой-Елизаровой (см. «Юбилейный сборник», стр. 8).

начал также И (лья) Н (иколаевич) подрабатывать уроками и в университете содержал себя последние годы уже самостоятельно.

А. Ульянова («Юбилейный сборник», стр. 7—8).

Лучшими факультетами (Казанского университета.— *А. И.*) по составу профессоров были математический и словесный, куда в большинстве случаев поступали бедняки, только что не с колыбели предназначенные занимать места учителей гимназий и ничего, кроме учительства, не ожидавшие впереди. Они отличались солидностью, под гребенку обстриженными волосами и мундирами дешевого светло-зеленого сукна.

В. Назарьев. Жизнь и люди былого времени. «Исторический вестник», 1890, том 42, стр. 724.

Наконец настал желанный день, лекции начались... С радостным трепетом входил я в университет; приходилось с парадного подъезда идти длинным, узким и довольно темным коридором нижнего этажа главного корпуса, в котором направо помещалась квартира инспектора студентов; коридор оканчивался довольно большою, светлою прихожей, из которой одна дверь, направо, вела в квартиру инспектора, а другая, налево, в большую танцевальную залу; из той же прихожей шла широкая лестница в верхний этаж, в котором помещались аудитории...

Мы пошли в свою аудиторию, в которую следом за нами вошел М. М (ельников) ¹, взял губку, провел ею несколько раз по доске, потом снова положил на столик; улыбнулся, взглянул на нас, очевидно, намереваясь сказать что-то подходящее к только что совершившемуся событию, но раздумал; долго тер себе затылок, наконец взял мел и начал лекцию.

¹ *Михаил Иванович Мельников* в 1823 году окончил Симбирскую гимназию, а в 1826 году — физико-математическое отделение Казанского университета. В 1829 году стал преподавателем университета, в 1841 году получил степень магистра и был избран адъюнктом чистой математики. В 1854 году оставил университет. Умер в 1885 году.

М (ельников) был адъюнктом при кафедре математики, на которую незадолго до моего поступления в университет (то есть незадолго до 1846 года.— А. И.) переведен был из учителей 1-й гимназии доктор математики Александр Федорович Попов¹ вместо Лобачевского, назначенного помощником попечителя... М (ельников), магистр математики, в то время был уже пожилым человеком; среднего роста, с довольно жидкими темными волосами, которые он зачесывал наверх, прикрывая пробивавшуюся лысину; с широким, но низким лбом, он имел вид доброго и простого человека... М (ельников) читал лекции довольно хорошо и толково, писал формулы и чертил на доске красиво; но курсы его по всем предметам (а он читал на первом курсе тригонометрию, алгебраический анализ, дифференциальное исчисление и аналитическую геометрию) были очень кратки и отличались часто отвлеченным характером...

Надо вообще сказать, что в то время преподавание всех профессоров математического разряда имело такой же характер. Мы, студенты-математики, знали отлично вывод разных общих формул, но применения их даже к самым простым частным случаям или примерам от нас никогда не требовалось, и потому представляло для нас впоследствии большое затруднение.

После лекции мы должны были слушать физику, но оказалось, что профессор физики Савельев² лекций еще не начинал. Савельев, как говорили, был очень способный человек; он незадолго перед тем временем поступил на кафедру физики вместо старика Кнорра, переведенного, кажется, в Киевский университет. Но Савельев сильно кутил, часто пропускал лекции, почему его курс опытной физики был очень короток и мало чем отличался от гимназического; математической же физики он вовсе не читал. В физическом кабинете³, хотя и богатом инструментами,

¹ Попов Александр Федорович (1815—1878) учился в Вятской гимназии, а затем в Казанском университете. В 1843 году был утвержден в степени магистра, а в 1845 году — доктора математики и астрономии. А. Ф. Попов преподавал в университете в течение 20 лет — с 1846 по 1866 год.

² Савельев Александр Степанович (1820—1860) в 1846 году определен адъюнктом по кафедре физики и физической географии в Казанский университет. С 1852 года — доктор физики и химии. В 1855 году был переведен в Москву.

³ Физический кабинет помещался в отдельном здании и включал в себя метеорологическую и магнитную обсерватории, а также

никто из студентов не занимался — это было, как я уже говорил, не в обычае. Замечательно — если Савельев хотел показать на лекции какой-нибудь опыт, то ему это почти никогда не удавалось, все что-нибудь испортится, чего-нибудь недостает; ясно было, что к лекции профессор не особенно заботился готовиться.

За физикой следовала лекция геодезии. Предмет этот читал Иван Михайлович Симонов, профессор астрономии, который был вместе с тем и ректором университета¹. Симонов был довольно толстый, среднего роста старик, весьма еще свежий, очень рябой, с живыми маленькими глазами, он страдал полипом в носу, вследствие чего, когда говорил, часто останавливался и сильно дул носом, с некоторым свистом. Говорят, что он был весьма любезный в обществе человек. Симонов совершил когда-то, в качестве астронома-наблюдателя, кругосветное путешествие с Беллинсгаузен², о чем нередко вспоминал, рассказывая разные анекдоты из этого путешествия. Симонов был хороший наблюдатель, при нем обсерватория обогатилась отличными астрономическими инструментами. При чтении геодезии Симонов приносил в аудиторию какой-нибудь из мерительных инструментов, ставил его посредине аудитории и весьма подробно описывал его устройство и обращение с ним, причем, однако же, нам не позволял даже и притрагиваться к инструменту, вследствие чего мы и вышли из университета, не умея обращаться даже с самым простым угломерным инструментом, не говоря уже об инструментах собственно астрономических. Симонов только в 4 курсе, читая практическую астрономию, всего один раз повел нас в башню обсерватории³, где позволил по-

механическое заведение. В продолжение всех лет, проведенных Ильей Николаевичем в университете, физический кабинет возглавлялся профессором А. С. Савельевым. Под руководством Савельева Илья Николаевич в течение полугода проводил опыты при метеорологической обсерватории.

¹ В 1849/50 учебном году ректор университета И. М. Симонов был освобожден от чтения лекций. В годы учения Ильи Николаевича астрономию читал Мариан Альбертович (Войтехович) Ковальский (1821—1884), назначенный в августе 1850 года адъюнктом по кафедре астрономии в Казанский университет.

² *Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич (1779—1852)* — знаменитый русский мореплаватель. В 1819—1821 годах возглавлял кругосветную экспедицию, открывшую Антарктиду и много островов в полярной и тропических зонах.

³ В июне 1850 года управляющим астрономической обсерва-

смотреть разные инструменты, но при этом зорко следил, чтобы мы как-нибудь не дотронулись до которого-нибудь из них.

Со студентами Симонов был очень обходителен, и как ректор, и как профессор, а на экзаменах даже слаб; иногда вовсе не слушал, что студент отвечает, но если окончательный вывод из вычисления был написан верно, то студент всегда получал хорошую отметку...

В течение недели я побывал на лекциях всех профессоров, читавших на математическом разряде. Кроме предметов собственно математических, у нас на первом курсе читались зоология, ботаника и минералогия из предметов естественного разряда, химия, как предмет общий математическому и медицинскому факультетам и камеральному разряду юридического факультета, архитектура, которая читалась одним математикам, наконец, богословие, как предмет общий всем факультетам; кроме того, на выбор студентов предоставлялось слушать один из новых языков, французский или немецкий¹. Все эти предметы, кроме богословия, считались второстепенными или дополнительными...

Профессор зоологии был известный ученый Эдуард Александрович Эверсман². В то время это был уже почтенный старик, высокий, худощавый, несколько сутуловатый, с густыми седыми волосами, с умной, серьезной физиономией; по внешности он отличался тем, что носил усы, которые в то время, как известно, в гражданской службе составляли чуть не преступление; не знаю, вследствие чего Эверсману была разрешена эта необычайная вольность; на лекции Эверсман приходил часто в длинном теплом сюртуке, что также представляло большую особенность, так как профессора ходили в то время на лекции обязательно в форменном фраке и со всеми орденами, которые имели. Эверсман читал зоологию в своей,

торией был назначен астроном-наблюдатель *Михаил Васильевич Ляпунов (1820—1868)*, который оставался в этой должности во все годы учебы Ильи Николаевича в университете. На Ляпунова была возложена обязанность «упражнять студентов в практической астрономии».

¹ Илья Николаевич изучал французский язык.

² *Эверсман Эдуард Александрович (1794—1860)* образование получил за границей. В 1828 году был избран ординарным профессором ботаники и зоологии Казанского университета, в 1833 году получил звание заслуженного профессора.

отдельной от других, аудитории, помещавшейся в левом крыле университетского здания, рядом с зоологическим кабинетом, наполненным коллекциями чучел разных животных, собранных большею частью самим Эверсманом во время его многократных путешествий. Лекции Эверсмана математикам состояли из описания животных... Лекции выходили необыкновенно усыпительны. На эти лекции студенты-математики только изредка заглядывали, надеясь, что на экзамене Эверсман никому из них дурной отметки не поставит, что и было на самом деле, хотя мы, по правде сказать, ровно ничего не знали из зоологии, кроме самых обыкновенных вещей, чем Эверсман и довольствовался.

Профессор ботаники Петр Яковлевич Корнух-Троцкий¹ был пожилой уже, но чрезвычайно живой и добрейший человек, страшный балагур, говоривший всегда с разными шутками и прибаутками; он, как говорили, был человек очень сведущий в систематике растений. Жил Троцкий в ботаническом саду университета, находящемся на берегу озера Кабана, в Дальней Архангельской слободе, откуда и приезжал ежедневно на своей маленькой лошадке на лекции в университет; лекции он читал в небольшой аудитории ботанического кабинета, помещавшегося рядом с кабинетом зоологическим... Вследствие необыкновенной доброты Троцкого, математики к нему на лекции вовсе не ходили, так как он не обращал на это никакого внимания, и при переводе во второй курс, где ботаника уже не полагалась математикам, вовсе не экзаменовал, а прямо в экзаменационном списке ставил всем по тройке...

Профессор минералогии и геогнозии Петр Иванович Вагнер², толстый седой старик с большими навывкате глазами, всегда в форменном фраке, застегнутом на все пуговицы, был чрезвычайно аккуратным во всем, что касалось служебных обязанностей; минералогический кабинет, который был обязан ему многими богатыми коллекциями,

¹ *Корнух-Троцкий Петр Яковлевич (1803—1877)*, окончив Московский университет и Дерптский профессорский институт, в 1836 году был избран ординарным профессором Казанского университета по кафедре ботаники. Уволен по болезни в 1858 году.

² *Вагнер Петр Иванович (1799—1876)* был утвержден профессором Казанского университета по кафедре минералогии и геогнозии в 1840 году. В 1865 году оставил Казанский университет в звании заслуженного профессора.

Вагнер держал в необыкновенной чистоте и образцовом порядке... Вагнер на лекциях описывал минералы ясно и толково. Математики ходили к нему довольно усердно, так как он на экзаменах, хотя и был к ним снисходителен, но все-таки требовал, чтобы они знали порядочно по крайней мере кристаллографию.

Неорганическую химию математикам, вместе со студентами других факультетов, читал известный профессор Клаус¹. Клаус и по своей наружности был прелестнейшею личностью; румяный, с включенными седыми волосами, невысокого роста, весьма живой старичок, он был любимым профессором студентов, работавших у него в лаборатории. Он как-то особенно мило говорил по-русски, растягивая гласные буквы, и с заметным немецким акцентом, хотя и совершенно правильно. Его лекции сопровождалась всегда весьма интересными опытами и читались просто и понятно, почему и посещались студентами охотно, так что аудитория его всегда была полна. Надобно, однако же, сказать, что студенты-математики никогда сами в лаборатории не работали, а потому, зная довольно хорошо химию к экзамену, мы вскоре потом ее совсем позабыли. На экзаменах Клаус одинаково требовал знания химии от студентов всех факультетов, которые его слушали, безразлично; он никому даром хорошей отметки не ставил, и у него нельзя было ее ничем выпросить...

Богословие и философию² читал архимандрит Гавриил, настоятель Зилантовского, близ Казани, монастыря. Несмотря на то что богословие было главным предметом и что для получения впоследствии степени кандидата нужно было иметь из этого предмета не менее 4, студенты ни

¹ *Клаус Карл Карлович (1796—1864)* в 1837 году был определен в Казанский университет адъюнктом фармации, а впоследствии утвержден экстраординарным и ординарным профессором по кафедре химии. С осеннего полугодия 1850 года неорганическую химию студентам-математикам стал читать *Бутлеров Александр Михайлович (1828—1886)* — впоследствии знаменитый химик, создатель теории химического строения, лежащей в основе современной органической химии.

² В 1850/51 учебном году в университетах была упразднена отдельная кафедра философии. Кафедру эту объединили с кафедрой богословия. Лекции по логике и психологии Илья Николаевич слушал на 1-м и 2-м курсах университета. В 1850/51 учебном году была учреждена кафедра педагогики. Полный курс педагогики, включающий в себя и ее историю, Илья Николаевич слушал на 3-м и 4-м курсах университета.

малейшего внимания не обращали на преподавание Гавриила и мало ходили к нему в аудиторию, а больше балагурили с ним в коридоре, окружая здесь его со всех сторон и нередко падоедая с разными шутками и иногда довольно глупыми вопросами, на которые он, однако же, находил всегда ответить что-нибудь, подчас весьма бесцеремонно...¹

Архитектуру или, лучше сказать, жалкое ее подобие читал старик с длинным красным носом, архитектор университета Коринфский², в звании экстраординарного профессора. Коринфский архитектором-практиком, должно быть, был хорошим: под его надзором, правда при руководстве Лобачевского, были выстроены многие университетские здания; но преподаватель он был до крайности плохой, у него студенты ничему не научились, хотя между ними и были желающие, и архитектура у нас все равно как бы и не читалась...

Французскому языку в университете тоже нельзя было научиться, так как лектором этого языка оказался тот же Де-Планьи, у которого мы учились и в гимназии и который в университете еще меньше занимался, чем в гимназии³.

За исключением математического разряда, в котором все профессора были русские, во всех других факультетах было много профессоров немцев: Винтер, Фатер, Фогель, Камбек, Берви, Блюсфельд и т. д. В то время все это были уже немолодые люди; несмотря на давнюю службу в университете, все весьма плохо говорили по-русски, и многие отличались замечательным чудачеством...

Быстро для нас шло время в постоянных занятиях; утром слушание лекций в университете, вечером составление их и переписка набело оставляли мало свободного времени... И Мельников и Симонов читали не помпогу, и притом за ними записывать было легко; отнимала только много времени геодезия, так как к тексту приходилось

¹ В марте 1850 года архимандрит Гавриил перестал преподавать в университете, а чтение богословия, логики и психологии в сентябре 1850 года было возложено на священника Грузинской церкви магистра Александра Поликарповича Владимирского.

² *Коринфский Михаил Петрович (1788—1851)* был архитектором Казанского университета почти 30 лет. По его чертежам построены многие университетские здания.

³ Алексеем Александровичем Де-Планьи утвержден штатным лектором французского языка в Казанском университете в 1848 году. Был уволен в мае 1858 года «за выслугою срока».

делать чертежи и рисунки геодезических инструментов и их частей; руководства у нас не было, и Симонов нам никакого не указал... Профессор физики Савельев говорил чрезвычайно скоро и притом вовсе не систематично, записывать за ним было трудно, да кроме того писал формулы или чертил на доске крайне беспорядочно и плохо, стирал, не давая записать, вообще отличался тем беспорядочным чтением, которое в предметах математических особенно ощутительно для слушателей. Вообще, вне слушания лекций, домашние наши занятия в первых трех курсах состояли исключительно в составлении лекций; никаких других письменных работ от нас не требовалось, и никаких руководств для прочтения профессора нам не рекомендовали. Но составление лекций оказалось нам впоследствии большую услугу, когда пришлось писать кандидатские диссертации, оно приучило нас ясно и логично излагать свои мысли; да, кроме того, тем, кто составлял лекции, не было большого труда приготовление к репетициям и экзаменам...

Стипендий, кроме казеннокоштных студентов, тогда не было, пособий тоже никто не получал¹; освобождение от платы за слушание лекций², что делалось тоже не часто, считалось уже хорошей помощью. Получая весьма небольшие средства из дому, большинство студентов жили весьма и весьма скромно...

Мои товарищи по курсу, да, можно сказать, и все студенты того времени политикой вовсе не занимались, газет не читали, да их и негде было взять, публичных или частных библиотек для чтения тогда и в заводе не было, читальных комнат не только у студентов, но и у профессоров тоже не было; журналы и газеты, которые получал университет, поступали прямо в университетскую библиотеку³, где ими и пользовались профессора; студенты же

¹ В 1850/51 учебном году из 309 студентов университета «своекоштных», то есть полностью содержащих себя, было 223, «казенных» — 56, стипендиатов разных ведомств — 27, пансионеров — 3.

² С 1849 года плата за слушание лекций в провинциальных университетах повысилась с 14 рублей 23 копеек до 40 рублей в год. Распоряжением попечителя Казанского учебного округа от 15 сентября 1850 года И. Н. Ульянов был освобожден от платы за слушание лекций, но на казенный «конт» (содержание) прият не был.

³ Библиотека Казанского университета состояла из двух отделений: главного и студенческого. «Первое, — говорится в Отчете университета за 1850/51 академический год, — включает в себе

ходили в библиотеку только для получения источников к диссертациям, но это было только уже в последнем курсе. Беллетристические журналы большинству студентов тоже не были доступны; из университетской библиотеки студентам нечего было и думать их получить, даже и за старые годы; поэтому журналы эти попадали в руки студентов изредка, только от городских знакомых. Однако же все выдающееся в литературе студенты всячески доставали и с жадностью читали, а тогда было что почитать — писали Гоголь, Лермонтов, Соллогубов (правильно: Соллогуб. — А. И.)¹ и др(угие). Была в ходу между студентами и письменная литература, ее составляли преимущественно непропущенные тогдашнею цензурой произведения Лермонтова, Рылесва и др(угих), также разные стишки, песенки, сочиненные самими студентами и воспевающие инспектора или его помощников в юмористическом духе...

Корпорации студенческой, в тесном смысле слова, тогда не было, но товарищество между студентами существовало тесное; связывал всех мундир и общая всем *alma mater*², которая налагала на каждого студента известные обязанности, установившиеся обычаем...

У нас, математиков второго курса³, стали читать лекции два новых для нас профессора — Александр Федорович Попов и Петр Иванович Котельников⁴. Попов был учеником Лобачевского; он обладал отличными познаниями в математике, но по своим способностям и глубине взгляда был далек от своего учителя. В университете, где Попов занял кафедру Лобачевского, он читал интеграль-

по возможности полное собрание книг — ученых, беллетристических, периодических изданий, рукописей, карт, чертежей и проч.; второе состоит преимущественно из книг руководительных, которые могли бы служить студентам пособием при слушании лекций...» (стр. 36). В 1850/51 учебном году в главном отделении было 21 992 названия, в студенческом — 2282 названия.

¹ *Соллогуб Владимир Александрович (1813—1882)* — русский писатель, автор повестей «Лев», «Медведь», «Большой свет», «Тарантас», в которых реалистическое изображение нравов великосветского общества сочеталось с реакционно-славянофильскими иллюзиями.

² *Alma mater* (латинск.) — мать-кормилица. Так студенты обычно называли свой университет.

³ В 1851 году на 2-й курс физико-математического факультета вместе с Ильей Николаевичем перешло 9 студентов; в 1852 году со 2-го на 3-й курс переведено 5 студентов; в 1853 году с 3-го на 4-й курс — всего 3 студента (в том числе и Илья Николаевич).

⁴ См. именной указатель цитируемых авторов.

ное и вариационное вычисления; преподавание его отличалось чрезвычайной ясностью при точности выражений и необыкновенной красоте и аккуратности письма формул на доске, в этом последнем он доходил до педантизма, его лекции мы записывали почти слово в слово, и их нетрудно было составлять. Курс, читанный Поповым, был весьма сжатым, что, конечно, обуславливалось тем, что Попов один был преподавателем этих обширных предметов, но в этом курсе ничего существенного не было опущено; он был тщательно составлен, всегда дополнялся новыми исследованиями и давал молодым людям, его прослушавшим, полную возможность продолжать без затруднения дальнейшие занятия математикой. Если у кого из нас впоследствии выработался ясный и точный математический слог, то этим мы обязаны исключительно Попову, обращавшему особенное внимание на точность и ясность выражений, не только в тетрадках лекций, которые, согласно его желанию, мы подавали ему для исправления, но и в наших ответах ему на экзаменах... Во время моего студенчества (то есть в 1846—1850 годы.— *А. И.*) Попов был лет около сорока; он был маленького роста, с горбатым, довольно большим носом, который он часто, задумываясь над каким-нибудь вычислением, оседлывал указательным пальцем правой руки — это был его любимый жест...

Я не помню, где воспитывался профессор механики Котельников, но по окончании образования он был отправлен для усовершенствования за границу... Я застал Котельникова уже немолодым человеком, ему тогда было, по-видимому, за сорок лет. Котельников отлично знал свой предмет и был прекрасным педагогом¹; в своих лекциях, читанных им чрезвычайно ясно, он следовал курсу механики Пуассона², так что можно было и не составлять его лекций. Котельников был среднего роста, очень худой, некрасивый собой и крайне близорукий, отчего и носил постоянно очки... Котельников в то время был деканом

¹ «Котельников,— писал о нем его товарищ по Дерптскому профессорскому институту, знаменитый хирург и педагог Н. И. Пирогов,— большой и хилый, но гениальный математик... От Котельникова все ожидают, что он займет высшее место (выше самого Остроградского) в ряду русских математиков...» (См. «Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета», ч. 1. Казань, 1904, стр. 375).

² Пуассон, Симеон Дени (1781—1840) — выдающийся французский механик, физик и математик.

физико-математического факультета; он после моего студенчества прослужил в университете еще с лишком двадцать пять лет и умер уже в глубокой старости, дослуживая, после срока, пятое пятилетие. На экзаменах Котельников был крайне добр и снисходителен до слабости...

Но тогдашним университетским правилам окончательный экзамен приходилось сдавать только за один последний курс¹, что было вовсе нетрудно; но главную и серьезную работу составляла диссертация; подать ее должно было к началу экзаменов, т. е. к маю месяцу. Выбор темы для диссертации и тогда составлял главную заботу студентов, причем, разумеется, прибегали к помощи профессоров. Темы, которые назначались факультетом для соискания наград, обыкновенно пугали студентов; все казалось, что от диссертации, написанной на заданную факультетом тему, потребуется гораздо больше и требования эти будут строже, поэтому большинство студентов избирали свои темы, а не те, которые назначались тогда в каждом факультете по одной².

Э. П. Янишевский. Из воспоминаний старого казанского студента. «Волжский вестник» (Казань), 1893, 5, 13, 15, 19, 22 января, 26 февраля, 16 апреля.

Он (И. П. Ульянов.— А. И.) стал мне рассказывать, как в молодости студентом любил путешествовать.

В. А. Калашников («Юбилейный сборник», стр. 45).

Предъявитель сего студент физико-математического факультета, 4 курса, Илья Ульянов, состоящий в ведомстве императорского Казанского университета, уволен от

¹ Помнится, что со следующего (то есть с 1850/51 учебного.— А. И.) года выпускные экзамены уже начались за все четыре курса из главных факультетских предметов, не повторялись только экзамены из дополнительных предметов.— Примечание Э. П. Янишевского.

² На 1853/54 учебный год, когда заканчивал университет Илья Николаевич, на физико-математическом факультете по разряду математических наук на соискание наград была назначена тема: «О передаче движения в машинах помощью зацеплений (theorie des engrenages)» (Отчет императорского Казанского университета за 1853--1854 академический год. Казань, 1854, стр. 47).

нижеписанного числа (то есть с 20 июня 1853 года.— *А. И.*) в г. Астрахань по 22 июля 1853 года. В удостоверение чего и дан ему, г. Ульянову, сей билет для свободного проезда за надлежащим подписом и с приложенным казенной печати. Казань. 20 июня 1853 года. № 249¹.

Отпускной билет *И. Н. Ульянова*. Цит. по ст. Е. Ильенко «Илья Николаевич Ульянов — студент университета». «Ленинец» (Казань, государственный университет), 1961, 21 января.

Вследствие предписания Совета университета от 30-го июня сего (1854-го.— *А. И.*) года за № 521, факультет честь имеет сим донести, что он, произведя дополнительные испытания студентам 4 курса Николаю Пасмуру и Илье Ульянову, удостоивает сих студентов, как получивших в среднем выводе из главных предметов отметку 5 (отлично) и как представивших одобренные диссертации, ученой степени кандидата². При сем факультет честь имеет представить в Совет диссертацию г-на студента Ильи Ульянова под названием: «Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Klinkerfues'a. 1853 г...»

Декан *П. И. Котельников* — в Совет Казанского университета, 16 сентября 1854 г., № 56. Исторический архив Татарской АССР.

¹ Отпускной билет подписал инспектор студентов. В примечании к билету указано: «Уволенный Ульянов, на основании § 18 инструкции инспектора студентов императорского Казанского университета, обязан явиться в губернских городах к директору училищ и почетным попечителям, а в уездных городах к уездным предводителям или градоначальникам, и, получив от них при отъезде свидетельство о своем поведении, по возвращении предъявляет оное вместе с билетом инспектору студентов или исправляющему его должность». Возвратившись из Астрахани, И. Н. Ульянов предъявил инспектору скрепленное подписью и печатью директора училищ Астраханской губернии свидетельство, удостоверявшее, что он «во время пребывания в г. Астрахани вел себя отлично» (там же).

² В 1854 году Казанский университет по разряду физико-магематических наук закончило 5 человек. Трое из них (Илья Ульянов, Николай Пасмуров и Алексей Урванцов), «окончившие курс с отличными успехами и поведением», удостоились звания кандидата. Остальные два (Виктор Замошников и Андрей Заурих) получили звание действительного студента.

В 1854 г. Илья Николаевич окончил Казанский университет, со званием кандидата математических наук, представив письменную работу, которая получила одобрение факультета¹...

М. Ульянова, стр. 11.

Императорский Казанский университет свидетельствует, что студент *Илья, Николаев* сын, *Ульянов*, из мещан, при поступлении в сие заведение в 1850 году из Астраханской гимназии представил в доказательство своего происхождения: метрическое свидетельство о рождении и крещении, выданное из Астраханской духовной консистории от 4 июня 1850 года за № 1652, и увольнительное свидетельство от Общества мещан, выданное Астраханскою городскою думою от 2 декабря 1850 года за № 7251. Во время нахождения в университете, при способностях, прилежании и поведении отличных, обучался на своем содержании, физико-математического факультета, в разряде математических наук, общим предметам: богословию и церковной истории — с успехами хорошими; главным предметам: алгебраическому анализу, аналитической геометрии, тригонометрии, дифференциальному, интегральному и вариационному вычислениям, астрономии и геодезии, физике, физической географии с метеорологиею, механике твердых и жидких тел — с успехами отличными; дополнительным предметам: неорганической химии, минералогии и геогнозии, систем растительного царства, систем животного царства, архитектурно-технической химии, французскому языку, российским государственным законам, логике и психологии — с успехами хорошими. Окончивши полный курс сих наук и на публичных испытаниях доказав свои познания совершенно удовлетворительными ответами, он представил письменное рассуждение на избранную им тему: «Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса»,

¹ Научная работа И. Н. Ульянова «Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса» получила такой отзыв профессора астрономии М. А. Ковальского: «Ульянов постиг сущность астрономических вычислений, которые, как известно, часто требуют особых соображений и приемов» (Архив ТатАССР).

которое по рассмотрении в факультете одобрено. Почему, согласно достоинству факультета и Совета университета и по исключении Астраханскою Казенною Палатою из мещанского общества, что видно из отношения ее от 5 ноября 1854 года за № 4593, господином попечителем Казанского учебного округа на основании § 30 Положения о производстве в ученые степени, высочайше утвержденного в 6-й день апреля 1844 года, утвержден восемнадцатого ноября тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года, физико-математического факультета по разряду математических наук, кандидатом со всеми правами и преимуществами как сим Положением, так и Общим Уставом императорских российских университетов, высочайше утвержденным в 20 день июля 1835 года, и другими узаконениями сей ученой степени дарованными. В удостоверение чего и дан ему, г. *Ульянову*, сей диплом за надлежащим подписанием и с приложением казенной печати. При чем выдано ему обратно упомянутое выше метрическое свидетельство. Казань. Декабря 13 дня 1854 года.

Ректор императорского Казанского университета, заслуженный профессор, действительный статский советник и кавалер *Иван Симонов*.

Декан физико-математического факультета императорского Казанского университета, ординарный профессор, статский советник и кавалер *Петр Котельников*.

Секретарь Совста *В. Оков*.

Диплом, выданный И. Н. Ульянову правлением Казанского университета, от 13 декабря 1854 года. «Молодая гвардия», 1924, № 1, стр. 83—84.

УЧИТЕЛЬ

Илья Николаевич кончил Казанский университет в разгар Крымской войны. Эта война вскрыла с особой силой всю гнилость крепостного права, ярко осветила всю дикость николаевского режима. Это было время, когда резко критиковались крепостническая эпоха, крепостнический уклад, но революционное движение еще не оформилось...

Как педагог, Илья Николаевич особенно усердно читал Добролюбова. Педагогический фронт был в то время фронтом борьбы против крепостничества. Даль — автор «Толкового словаря живого великорусского языка» — еще в 1856 году резко высказывался против крестьянской грамотности. В школе царил самый бурсацкий режим; даже в гимназиях, куда принимались лишь дети дворян да слушающих, практиковалась порка.

Известно, какую борьбу против крепостнической школы вел Добролюбов. Он умер в 1861 году, 25-летним юношей. В 1857 году была напечатана его статья «О значении авторитета в воспитании», посвященная вопросу об авторитете учителя¹. Добролюбов сравнивал в этой статье авторитет при рабском, крепостническом укладе школы с авторитетом, который приобретает учитель, педагог благодаря уважению со стороны учеников. Добролюбов, цитируя Пирогова², писал там о роли убеждений: «...Убеждения

¹ Указанная статья Н. А. Добролюбова за подписью «Н. Л.». (то есть Н. Лайбов) под названием «Несколько слов о воспитании по поводу «Вопросов жизни» г. Пирогова» впервые была опубликована в журнале «Современник» (№ 5 за 1857 год).

² *Пирогов Николай Иванович* (1810—1881) — знаменитый хирург и анатом, положивший начало анатомо-экспериментальному направлению в хирургии; основоположник военно-полевой хирургии и хирургической анатомии. Будучи попечителем Одесского, а

даются нелегко: «только тот может иметь их, кто *приучен с ранних лет пронизательно смотреть в себя*, кто приучен с первых лет жизни *любить искренно правду, стоять за нее горюю и быть непринужденно откровенным* — как с *наставниками*, так и с сверстниками». И далее: «Дитя нередко жертвуется педагогическим расчетам. Вознесшись на своего нравственного конька, воспитатель считает воспитанника своей собственностью, вещь, с которой он может делать, что ему угодно», при этом «упускает из виду одно весьма важное обстоятельство — действительную жизнь и природу детей, и вообще воспитываемых...» Горячо, страстно восставал в этой статье Добролюбов против слепого, рабского, безусловного подчинения. «Нужно ли говорить о том губительном влиянии, какое производит привычка к *безусловному* повиновению на развитие воли?» — писал он.

В этой же статье, сказав о том, что при безусловном повиновении ребенка необходима и безусловная непогрешимость воспитателя, Добролюбов писал: «Но даже если мы допустим, что воспитатель всегда может стать выше личности воспитанника (что и бывает, хотя, конечно, далеко, далеко не всегда) — то во всяком случае он не может стать выше целого поколения. Ребенок готовится жить в новой сфере, обстановка его жизни будет уже не та, что была за 20—30 лет, когда получил образование его воспитатель. И обыкновенно воспитатель не только не предвидит, а даже просто не понимает потребностей нового времени и считает их нелепостью».

В этой статье Добролюбов подчеркивал правильные мысли профессора-хирурга педагога Пирогова, но когда Пирогов пошел на поводу у реакции и выдвинул в целях «воспитания законности» систему наказаний, в том числе и порку и исключение из школы, — со всею страстностью стал клеймить его Добролюбов.

Некрасов, которого так любил отец Ленина, Илья Николаевич, в стихах «Памяти Добролюбова» писал о нем:

...Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья
Ты отдал ей; ты честные сердца

позже Киевского учебных округов, пытался провести реформы в постановке обучения в школах, в связи с чем в 1861 году был уволен в отставку.

Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,
Но слишком рано твой ударил час,
И вещее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Добролюбов покорил и честное сердце Ильи Николаевича, и это определило работу Ильи Николаевича...

Н. К. Крупская, («Воспоминания родных о В. И. Ленине». М., 1955, стр. 172—174).

7 мая 1855 года Казанский учебный округ назначил на должность старшего учителя математики и физики в высших классах Пензенского дворянского института И. Ульянова — «кандидата Казанского университета, выдержавшего установленное испытание в комитете, учрежденном при Казанском университете для испытания кандидатов учительства и признанного означенного звания достойным»¹.

Назначение это подписано знаменитым математиком Лобачевским, бывшим в то время помощником попечителя Казанского учебного округа.

Из имеющейся в этом деле² подорожной от Казани до Пензы на «две лошади с проводником» следует, что из Казани И. Ульянов отправился 28 мая, с последней перед Пензой станции выехал 31 мая и, таким образом, прибыл в Пензу в первых числах июня месяца 1855 года.

Из ст. М. Молебнова («Юбилейный сборник», стр. 11).

Это было (речь идет о Пензенском дворянском институте.— *А. И.*) большое трехэтажное здание³ с золоченым крестом домово́й церкви на переднем фасаде; этот дом стоял среди большого двора, отделенного от Дворянской улицы высокой чугунной решеткой на каменном фунда-

¹ Утверждение Ильи Николаевича на этой должности состоялось 11 ноября того же года.

² Архивный фонд Пензенского дворянского института, дело № 52 за 1855 год.

³ Дворянский институт помещался в специально выстроенном для него здании. Сейчас здесь находится средняя школа № 1 имени В. Г. Белинского. На здании установлена мемориальная доска с надписью: «С 7 мая 1855 года по 22 июня 1863 г. здесь работал учителем Илья Николаевич Ульянов — отец В. И. Ленина».

менте. За институтом тянулся старый сад из липовых аллей, а за сплошным тесовым забором шел загородный лес — засека.

В нижнем этаже помещалась квартира директора¹, больница, столовая; в среднем — наши классы, залы, актовая со стенами под мрамор и рекреационная (то есть комната для отдыха.— *А. И.*), учительская, физический кабинет. Широкая чугунная лестница вела снизу еще и в третий этаж, где была очень изящная церковь и дортуары (то есть общие спальни для учащихся.— *А. И.*) с гардеробной.

Воспоминания *П. Ф. Филатова*. Цит. по ст. А. Храбровицкого «Новые материалы об И. Н. Ульянове в Пензе».

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Предъявитель сего, кандидат императорского Казанского университета *Илья Ульянов*, по испытанию, произведенному ему в том же университете, удостоен звания старшего учителя математики и физики в гимназиях.

В удостоверение чего и дано ему, Ульянову, сие свидетельство, за подписанием моим и приложением казенной печати. В Казани. Сентября 21 дня 1857 года.

Управляющий Казанским учебным округом, ректор университета, действительный статский советник *В. Ковальский*².

Правитель канцелярии (подпись).

Свидетельство о присвоении И. Н. Ульянову звания старшего учителя математики и физики, от 21 сентября 1857 года. «Молодая гвардия», 1924, № 1, стр. 85.

¹ Директором Пензенского дворянского института с 1859 года был Огонь-Догоновский, по свидетельству П. Ф. Филатова, «отставной майор, высокий статный мужчина лет 50, державший себя по-военному; он ходил в военной форме, строил нас во фронт, наблюдая, чтобы мы имели солдатскую выправку». Основными мерами педагогического воздействия у директора были розги, оставление без обеда. Старший надзиратель Дьяконов по его поручению взламывал столы учеников и производил обыски. После того как Огонь-Догоновский был отстранен от должности, директором института стал еще более рьяный службист — Шварбе.

² Фамилия ректора университета перепутана. Правильно: О. М. Ковалевский. Управляющим Казанским учебным округом в это время (с 23 мая по 12 ноября 1857 года) был Ф. Ф. Веселаго.

Установленная наличность архивных документов, характеризующих педагогическую деятельность И. Н. Ульянова, дает основание полагать, что он не один раз выходил за пределы своих чисто учительских обязанностей, а в сфере последних был педагогом по тому времени далеко не заурядным.

При самом вступлении на должность учителя математики и физики в Пензенский дворянский институт на И. Н. Ульянова была возложена обязанность заведовать метеорологическими наблюдениями. Он их производил до 1863 года — момента перевода его в Н. Новгород. В это время правильной постановке метеорологических наблюдений придавалось большое значение... Выбор Лобачевского остановился на И. Н. Ульянове, как лице, имевшем специальную подготовку в производстве метеорологических наблюдений.

25 мая 1855 года Лобачевский пишет директору института: «Кандидат Ульянов рекомендован мне ныне экстраординарным профессором Казанского университета Савельевым для производства метеорологических наблюдений, которыми г. Ульянов занимался уже в продолжение полугода под руководством его, г. Савельева, при здешней метеорологической обсерватории. Давая об этом знать Вам в ответ на Ваше отношение от 19 марта сего года, я предлагаю Вам допустить г. Ульянова к производству метеорологических наблюдений во вверенном Вам институте».

С этого момента до перевода в Н. Новгород И. Н. Ульянов неизменно и аккуратно производит наблюдения¹. Округ время от времени продолжает интересоваться ими. Так, на запрос почечителя округа директор института 3 августа 1857 года сообщает, что метеорологические наблюдения производятся под руководством и надзором стар-

¹ Заведующий метеорологическим бюро Пензенского губернского земельного управления В. Ф. Невзоров писал, что «лишь с 50-х годов наши метеорологические наблюдения начинают принимать действительно научный характер и отношение метеорологических наблюдателей к метеорологическому делу становится вполне серьезным. В этом отношении мы особенно должны отметить период 1856—1863 годов, когда метеорологические наблюдения на Пензенской метеорологической станции взял на себя Илья Николаевич Ульянов (отец В. И. Ленина). С этого времени в Пензе в сущности и начинаются действительно научные метеорологические наблюдения» («Юбилейный сборник», отдел II, стр. 47—48).

О грозе и громоотводах.

Во первый раз мы вступили на дачи
говорить пред Вами. Впоследствии Бюфур,
говорил о предмете, ином изумляющим, го-
ворил о предмете. Но зная речь и силу оста-
новить Вам внимание на явления, которые
имеют влияние в жизни на человека, на
явления грозы и поговорить о средствах
предохранения от них.

Еще в древней философии наблюдая и изу-
чая природу, но не имея сведений о на-
стоящей причине. Тогда в философии XVIII
столетия знаменитому Американцу Франклин
удалось доказать, что молния есть электри-
ческое, как и электрическая искра. В это
время начали изучать атмосферное электр-
чество и нашли, что воздух в воздухе содержит
в себе электричество, также положитель-
ное и отрицательное.

Много было предложено различных тео-
рий для объяснения причины атмосферного
электричества; но все эти теории не вы-
держивают строгой критики. Одна толь-
ко из них справедлива и объясняется
отчасти, что атмосферное электричество
происходит от испарения воды: пар

11. В книге под руками сочинения Франклина
и Лавуазье, и Франклин's 'Electricité' par F. de la Roche.

шего учителя математики и физики И. Ульянова; вознаграждения за это Ульянов никакого не получает и не пользуется никакими преимуществами перед своими товарищами; наблюдения отсылались профессору физики Казанского университета...

В производимых И. Н. Ульяновым наблюдениях была заинтересована не только обсерватория при Казанском университете. Наблюдения отсылались также и в Общество сельского хозяйства Юго-Восточной России. Президент этого Общества Морозов вследствие задержки канцелярией института отсылки таблиц просит прислать невысланные выписки метеорологических наблюдений, указывая при этом, что «эти выписки служат полезным руководством для изучения климата и вместе с наблюдениями, производимыми по распоряжению Общества в разных местах Пензенской и Саратовской губерний, составляют любопытный и поучительный запас сведений...»

В обработанном виде результаты наблюдений И. Н. Ульянова использованы в работах: «Correspondance Meteorologique», 1857 и 1858 гг., профессора Купфера; «Материалы для географии и статистики России» Сталля и Рябинина — Пензенская губ(ерния), ч. 1, стр. 163—227; «О температуре воздуха в Российской империи», С.-Петербург, 1878 г., академика Вильда...

В последнем по времени капитальном труде о климате Пензенской губернии профессора Московского университета А. А. Сперанского — «Климат Пензенской губернии», Москва, 1915, изд. Пензен(ского) губерн(ского) земства — представлен краткий исторический обзор метеорологических наблюдений в Пензе и Пензенской губернии и дана библиография трудов, в коих имеются данные о метеорологических работах И. Н. Ульянова.

В непосредственную связь с производимыми И. Н. Ульяновым метеорологическими наблюдениями мы должны поставить и научную работу И. Н. Ульянова «О грозе и громоотводах», написанную им в Пензе. Она была предназначена для прочтения на акте¹. Предвари-

¹ Работа «О грозе и громоотводах» была прочитана на торжественном акте института 23 ноября 1861 года. Она свидетельствует о материалистическом мировоззрении И. Н. Ульянова. Основной вопрос философии — отношения бытия и человеческого сознания — в ней решается с материалистических позиций. «Итак, наука... — заключает свою работу И. Н. Ульянов, — борется с пред-

тельно директор института, найдя эту работу «приличной», отправил ее на отзыв в физико-математический факультет Казанского университета, где (она) и получила одобрение. Ссылка И. Н. Ульянова на иностранный источник (де ла Рива, на французском языке), бывший в то время, по отзывам специалистов, совершенно новым, говорит за то, что данная работа выходит за пределы казенщины и свидетельствует о высоте культурного развития автора и наличии у него чисто научного интереса. Работа к тому же написана прекрасным литературным языком...¹

Архивных документов, характеризующих собственно педагогическую деятельность И. Н. Ульянова, немного, но найденные рекомендуют его только с лучшей стороны. Я думаю, не лишним будет упомянуть о том, что в отчете «О состоянии института» за 1858 год в числе четырех учителей упоминается И. Н. Ульянов, как выделившийся по способностям и успехам в преподавании. Кроме того, в том же 1858 году он получает за «усердие в преподавании» денежную награду в 150 рублей. Ревизией сенатора Сафонова в 1859 году И. Н. Ульянов отмечен за отличное ведение своего дела.

Последняя ревизия Пензенского института была осенью 1862 года. К этому времени в институте благодаря безвыходному материальному положению учебное дело совершенно разложилось. Ревизор Постельс дал о постановке преподавания в институте отрицательный отзыв. Вот выдержки из его «Записки об институте». «...Русская словесность в упадке. По русской и всеобщей истории успехи учеников могли бы быть удовлетворительнее. По законоведению было бы лучше, если бы ученики занимались этим предметом с большей любовью. По французскому языку успехи учеников не совсем удовлетвори-

рассудками и побеждает их самыми неопровержимыми доказательствами — фактами» («Юбилейный сборник», стр. 36). Кроме того, Илья Николаевич написал еще работу — «О пользе метеорологических наблюдений и некоторые выводы из них для Пензы».

¹ Цитируя в своей книге это место из статьи М. Молебнова, М. Ульянова дает к нему такое примечание: «Ссылка на сочинение на французском языке (А. De la Rive. *Traité d'électricité*. — А. И.) в работе Ильи Николаевича показывает, что он владел им. В начале 60-х годов, когда Илья Николаевич познакомился в Пензе со своей будущей женой Марией Александровной, они занимались вместе, по рассказам Л. И. Веретенниковой, и английским языком» (стр. 18).

тельны. По немецкому языку — успехи средственны». Тем большую значительность в период падения учебного дела в институте получает отзыв Постельса об И. Н. Ульянове: «по математике, физике успехи учеников достаточные: преподаватель Ульянов с усердием занимается своим предметом...»

Он не ограничивался формальным знанием того, что необходимо преподавателю. У него был научный интерес к своему предмету, интерес тем более ценный, что он часто не находил себе практического применения в деле преподавания.

Из ст. М. Молебнова («Юбилейный сборник», стр. 11, 12, 13, 14, 15, 16).

Преподаватель, старший учитель Илья Ульянов... отличается хорошими сведениями, превосходным методом преподавания, занимает учеников весьма деятельно практически и обладает терпением — драгоценным для педагога даром.

Отчет Пензенского дворянского института за 1860—1861 год. Цит. по кн. И. Федорова «Выдающиеся учителя и просветители Пензенской губернии». Пенза, 1958, стр. 26.

Пензенская губерния даже на фоне дореформенной России представляла собою из ряда вон выходящее явление. Точно в средневековом феодальном княжестве чуть не 30 лет безответственно и бесконтрольно «княжил» там в чине губернатора местный крупный помещик Панчулидзе. Окружив себя теплой компанией родственников и друзей из среды дворянства, он пользовался среди местных помещиков неограниченным доверием и поддержкой, которые основывались на принципе «рука руку моет». А все остальное население терпело полный произвол, самоуправство и злоупотребления, которые принимали иногда прямо сказочный характер. Был, например, случай, когда становой пристав украл с большой дороги деревянный мост.

Во время владычества Панчулидзева подавленность в губернии достигала такой степени, что никто не решался

возвысить голос, протестовать или жаловаться. Эта забитость и подавленность сказывалась еще долгое время после смещения Панчулидзева и его клики. Новый губернатор, граф Толстой, не понимая, в чем действительно было дело, объяснял незначительное количество тяжёбных дел в губернии «кротостью и миролюбивыми наклонностями народонаселения». В течение 30 лет Пензенская губерния, несмотря на безобразия, творившиеся в ней, была в Петербурге на лучшем счету, потому что из Пензы туда «никогда не доходило ни одной истории». Вскрылась вся эта панама ревизией сенатора Сафонова, когда пензенцы, почувствовав влияние нового духа при новом царствовании, решились наконец на донос. Формально этот донос исходил от какого-то мелкого писца Полилогова, но «нет никакого сомнения, — писал сенатор Сафонов, — что Полилогов есть только орудие других людей — с высшим образованием, со средствами и подробным знанием всех местных отношений и людей»¹.

Пенза была глухим, провинциальным городком, и число жителей ее в 1860 г. не превышало 25 тысяч...

Как ни сжата была вся губерния в полицейском кулаке, в ней, несмотря на это или, может быть, как раз поэтому, развивались и росли среди молодежи революционные настроения. Далекое не все благополучно в смысле политической благонадежности, как в учительской, так и в ученической среде, было и в мужской гимназии, а также в дворянском институте.

23 ноября 1860 года в последнем разыгрался небывалый по тому времени скандал. На годичном акте института, на котором присутствовали высшие власти города в лице губернатора (графа Толстого. — *А. И.*), архиерея (Варлаама. — *А. И.*), предводителя дворянства (Арапова. — *А. И.*) и т. п., а также родители учащихся, старший преподаватель словесности Логинов произнес речь на тему «Очерк сатирического направления русской литера-

¹ Злоупотребления А. А. Панчулидзева и его клики послужили материалом для статьи «Дневной грабеж в Пензе», напечатанной в герценовском «Колоколе». За три года до ревизии сенатора Сафонова, в 1856 году, Панчулидзев с большой помпой праздновал 25-летие своего губернаторства и даже получил к этому дню «милостивый рескрипт» от царя и бриллиантовую табакерку с его портретом. 14 августа 1859 года А. А. Панчулидзев после сделанных весьма неприятных для него разоблачений вынужден был уйти в отставку.

туры в XVIII в.». Под видом критики порядков и прав XVIII в. Логинов ярко и зло высмеял современное ему общество. Иллюстрируя свою речь цитатами из Кантемира, Сумарокова и пр., он говорил о «невежестве, наглom презрении к законности и правам человечества, крайнем нравственном развращении, которым отличались люди... прошлого века, облеченные во всеоружие наружного блеска, чванной лживости и фарисейского лицемерия»... «самоуправстве, тупом презрении к народу, безверии, смешанном с ханжеством и боязнью черта, надменном высокомерии, так легко и быстро переходившем в подлость и унижение» и т. п. Правда, в своей речи автор ее провозглашал «славу всещедрому создателю, что судил он нам жить теперь, а не в старые беспутные годы», но пензенское общество, не далеко ушедшее от этих «беспутных годов», узнало в речи само себя, и возмущению его не было пределов. Полетели доносы в министерство, посыпались выговоры, кары и т. п. Хотя речь получила предварительное одобрение и разрешение на прочтение ее на акте от Казанского учебного округа, который признал, что «общественное мнение несколько не может быть затронуто резкими выдержками о прошедших предрассудках» и указанная речь «доставит, конечно, для просвещенной публики, для которой она написана, много поучительных воспоминаний о прошедшем общественном состоянии общества», но тем не менее автор речи получил выговор и был перемещен в другой город¹, выговор был объявлен и педагогическому совету Пензенского дворянского института, а также историко-филологическому факультету Казанского университета, и в частности профессору Григоровичу, которому факультет поручил ознакомиться с речью и дать о ней свое заключение.

Логинов был не единичным представителем передового учительства в Пензе. Генерал-адъютант Огарев, командированный весной 1863 г. в Пензенскую и приволжские губернии с целью «обнаружения связей и злонамеренных сношений политических агитаторов», писал в своем отчете

¹ В 1866 году, после покушения Каракозова, Логинов был сначала переведен из Самарской гимназии, где он преподавал, «за стремление проводить между учащимися идеи крайнего социализма», в Казанскую гимназию, а затем совсем лишен права заниматься педагогической деятельностью.— Примечание М. Ульяновой.

Александр II: «Общий дух отрицания и неверия, исходящий преимущественно из Казанского университета, явно обозначается на некоторых преподающих в различных учебных заведениях, которые поэтому в дело воспитания вносят основания безприветности».

К числу таковых Огарев отнес в Н. Новгороде В. И. Захарова, включенного в список лиц, подлежащих особому надзору, так как он «пользовался дурной репутацией во время службы в двух институтах». До переезда в Н. Новгород Захаров учительствовал в Пензенском дворянском институте и был дружен с Ильей Николаевичем, который жил у него на квартире. Среди учащихся Захаров пользовался любовью и уважением, и Н. С. Таганцев¹ отзываясь о нем в своих воспоминаниях как «о самом дорогим мне человеку моего гимназического курса, так двинувшего мое умственное да, пожалуй, и нравственное развитие». В числе его учеников были и будущие члены ишутинского кружка, а Ишутин² и Каракозов³ жили одно время у Захарова на квартире. Он был значительно умереннее ишутинцев, что возбуждало позднее недовольство у его бывших учеников. Но, как бы то ни было, Захаров «потерпел» по каракозовскому делу. На запрос следственных властей по каракозовскому делу, заинтересовавшихся направлением учительского персонала в Пензенском дворянском институте и мужской гимназии, воспитанниками которых

¹ *Таганцев Николай Степанович (1843—1923)* — буржуазный криминалист, с 1887 года — сенатор, а затем первоприсутствующий уголовного департамента сената. Написал много работ, в том числе несколько капитальных трудов по уголовному праву.

² *Ишутин Николай Андреевич (1840—1879)* — народник. В 1863 году, будучи вольнослушателем Московского университета, организовал народнический кружок. Считая себя сторонниками Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, ишутинцы на деле отошли от позиций революционных демократов 60-х годов и мечтали о переустройстве России на началах общинного и кооперативно-артельного «социализма». Привлеченный к суду по делу Каракозова, был приговорен к смертной казни, в последний момент замененной пожизненной каторгой, которую отбывал в Сибири — на Александровском заводе и Каре, где и умер от туберкулеза.

³ *Каракозов Дмитрий Владимирович (1840—1866)* — революционер-террорист. В 1865 году вступил в кружок, руководимый его двоюродным братом Н. А. Ишутиним. Ошибочно считал, что убийство царя может послужить толчком для пробуждения народа к социальной революции. 4 апреля 1866 года у Летнего сада, в Петербурге, стрелял в Александра II, но промахнулся и был тут же арестован. 3 сентября 1866 года Каракозов был повешен на Смоленском поле, в Петербурге.

было большинство ишутишцев, жандармский штаб-офицер характеризовал Захарова как человека, «в высшей степени вредно влиявшего на учеников политически», и Захарову пришлось оставить педагогическую деятельность.

Фамилия отца также упоминалась во время следствия по караказовскому делу. До своего ареста, весной 1864 года, член ишутинского кружка Н. П. Странден¹, учившийся раньше в Пензенском дворянском институте, приехал в Н. Новгород, чтобы сдать там экзамен за гимназический курс. Он жил в Нижнем у своего товарища Васильева. Будучи привлечен по караказовскому делу, Н. Странден на вопрос следователя о его знакомых в Нижнем, ответил: «Кроме родственников Васильева и бывших моих учителей, Ульянова и Ауновского, знакомых я там не имел».

Это упоминание фамилии отца одним из обвиняемых по караказовскому делу не имело никаких последствий для Ильи Николаевича, да и Захаров был впутан в эту историю, очевидно, благодаря неистовству следственных властей, производивших колоссальное количество обысков и арестов у всех, хотя бы косвенно знакомых с кем-либо из обвиняемых по этому процессу. Возможно, что репрессии по отношению к Захарову (в Нижнем у него был обыск) вызывались тем обстоятельством, что следствием была установлена подготовка ишутинцев к освобождению Чернышевского и подозревалось, что симпатии к сосланному писателю привиты бывшим ученикам Пензенского дворянского института их преподавателем словесности В. И. Захаровым².

Хорошие отношения были у Ильи Николаевича и с преподавателем естественных наук В. А. Ауновским³.

М. Ульянова, стр. 11—16.

¹ Будучи еще учениками Пензенского дворянского института, Н. Странден и другие ишутинцы проявили себя разного рода протестами, кончавшимися нередко увольнением стронитивых. По делу Караказова Странден был приговорен к двадцатилетней каторге.— Примечание М. Ульяновой.

² Есть все основания предполагать, что именно В. И. Захаров и В. И. Логинов познакомили Илью Николаевича с произведениями Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

³ Ауновский Владимир Александрович (1835—1875) проработал в Пензенском дворянском институте с 1858 по 1862 год. Кроме преподавания в институте он занимался изучением дан-

Илья Николаевич Ульянов с воспитанницами дворянского института в Пензе.

Всматриваясь теперь в далекое прошлое институтской жизни, я задаю себе вопрос, почему многих из нас не исковеркало это заведение (то есть Пензенский дворянский институт.— *А. И.*), предоставленное произволу таких учителей-надзирателей, как Дьяконов, Госсен (учитель немецкого языка.— *А. И.*), Рейнах¹, И. В. В., и такому

ных о месторождениях каменного угля, а также этнографическими исследованиями жизни мордовского народа. После службы в Пензе он был переведен в Нижний Новгород, а затем служил инспектором Симбирской гимназии, исполняя одновременно обязанности секретаря Симбирского статистического комитета. Членом этого комитета был и Илья Николаевич, который принимал участие и в «Симбирских сборниках», издававшихся статистическим комитетом и редактировавшихся Ауновским. В 1872—1874 годах Ауновский был директором Порецкой учительской семинарии, затем, с 1 июля 1874 года и до смерти,— директором учительской семинарии в г. Искове. В. А. Ауновского и И. Н. Ульянова связывали близкие, дружественные отношения.

¹ Рудольф Федорович Рейнах преподавал немецкий язык. П. Ф. Филатов вспоминает, что это был «старый, сварливый, придирчивый человек. Из его преподавания мы все, конечно, помним только одно, что за незнание урока или за шалость он брал вишюного за ухо, складывал хрищ уха пополам у корня и растирал

директору, как Огонь-Д (огоповский)? Почему из нас вышли люди, а не нравственные уроды?

Мы обязаны отчасти влиянию своих родителей... отчасти же влиянию тех учителей, которые вносили в нашу жизнь честный взгляд и высокие нравственные принципы. Такими светлыми личностями были учителя русской словесности Логинов, Захаров, учитель математики И. Н. Ульянов... Они вносили в нашу жизнь отвращение к карьеризму и к материальной наживе...

Я любил одно время математику, пока ее преподавал в институте Ульянов.

Воспоминания П. Ф. Филатова. Цит. по ст. А. Храбровицкого «Новые материалы об И. Н. Ульянове в Пензе».

В Пензе, в семье своего сослуживца, инспектора дворянского института, И. Д. Веретенникова¹, который был женат на старшей сестре нашей матери (Анне Александровне Бланк.— А. И.), Илья Николаевич познакомился в начале 60-х годов со своей будущей женой, Маршей Александровной Бланк. Мария Александровна была дочерью врача, меццинина по происхождению, человека передового, идейного, сильного и самостоятельного, чуждого всякого карьеризма и прислужничества². Выйдя в отставку,

это сложенное ухо своими крепкими пальцами, приговаривая разные глупые прибаутки» (там же). Специальная комиссия, в которую вошли И. Н. Ульянов и В. И. Логинов, осудила деспотизм Рейнаха, и по ее представлению Педагогический совет 9 января 1861 года просил попечителя округа уволить Рейнаха из института.

¹ Иван Дмитриевич Веретенников, дворянин по происхождению, в 1841 году окончил Казанский университет, после чего в течение 15 лет работал заведующим библиотекой и преподавателем латинского языка Пермской гимназии. С 1856 по 1860 год был инспектором Самарской гимназии и вместе с тем исполнял обязанности директора училищ Самарской губернии. Инспектором Пензенского дворянского института стал в июле 1860 года. Умер, состоя на службе, 1 октября 1870 года.

² Бланк Александр Дмитриевич (1802—1873) в 1824 году окончил Петербургскую медико-хирургическую академию и получил звание лекаря. С самого начала своей практической деятельности показал себя энергичным, хорошо знающим свое дело врачом-хирургом. В его личном деле, хранящемся в Златоустовском филиале Челябинского государственного архива, имеется такая запись: «За расторопность и усердие к службе, оказанное неодно-

Мария Александровна Бланк (вторая справа)
в семье сослуживца Ильи Николаевича И. Д. Веретенникова.

А. Д. Бланк купил небольшое имение в Казанской губ(ернии) и занялся сельским хозяйством, оказывая в то же время медицинскую помощь окрестному крестьянству.

кратно при возвращении жизни утопавших и угоревших, объявлены были г. Бланку от начальства благодарности». В 1826 году в Олонцкой губернии А. Д. Бланк боролся с возникшей эпидемией. С 1833 по 1837 год он ординатор Мариинской больницы в Петербурге. Будучи назначен в 1841 году инспектором Пермской врачебной управы, систематически обследовал медицинские учреждения г. Перми, а также уездные больницы Пермской губернии. Затем Бланк в течение двух лет заведовал Юговским заводским госпиталем и рабочим госпиталем в Златоустовском горном округе. Госпиталь на 40 коек, по существу, обслуживал один Александр Дмитриевич. Он образцово поставил лечение рабочих, зачастую на собственные средства закупал лекарства, выписывал из Петербурга медицинские журналы, книги, новые инструменты. По его инициативе в Златоустовском округе были заведены спец-

В этой деревушке, в простой, суровой обстановке... прошла большая часть детства и юности Марии Александровны¹.

М. Ульянова, стр. 16.

Средства у отца (то есть у А. Д. Бланка.— А. И.) были очень ограниченные, семья большая, и молодая девушка (Мария Александровна.— А. И.), воспитанная строгой теткой, рано привыкла к труду и бережливости. Отец воспитывал дочерей по-спартански: девочки носили лето и зиму ситцевые платья с короткими рукавами и открытой шеей, и платьиц таких было только по две смены на каждую. Пища была простая: даже взрослыми они не получали ни чаю, ни кофе, которые отец считал вредными. Это воспитание закалило здоровье Марии Александровны, сделало ее очень выносливой. Она отличалась ровным, твердым, но в то же время веселым и приветливым характером. Одаренная хорошими способностями, она изучала иностранные языки и музыку и много читала.

Страстно хотелось ей учиться больше, и она всю жизнь вспоминала с сожалением, что отсутствие средств не дало ей этой возможности².

А. И. Ульянова-Елизарова («Воспоминания о В. И. Ленине», 1, стр. 12).

альные книги для регистрации заболевших рабочих, находившихся дома. В материальном отношении А. Д. Бланк жил плохо. В его личном деле за 1847 год говорится, что он не имеет никакого недвижимого имущества. Свою большую семью, состоящую из жены Анны Ивановны, урожденной Гропионф (умерла в 1838 году), сына Дмитрия, дочерей Анны, Любви, Екатерины, Марии и Софьи, он содержал на жалованье, составлявшем 571 рубль 80 копеек в год. В 1849 году А. Д. Бланк вышел в отставку.

¹ Мария Александровна Бланк родилась 6 марта 1835 года в Петербурге.

² В другом месте («А. И. Ульянов», стр. 34) А. И. Ульянова-Елизарова пишет: «Воспитанная в деревне отцом-врачом, передовым по тому времени человеком, в условиях физического закалывания и труда, она (Мария Александровна.— А. И.) в свои юные годы, по ее словам, не знала нервности. С умственным развитием дело обстояло хуже: отец не мог приглашать к младшим дочерям учителей, как к старшим, в другой обстановке. Институтское образование им не одобрялось. Поэтому Мария Александровна получила лишь домашнее воспитание...»

Она (Мария Александровна.— *А. П.*) прекрасно пела и играла на фортепиано и, по рассказам моей матери (Анны Александровны Веретенниковой.— *А. П.*), когда еще девушкой гостила в Пензе у моих родителей, то привлекала всеобщее внимание и восхищала всех своим пением и приветливостью. Она была любимой дочерью моего деда, и когда, будучи в Пензе, серьезно заболела, дедушка прискакал из Кокушкина на лошадях, стоя в санях и погоня лошадей.

П. И. Веретенников. Детские годы В. И. Ульянова (Ленина) в Кокушкине. «Красная новь», 1938, № 5, стр. 150.

По наружности Мария Александровна была очень красива: правильные черты лица, умные выразительные глаза, приветливое, спокойное и в то же время какое-то величавое выражение лица. Во всем ее существе чувствовалась большая нравственная сила, выдержка и цельность. Илья Николаевич женился летом 1863 г. и был очень счастлив в своей семейной жизни.

М. Ульянова, стр. 17.

И(лья) Н(иколаевич), всецело ушедший в школьную работу, мало уделял времени домашней жизни. Все заботы о хозяйстве и семье лежали на Марии Ал(ександровне). Работу свою М(ария) А(лександровна) исполняла спокойно, не волнуясь. Я никогда не слыхала, чтобы она повышала голос, даже замечания и выговоры детям она делала спокойно, с улыбкой, и этих спокойных, кротких замечаний было достаточно, чтобы произвести впечатление. Дети слушались ее, любили и уважали свою мать.

В. В. Кашкадамова («Юбилейный сборник», стр. 38).

Тетя Маша была с нами, детьми, всегда спокойна, ровна, справедлива и ласкова.

П. И. Веретенников. Детские годы В. И. Ульянова (Ленина) в Кокушкине. «Красная новь», 1938, № 5, стр. 150.

...Мария Александровна была женщина вполне культурная и образованная выше среднего дворянско-бюрократического уровня того времени. Она не только знала новые языки и музыку, но была очень начитанна в русской и иностранной литературе; не чужды были ей все гуманные идеи либеральной эпохи Александра II, но она далека была тогда от какой-либо «политики».

И. П. Чеботарев («А. И. Ульянов», стр. 240).

Мать посещала церковь в большие праздники, но религиозной не была... В последние годы своей жизни она была уже совсем неверующей.

Она часто говорила мне, когда я был студентом, что попы обманывают, и перестала ходить в церковь.

Одевалась мама всегда очень просто, скромно и опрятно. В костюмах ее преобладали темные тона...¹

Д. И. Ульянов в записи А. Каверзиной.
Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

Мария Александровна была худощавая женщина, среднего роста, выглядевшая гораздо старше своих лет. Она была отличная, бережливая хозяйка, хорошая жена и мать... По вечерам она сидела всегда с детьми, готовила с ними уроки...

Воспоминания *Г. Назарьевой*. Дом-музей
В. И. Ленина в Ульяновске.

Огромное значение в воспитании детей имела... Мария Александровна, урожденная Бланк. Это была удивительно

¹ А. И. Ульянова-Елизарова вспоминает о разговоре по поводу женской одежды, который состоялся между нею, кухней и Александром Ильичем: «И когда мы, девочки, немножко пристрастно придирались к нему (то есть к Александру Ильичу.— А. И.) и спрашивали, какой костюм и внешний вид он одобряет, он сказал коротко: «вот как у мамы», т. е. опрятно и в высшей степени скромно. Этот разговор показывает, кроме того, как высоко стоял у нас в семье авторитет матери, каким идеалом являлась она» («А. И. Ульянов», стр. 69).

**Илья Николаевич Ульянов
(Пенза, 1863 год).**

гармоничная и цельная натура. С большой твердостью и силой характера... она соединяла кротость и чуткость, а с глубиной душевных переживаний ровный, приветливый и веселый нрав, покорявший обычно всех, кто с ней сталкивался. Тем больше покоряла она своих детей, в которых вкладывала все силы, которых окружала самоотверженной любовью без баловства и потаканья, внимательным и чутким надзором без излишнего стеснения их свободы.

А. П. Ульянова-Елизарова («А. П. Ульянов», стр. 33—34).

Любящая мать, чуткий интеллигентный человек, она (Мария Александровна.— *А. И.*) как-то умела, не вмешиваясь в жизнь своих детей, сливаться с их интересами.

М. Голубева. Юноша Ульянов (В. И. Ленин). «Старый большевик», 1933, № 5, стр. 160.

Последние годы службы И. Н. Ульянова в (Пензенском дворянском.— *А. П.*) институте протекали в крайне неблагоприятной обстановке. Крайняя материальная необеспеченность института, происходившая от неуплаты взносов дворянством Пензенской губернии, расшатала учебное дело. В 1862 году половина учеников осталась на второй год. Среди них сильно развилось пьянство. Оставление на второй год, исключение, порка розгами — стали единственными методами воспитания. Вполне понятно, что И. Н. Ульянов еще в 1862 году начинает хлопотать о переводе¹.

Из ст. М. Молебнова («Юбилейный сборник», стр. 16—17).

¹ Далее М. Молебнов пишет: «Не лишено интереса обращение директора института к пенз(енскому) предвод(ителю) дворянства (от 4 июля 1863 г., № 223), в коем указывается, что за неимением в кассе института «ни одной копейки» на выплату задолженности учителям по выплате жалованья институт лишен возможности оплатить задолженность Ульянову, образовавшуюся в течение 1862 года в сумме 107 руб(лей); указывая на это, директор просит предводителя разрешить выдать Ульянову, «8 лет прослужившему в институте, впредь до поступления в приход, из ответственной суммы, и тем избавить его от хлопот займа,

При содействии директора Нижегородской мужской гимназии А. В. Тимофеева, бывшего преподавателя Астраханской гимназии в то время, когда там учился Илья Николаевич, и позднее служившего с ним одновременно в Пензенском дворянском институте, Илья Николаевич получил место старшего учителя физики и математики в этой гимназии и осенью 1863 г. переехал в Н. Новгород.

М. Ульянова, стр. 21.

Гимназия была одна на весь город (Нижний Новгород.— *А. И.*) и Кунавино, помещалась она в своем здании на площади, в старом (без пристройки по Тихоновской улице) помещении нынешнего Педагогического института.

А. Садовский. Отец В. И. Ленина в Нижнем (Из воспоминаний). «Школа и жизнь» (Н. Новгород), 1924, кн. 3, февраль, стр. 7.

Площадь эта (Благовещенская или Верхне-Базарная.— *А. И.*) невелика, но редко можно встретить в губернских городах подобную: все здания, окружающие ее, каменные и очень красивы, особенно дома: гимназии и общественный, из которых первый выходит, кроме площади, на улицу Тихоновскую и Варварскую. Он в середине в три этажа с бельведером для метеорологических наблюдений; архитектура его проста, но изящна...

И. Храмовский. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода, часть вторая. Н. Новгород, 1859, стр. 8.

Гимназия — большое двухэтажное здание с флюгером на крыше — обставляла площадь справа, и вместе с почтовой конторой стояла у въезда в улицу, ведущую к острогу. Она была выкрашена дикой, сумрачной краской, и флюгер ее очень внушительно торчал в небесном прост-

траты за пересылку, а канцелярию от излишней переписки». Тем не менее из документов видно, что Ульянову эта сумма в Пензе выплачена не была, а переслана ему в Н. Новгород лишь в декабре 1863 года» (там же, стр. 17).

растве; он придавал зданию педантский вид, говоря проходящим и проезжающим о своем ученом значении...

Прямо против церкви был большой подъезд с массивными фонарными столбами, выкрашенными под бронзу; он открывался только раз в год, в день акта; боковой, ученический выходил в Острожную улицу, а директорский, на противоположной стороне, в узкий переулок. Ученический подъезд очень загрязнился; ступеньки крыльца повалились; дверь полиняла, а замка давным-давно не было. Ветхий сторож, Кутузов, заведовал крыльцом и никогда не мел его. Жены сторожей, учительские кухарки, девчонки и мальчишки всякого рода то и дело показывались в дверях, а по вечерам, в хорошие ясные дни, все крыльцо облеплялось жителями кухонь и сторожевских, и шла долгая беседа: все учительские, инспекторские и директорские тайны выплывали на свет божий, и часто разговоры разрешались песнями...

От крыльца налево вел темный сторожевский коридор, откуда каждого входящего гимназистика обдавало запахом, в котором квашеная капуста спорила с солдатской махоркой, испарения прачечной с благовонием избы.

Нижний коридор имел немалое значение в школьной жизни — это быломестилище всего тайного и противозаконного. Случалось ли гимназисту убежать от урока — он спускался в нижний коридор, и там ходил в темноте, прислушиваясь к тому, что делается наверху. Вот наконец зазвонили: стук и голоса по лестнице; повалили из классов на двор; беглец смешивается с толпой и входит в классный коридор, как ни в чем не бывало.

П. Д. Боборыкин. В путь-дорогу!.. Кн. 1. Сочинения П. Д. Боборыкина, том 1. Спб.— М., 1885, стр. 55—56.

Помню нашу казенную квартиру в коридоре здания гимназии из четырех в ряд идущих комнат, причем лучшей была наша детская; помню кабинет отца (И. Н. Ульянова.— *А. И.*) с физическими приборами, а также и то, что одной из любимых наших игрушек был магнит и натертая сукном палочка сургуча, на которую мы поднимали мелкие бумажки. Помню площадь перед зданием гимназии с бассейном посредине, с мелькающими над ним

деревянными черпалками на длинных ручках и окружающими его бочками водозовов.

Помню нижегородский откос¹, — аллеи, разведенные по крутому склону к Волге, — с которого Саша (Александр Ильич Ульянов, старший сын Ильи Николаевича. — *А. И.*) упал раз и покатился, напугав мать. Очень ясна перед глазами картина: мать, закрывшая от страха глаза рукой, быстро катящийся вниз по крутому зеленому склону маленький комочек, а там, на нижней дорожке, некий благодетель, поднявший и поставивший на ноги брата, воспрепятствовав ему тем совершить еще один или два рейса, до следующих узеньких дорожек.

Помню зимние вечера, игру матери на фортепиано, которую я любил слушать, сидя на полу подле ее юбки, и ее постоянное общество, ее участие в наших играх, прогулках, во всей нашей жизни. С тех пор как я начинаю себя помнить, у нас была одна прислуга, находившаяся больше на кухне, а мы бывали с матерью. Няnek у нас, двоих старших, я не помню. Особенно ясно запечатлелась ее игра с нами в нашем зале, и одновременно столовой, на стульях, изображавших тройку и сани. Брат сидел за кучера, с увлечением помахивая кнутиком, я с мамой сзади, и она оживленно рисовала нам, краткими понятными словами, зимнюю дорогу, лес, дорожные встречи. Мы оба наслаждались. Ясно вставали перед глазами описываемые ею сцены. Мое детское сердчишко было переполнено чувством благодарности к матери за такую чудную игру и восхищения перед ней. Могу с уверенностью сказать, что никакой артист в моей последующей жизни не пробудил в моей душе такого восхищения и не дал таких счастливых, поэтических минут, как эта бесхитростная игра с нами матери. Объяснялось такое впечатление, кроме присущего матери живого воображения, несомненно еще и тем, что она искренне входила в нашу игру, в наши интересы, умела для того, чтобы доставить нам радость, увлечься и сама, а не снисходила до игры.

¹ «Едва ли нужно описывать, — говорится в путеводителе и указателе по Нижнему Новгороду и по нижегородской ярмарке, — красоту как волжского откоса, так и открывающегося с него вида на Волгу, на синеющую даль Заволжья, с боровскими и толоконцевско-церквами, на часть ярмарки, на Печерский монастырь, в котором так тихо, в сравнении с ярмарочным шумом и гамом...» («Нижегородка». Н. Новгород, 1877, стр. 205).

Хотя в том же гимназическом здании жили и другие семейные учителя, но память моя сохранила лишь имена некоторых детей, а не их самих, не игры с ними. Очевидно, мы встречались с ними лишь изредка и играли обычно вдвоем с Сашей, с которым были неразлучны...

Помню поездку на пароходе нас, двоих старших, с матерью из Нижнего в Астрахань, к родным отца¹. Это было ранней весной, с первыми пароходами, когда мы были в возрасте 3—4 лет. Смутно припоминаю маленький домик, старушку бабушку и дядю; припоминаю, что с нами возились, как с желанными гостями, и, как мать находила, баловали нас чересчур. К этим родным мы ездили только раз. Гораздо теснее были связи с родными матери, к которым в Казанскую губ(ернию) мы уезжали каждый год на целое лето...

В Нижнем Новгороде, где родители прожили шесть лет, у них составилась кружок знакомых из педагогического персонала гимназии, людей, подходящих по социальному положению и развитию, объединенных к тому же коридором гимназического здания, в котором большинство из них имело квартиры. У матери моей, — от природы живого и общительного характера, — были там добрые приятельницы; можно было, уложив детей, собраться почитать, поболтать, помузыцировать вместе. Получались там все новые журналы. Отец читал иногда вслух по вечерам, между прочим, печатавшуюся тогда частями «Войну и мир» Толстого². Было там и детское общество.

А. П. Ульянова-Елизарова («А. П. Ульянов», стр. 35—36, 41).

Из тогдашнего педагогического персонала (Нижегородской гимназии. — *А. И.*) выделялись четверо: директор гимназии К. И. Садоков (бывший потом помощником попечителя Московского учебного округа), учитель русского.

¹ М. П. Ульянова пишет, что из родных отца она помнит «только Федосью Николаевну, младшую его сестру, добрую женщину, небольшого роста, с черным платком на голове, которая приезжала как-то к нам в Симбирск и которую отец, а после его смерти мать поддерживали, посылая ей денег» (цит. книга, стр. 10).

² Начало романа Л. Н. Толстого «Война и мир» под названием «Тысяча восемьсот пятый год» было опубликовано в журнале «Русский вестник» в 1865—1866 годах.

языка и словесности Г. Г. Шапошников¹, учитель истории Н. И. Виноградский и учитель математики И. Н. Ульянов; остальные же не выдавались из ряда посредственностей. Упомянутые мною учителя: Ульянов, Шапошников и Виноградский — были общими нашими любимцами. Другим учителям обычно давались разные прозвища, вроде: «вобла», «селедка», «сухарь», «боров», «таракан» и т. д., но этим троице не было присвоено никаких прозвищ, только Шапошникова Гаврила Гавриловича мы звали «Гаврею» (конечно, между собою).

Илью Николаевича Ульянова мы, гимназисты, глубоко уважали и любили. Уважали за прекрасное знание им своего предмета и за талантливое, толковое изложение его, и любили его за его неизреченную доброту и снисходительность к нашим проступкам в поведении и промахам в математике. Насколько я помню, не было случая, чтобы Илья Николаевич пожаловался на ученика директору за дерзость или за упорную леность. Сора из своего класса он не выносил, покрывая все своим удивительным незлобием и добродушием. По наружности это был небольшого роста худощавый человек с лысинкой, с очень ласковыми карими глазами. Недаром, видно, сказано, что глаза — это «зеркало души». Это была действительно добрая, всепрощающая и любящая душа. Двойки за плохие ответы наши, а тем более единицы ставить он просто стеснялся, взамен их он ставил... *точки*, т. е. отметки совершенно безобидные и только для нас с ним понятные² (как знак плохого знания урока). Как сейчас представляю себе такую картину: входит Илья Николаевич в класс мелкими шажками и подсаживается с журналом к передней парте (на учительскую кафедру он никогда не садился), разворачивает журнал и своим мягким, негромким голосом начинает вызывать учеников к доске. Вызывание это происходило в алфавитном порядке (при этом И(лья) Н(иколаевич) картавил на буквы «р» и «л») ³.

¹ За связь с «политическими преступниками» учитель Г. Г. Шапошников попал под полицейский надзор и у него был сделан обыск. Передовыми нижегородскими преподавателями были также упомянутой выше В. И. Захаров, коллега Н. Г. Чернышевского по Саратовской гимназии А. Ф. Мартынов, умерший в 1864 году в ссылке Н. В. Коныченко.

² Точки эти имели, однако, различную величину.— Примечание М. Карякина.

³ Вызов учеников обязательно по алфавиту противоречит

«Авейкиев» (т. е. Аверкиев)! На вызов лениво поднимается с парты могучий Аверкиев и глухим, но густым басом вещает: «Я, Илья Николаевич, сегодня не читал» (точно это был не урок из геометрии, а какой-то роман). На лице Ильи Николаевича появляется грустное выражение, и он каким-то грустным тоном говорит: «Ну, вот, Авейкиев, вы опять не «пыготовили» (не приготовили) уока (урока). Как же это?» Аверкиев стоит, тербит свою начинающую расти бородку и упорно молчит. Видимо, он даже не собирается сказать что-нибудь в свое оправдание. Тогда И(лья) Н(иколаевич) говорит с укоризной и соболезнованием: «Ну, садитесь, я вам *точку* поставлю, в будущий раз спрошу вас и старое и новое». Затем И(лья) Н(иколаевич) смотрит журнал, как будто выискивая, кого надо вызвать, но тем не менее вызывает следующего по алфавиту — Алексева: «Ну, Алексев, вы не можете ли?» Слегка приподнявшись, не менее ражий детина Алексев сообщает, что он тоже не приготовил урока, ибо у него «голова болела». На лице Ильи Николаевича снова появляется грустное выражение, но дело опять благополучно кончается точкой. Затем вызывается Васильев. Он урок знает, отвечает громко и толково. Илья Николаевич успокаивается, появляется довольная улыбка, но, увы, ненадолго. Вызванный вслед за тем Городецкий (опять-таки по алфавиту) сообщает, что он отдал геометрию в переплет и потому, естественно, не мог приготовиться к уроку. Хотя И(лья) Н(иколаевич) ясно видит, что ребята просто, что называется, «дурака валяют», но он и виду не покажет, что не доверяет правдивости оправдывающихся. «Кто знает, правда или нет, а если правда, то ведь можно ученика обидеть, высказав незаслуженное подозрение», — думает И(лья) Н(иколаевич). Наконец, утешенный хорошим ответом Доброзарова, И(лья) Н(иколаевич) закрывает журнал, подходит к доске и начинает объяснение следующего урока. Объяснял он хорошо, как я сказал выше, толково излагая предмет не книжным языком учебника, а в простых, доступных каждому, даже малоспособному ученику, выраже-

моим воспоминаниям об указаниях отца в бытность мою помощницей учителя приходской школы. Отец говорил тогда, что спрашивать надо вразбивку. Может быть, первое время своего учительства отец поступал иначе.— Примечание А. И. Ульяновой-Елизаровой.

ниях. К чести учеников надо сказать, что те из них, ответы которых были обозначены в журнале *точкой*, редко злоупотребляли удивительной добротой Ильи Николаевича и, хотя не особенно бойко, но отвечали ему на следующем уроке и, как ни как, замазывали свои прорехи, и дело шло сносно. И волки были сыты и овцы целы. Если приходились трудные статьи, например «Бином Ньютона», «задача о двух светящихся точках» из алгебры или «поверхность шара», «Пифагорова теорема» из геометрии, Илья Николаевич, заметив, что не все ученики хорошо поняли объясненное, заявлял, что он будет в воскресенье в гимназии и объяснит все снова для желающих, и он терпеливо, не раздражаясь, не досадуя на нашу непонятливость, снова объяснял нам непонятое. Конечно, и на экзаменах неизменная доброта Ильи Николаевича выручала нас из беды, и мы очень боялись попасть для ответа к другому математику, ассистенту И. С. Родзевичу. Тот был неумолим и «резал» беспощадно.

На педагогических советах Илья Николаевич при обсуждении серьезных проступков учеников всегда подавал голос за более мягкую меру взыскания, хотя бы это было и несогласно с мнением директора. Тут иногда он выходил даже из обычных рамок добродушия и горячо защищал ученика от нападков кого-либо из сослуживцев. Обаяние личности Ильи Николаевича оказывало на нас благотворное влияние: некоторые из нас полюбили математику настолько, что впоследствии в университете избирали ее своей специальностью, в том числе и я.

М. Карякин («Юбилейный сборник», стр. 19—21).

Ровно год прошел с тех пор, как началась у нас новая педагогическая жизнь: 13-го января прошедшего (то есть 1865-го.— *А. И.*) года начался у нас ряд педагогических советов — общих как для (Нижегородской.— *А. И.*) гимназии, так и для Александровского мужского института. Эти педагогические советы обыкновенно собирались раз в месяц, а иногда и два. Председателями на них были попеременно директора гимназии и института¹; число

¹ Протоколы совместных заседаний педагогических советов гимназии и дворянского института поочередно вели И. Н. Улья-

членов было 26. Местом собрания служила или актовая зала здешней гимназии, или один из больших ее классов. Открытие общих педагогических советов встречено было всеми учителями с радостью, потому что все понимали, как много они выиграют от обсуждения педагогических вопросов совокупными силами двух комплектов учителей. Нельзя не признать одним из результатов этих собраний ближайшего знакомства учителей друг с другом, с методами преподавания и с педагогическими приемами друг друга, а также появление до некоторой степени общего педагогического уровня в занятиях двух мужских заведений... Общие педагогические советы в Нижнем Новгороде решили несколько вопросов, касающихся практического применения в здешней гимназии нового гимназического устава: с августа 1865 г. этот устав в здешней гимназии уже введен. Так, они составили правила для ежедневного распределения времени в гимназиях. Классы начинаются, согласно с этими правилами, в 8 и в 8½ часов, смотря по времени года. Три раза в неделю бывает по пяти уроков, другие три раза — по четыре. Но главная заслуга и главный интерес общих педагогических советов состояли в рассмотрении методов преподавания по разным предметам...

По предмету математики были возбуждены споры программой геометрии для IV класса. Учитель математики, г. Ульянов, говорил, что преподавать геометрию можно только в систематическом порядке, почему нельзя согласиться с требованиями, чтоб ученики IV класса закончили всю геометрию.

«Из Нижнего Новгорода». «Голос», 1866,
2 февраля.

Повторение алгебры ведется мною (то есть И. Н. Ульяновым.— А. И.) или теоретически, или посредством задач; повторяя статью об уравнениях, я преимущественно налегаю на задачи и на составление уравнений из условий вопроса. При повторении физики я иногда задаю ученикам задачи, предварительно подысканные, с целью при-

нов и преподаватель военной гимназии и дворянского института Б. П. Сциборский. Борис Иванович Сциборский был близким другом и единомышленником Н. А. Добролюбова.

менить какой-нибудь закон к частным случаям. Повторивши несколько отделов, я тоже предлагаю иногда такого рода задачи, в которые входят законы, относящиеся к повторенным отделам. Посредством таких задач связываются между собою законы, выражающие разные явления. По моему мнению, такой прием придает повторению более интереса, нежели обыкновенный способ. При одном уроке в неделю повторить всю космографию решительно невозможно, если же останется несколько часов для повторения, то оно ведется так, что обращается особое внимание на самые главные основания науки. При повторении разъясняются снова некоторые явления, преимущественно для учеников слабых сравнительно с другими. Для повторения выбираются отделы более трудные для учеников. Вообще при повторении стараюсь спрашивать дробными вопросами всех учеников и слежу за тем, чтобы весь класс принимал участие в повторении известного отдела.

Из выступления *И. И. Ульянова* на заседании педагогического совета Нижегородской гимназии. Цит. по ст. Б. Болгарского «Новые документы о деятельности И. И. Ульянова». «Учительская газета», 1951, 24 марта.

Отец (Илья Николаевич.— *А. И.*) любил свою специальность, а кроме того, он был педагогом в душе, излагал талантливо и толково свои знания...

С уважением вспоминали его, как любимого учителя, доктор *Жбанков*¹ и такие добившиеся степеней известных при старом режиме люди, как сенатор *Таганцев* и прокурор *Неклюдов*². Он был снисходителен и терпелив

¹ *Жбанков Д. С.* (род. в 1853 году) — врач, писатель, видный деятель общественной медицины, один из руководителей Пироговского общества. Литературная деятельность *Жбанкова* была посвящена разработке различных сторон земско-санитарного дела, эпидемиологии, статистики, вопросу об отхожих промыслах.

² *Неклюдов Николай Адрианович* (1840—1896) — известный криминалист, учившийся в Пензенском дворянском институте, когда там преподавал И. Н. Ульянов. Впоследствии занимал должности обер-прокурора общего собрания кассационных департаментов, соединенного присутствия и дисциплинарного присутствия сената, товарища министра внутренних дел. В качестве исполняющего обязанности прокурора при особом присутствии правитель-

к ученикам, собирал бесплатно отстающих и не могущих иметь репетиторов в гимназии по воскресеньям или в свободные часы и подгонял их.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 32—33).

...Я учился в Нижегородской гимназии... В то время у нас старшим учителем математики был Илья Николаевич Ульянов, отец Владимира Ильича Ленина. Небольшого роста, блондин, лет около 40, с некрасивым, но выразительным лицом, Илья Николаевич был любим учениками за свое мягкое, доброе к ним отношение.

А. Садовский. Отец В. И. Ленина в Нижнем (Из воспоминаний). «Школа и жизнь» (Н. Новгород), 1924, кн. 3, февраль, стр. 7.

Ульянов, снискавший себе известность отличного педагога, по достоинству занимает принадлежащее ему место между лучшими преподавателями. Его мягкое и симпатичное обращение с воспитанниками, всегда ровный и благоразумный такт привлекают к нему учеников и заставляют охотно заниматься. Самое его преподавание отличается ясным и толковым изложением и тем терпеливым вниманием, которым он слабых и менее развитых учеников доводит до полного усвоения преподаваемого.

Отчет попечителя Казанского учебного округа об осмотрах учебных заведений за 1867/68 год. Государственный архив Татарской АССР.

Помимо уроков в Нижегородской мужской гимназии Илья Николаевич преподавал и в женской гимназии, давал уроки на землемерно-таксаторских курсах и исполнял обязанности воспитателя в Александровском институте¹.

ствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях выступал обвинителем Александра Ильича Ульянова и его товарищей по процессу 1 марта 1887 года.

¹ В мужской гимназии И. Н. Ульянов был старшим учителем математики и физики (с 22 июня 1863 года по 31 августа 1869 года); кроме того, с 1865 по 1867 год работал секретарем педагогического

Как в Пензе, так и в Н. Новгороде Илья Николаевич относился к своей педагогической деятельности с большим знанием и любовью. Физика была его любимым предметом, а кроме того, он «был педагогом в душе, любившим свое дело»...

Илья Николаевич умел заинтересовывать учеников и добиваться в занятиях с ними хороших результатов не строгостью и наказаниями, к которым он не прибегал, будучи «снисходителем и терпелив с учениками»¹, а тем авторитетом, который он завоевывал среди них.

Позднее, когда Илья Николаевич работал уже в качестве инспектора народных училищ в Симбирской губ(ернии), он в отчете о состоянии школьного дела за 1872 г. писал:

«В хорошо организованных училищах и у преданных своему делу учителей не встречается надобности употреблять какие бы то ни было меры взыскания с учащихся, потому что последние любят и уважают своих наставников и не позволяют огорчать их каким-нибудь поступком».

К этому выводу Илья Николаевич пришел, очевидно, на основании собственного педагогического опыта. А это

совета этой гимназии. С 14 октября 1863 года по 10 сентября 1865 года И. Н. Ульянов преподавал физику в женском училище 1-го разряда. На землемерно-таксаторских курсах при мужской гимназии он давал уроки планиметрии (с 6 июля 1863 года по 31 августа 1866 года). Обязанности воспитателя пансиона при дворянском институте И. Н. Ульянов выполнял один год — с 1 сентября 1863 года по 14 ноября 1864 года. «Отказ Ильи Николаевича от работы в институте, — пишет М. Ульянова, — совпал по времени с переводом Тимофеева, бывшего одновременно управляющим дворянским институтом, на должность окружного инспектора Казанского учебного округа. Перевод этот был замаскирован «повышением», но вызывался происками и «интригами» ставленника нижегородского дворянства, инспектора дворянского института Розинга... В связи с назначением Розинга директором «курса» в дворянском институте резко изменился, и, вероятно, это побудило Илью Николаевича просить об освобождении его от работы там в качестве воспитателя» (стр. 21). И. Н. Ульянов был также приглашен к участию в комиссии педагогического комитета военной гимназии.

Сохранившиеся протоколы объединенного педагогического совета гимназии и пансиона дворянского института, которые вел И. Н. Ульянов, характеризуют его как крупнейшего прогрессивного педагога, стремящегося всячески повысить активность учащихся, развивать их самостоятельность.

¹ Слова, взятые в кавычки, принадлежат А. И. Ульяновой-Елизаровой.

было время, когда телесные наказания применялись не только в пизших, но и в средних учебных заведениях.

М. Ульянова, стр. 21, 22.

Надо было пережить то трудное время, чтобы почувствовать огромное облегчение, когда со смертью Николая I и со вступлением на царство его сына Александра II началась для России полоса реформ. Прежде всего решено было отменить крепостное право. Решение это вызывалось, конечно, главным образом необходимостью получить свободные рабочие руки для развивающейся капиталистической промышленности и возраставшим недовольством и бунтами крепостных. Недаром Александр II сказал: «Надо торопиться дать свободу сверху, пока народ не возьмет ее снизу». Освобождение крестьян было таким большим сдвигом, что общее ликование стояло в стране. Это настроение хорошо выражено Некрасовым:

Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много иных.
Так!.. но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!¹

Конечно, скоро началось отрезвление. Первым ударил в набат наш великий провидец Чернышевский, заплативший за это целой жизнью в тюрьмах глухой Сибири; начали возникать и революционные организации молодежи. Но для людей типа мирных, культурных работников открылось все же широкое поле деятельности после тисков николаевского режима, и они с жаром устремились туда. Новые суды, несравненно большая свобода печати, наконец, народное образование — все это звало к себе передовых людей того времени. Народное образование — возможность просвещать вчерашних рабов — это было увлекательно для многих и многих.

Илья Николаевич был из их числа.

А. П. Ульянова-Елизарова («Воспоминания о В. П. Ленине», 1, стр. 10—11).

¹ Стихотворение «Свобода» (см. *Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем*, т. II, М., 1948, стр. 143) написано в 1861 году, вскоре после «раскрепощения» крестьян. В этом стихотворении свойственная Некрасову отрицательная оценка крестьянской реформы сказалась недостаточно отчетливо. Видимо, по этой причине Некрасов не напечатал «Свободы» в своем «Современнике», а всегда относил ее в отдел «Приложений».

На стр(анице) 49¹ Вы пишете: «Он (то есть И. Н. Ульянов. — *А. И.*) не был политиком, не имел вкуса к политике, он тяготел к мирной, честной трудовой жизни, верил, что можно вести ее в любых условиях, исподволь направляя и улучшая жизнь». Сказать, что И(лья) Н(иколаевич) не был политиком — можно, — но данная Вами характеристика слишком смела и вряд ли соответствует истине и противоречит даже тому, что Вы пишете. А потом, в 60-е годы «политика» была не то, что в годы позднейшие. Нельзя так характеризовать Илью Николаевича. Неправильна вся 51 стр(аница), где Вы изображаете Илью Николаевича как противника революц(ионного) движения.

Н. К. Крупская — М. С. Шагинян, 6 октября 1937 г. Цит. по кн. М. Шагинян «Семья Ульяновых. Очерки. Статьи. Воспоминания». М., 1959, стр. 180.

В нижегородском периоде (в романе М. Шагинян «Семья Ульяновых». — *А. И.*) также вполне правильно обрисовано стремление Ильи Николаевича в Симбирск, тяга его в деревню, к крестьянству, для того чтобы «учить его, учить, вывести его из темноты к свету».

У Ильи Николаевича была глубокая вера в народ, в скрытые в нем силы.

Дм. Ульянов. Роман о семье Ульяновых. «Известия», 1938, 24 марта.

Это была эпоха освободительного движения 60-х годов. Сознание необходимости работать в народе и для народа, которому надо было «заплатить долг», которого нужно было просветить и вывести из темноты, нищеты и бесправия, широко охватило все передовое мыслящее общество России в эту эпоху.

Это было время, когда, выражаясь словами Некрасова, Россия,

Как невольник, покинув тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхает,

¹ Речь идет о первом варианте книги Мариэтты Шагинян о семье Ульяновых, который писательница послала Н. К. Крупской на отзыв.

И, не веря себе самому,
Богатырскую мощь ощущает.

Это было время, когда «люди, прежде никогда ничего не читавшие, начали учиться, начали следить за литературой, знакомиться с «фантазиями молодости» и сознавать, что без этих фантазий трудно жить в нынешнем свете... В самых глухих городах, где до сих пор все насущные интересы состояли в картах, взятках и сплетнях, являются публичные библиотеки; журналы и газеты выписываются десятками экземпляров; иметь у себя книги сделалось потребностью этих городов. Везде и повсюду люди развивались, созревали, выходили на светлую дорогу просвещения из темных нор апатии и невежества»¹.

Это было время, когда «вся Россия говорила об образовании. Любимыми темами для обсуждения в прессе, в кружках просвещенных людей и даже великосветских гостиных стало невежество народа, препятствия, которые ставились до сих пор желающим учиться, отсутствие школ в деревнях, устарелые методы преподавания, и как помочь всему этому»².

Лучшие писатели и педагоги того времени: Н. Пирогов, Л. Толстой, К. Ушинский³, Н. Шелгунов⁴, барон Корф⁵ и другие писали по вопросам образования. По этим вопросам ломались копья, велась полемика о путях и методах преподавания. А в то же время развивалась и практическая деятельность на этом поприще: возникали новые

¹ «Северная пчела», 1860, № 7.

² И. Кропоткин. Записки революционера. Изд. Политкаторжан. М., 1929, стр. 112—113.— Примечания М. Ульяновой.

³ Ушинский Константин Дмитриевич (1824—1870) — основоположник русской педагогической науки и народной школы в России, один из основателей детской и педагогической психологии. Учебные книги Ушинского — «Родное слово» и «Детский мир и хрестоматия» — были образцовыми для своего времени.

⁴ Шелгунов Николай Васильевич (1824—1891) — общественный деятель, публицист. Был сторонником крестьянской революции, считая, что она послужит началом социалистических преобразований в России. Статьи Шелгунова посвящены пропаганде материалистического естествознания, экономическим вопросам — о положении русской деревни, развитии кустарных промыслов, разложении общины, росте пролетариата.

⁵ Корф Николай Александрович (1834—1883) — педагог и методист, прогрессивный деятель народного образования 60—70-х годов XIX века. Принимал энергичные меры к развитию сети начальных земских школ и всемерно пропагандировал создание воскресных повторительных курсов и школ.

школы, причем некоторые из них имели показательный характер (Льва Толстого в Ясной Поляне, барона Корфа в Екатеринославской губернии) и др.), организовывались народные библиотеки и воскресные школы для рабочих, составлялись и выходили в свет книги-пособия для народных школ, применялись новые, усовершенствованные методы преподавания, усилилась по глухим углам подписка на газеты и журналы и т. п.

А наряду с этим начался «поход в народ». У интеллигентной молодежи, которая шла в деревню в качестве учителей, фельдшеров и пр(очих), «не было никакой еще мысли о революции, о насильственном переустройстве общества по определенному плану. Они просто желали обучить народ грамоте, просветить его, помочь ему каким-нибудь образом выбраться из тьмы и нищеты и в то же время узнать у самого народа, каков его идеал лучшей социальной жизни»¹.

Деятельность одних — революционно настроенной молодежи — не ограничилась впоследствии только просвещением народа, и они переходили все более к противоправительственной революционной пропаганде, а позднее, не удовлетвовавшись малыми результатами ее, часть из них пошла под знаменем «Народной воли»² на террор. Другие отдавали свои знания, лучшие силы своего ума, благороднейшие порывы своего сердца мирной культурнической работе. Они встречали на своем пути немало всевозможных терний, главным образом потому, что кратковременные либеральные веяния в правительственных кругах под угрозой растущей революционной пропаганды стали все более сменяться реакцией. Но эти препятствия не сламывали духа лучших из них, и они настойчиво шли своим путем, насаждая новые школы, вводя новые, невиданные ранее методы преподавания, пядь за пядью разрушая неверие народа к школе, неверие, которое

¹ П. Кропоткин. Записки революционера, стр. 329.— Примечание М. Ульяновой.

² «Народная воля» — тайная организация народников-террористов. Ее ближайшей целью было свержение самодержавия и установление демократической республики, основанной на «воле народа». В качестве основного средства борьбы народовольцы выдвинули политический заговор и индивидуальный террор. Их практическая деятельность свелась в основном к организации покушения на царя Александра II, которое и было совершено 1 марта 1881 года.

складывалось веками, вколачивалось побоями, розгами, бессмысленным зубрением или полной бездеятельностью школ.

Илья Николаевич, происходивший из «податного сословия», с ранних лет знакомый с трудностями, с которыми было связано образование для «простого» народа, человек идейный и гуманный, «одушевленный лучшими идеями конца 60-х и начала 70-х годов», не мог остаться глух к освободительному движению, к вызванной этим движением тяге к просвещению народа¹.

М. Ульянова, стр. 27—28.

...Несмотря на любовь к своему предмету, Илья Николаевич не задумался сменить это более спокойное и до некоторой степени насиженное место — он учительствовал лет 13 — на должность инспектора народных училищ, открывшуюся тогда впервые.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 33).

¹ Илья Николаевич рассматривал просвещение народа как средство пробуждения в нем возвышенных гражданских чувств. Не будучи революционером-практиком, он в своей деятельности воплощал в жизнь учение русских революционных демократов о воспитании, был одним из тех просветителей в лучшем смысле этого слова, характеристику которым дал В. И. Ленин в статье «От какого наследства мы отказываемся?». В этой статье Владимир Ильич говорит, что просветитель 60-х годов «одушевлен горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому» (*В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 2, стр. 519*).

ИНСПЕКТОР НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

В 1869 г. учреждаются инспектора народных училищ в видах оттеснения земства от действительного заведования народным образованием.

В. И. Ленин. Гонители земства и антимбалы либерализма. Соч., изд. 5, том 5, стр. 38.

Это было время, когда правительство стало косо поглядывать на деятельность земских учреждений, в особенности в области народного образования, и введение института инспекторов народных училищ имело целью большее подчинение дела народного образования учебным округам и непосредственно министерству народного просвещения, большего контроля последнего за начальными школами. Эта мера была первым шагом к постепенному отходу от реформы 1864 г. («Положение о начальных народных училищах» 1864 г.), согласно которой заведование начальными народными училищами было поручено уездным и губернским училищным советам¹.

¹ Уездные училищные советы состояли из представителей по назначению от ведомств, содержащих школы (министерства народного просвещения, министерства внутренних дел и духовного ведомства), и двух членов от земства, выбираемых уездным земским собранием. Губернский училищный совет, в компетенцию которого входило решение всех дел, касающихся народного образования в губернии, состоял под председательством архиерея. В него входили: губернатор, директор училищ и два члена от губернского собрания. Неизменным членом губернского училищ-

Большинство инспекторов народных училищ было чиновниками-формалистами. Но для Ильи Николаевича это было идейной работой, он «с увлечением взялся за организацию нового трудного дела, которое стало делом его жизни, в которое он вложил все свои силы, всю свою энергию»¹.

М. Ульянова, стр. 29—30.

Не боится Илья Николаевич трудностей в работе, его не смущает и то, что служба в Симбирске будет правительственная, ибо он готовился и на этой работе быть полезным народу.

Дм. Ульянов. Роман о семье Ульяновых. «Известия», 1938, 24 марта.

Приказом г. Управляющего Министерством Народного Просвещения, от 6 сентября сего (1869-го.— *А. И.*) года за № 19-м, учитель Нижегородской гимназии коллежский советник *Ульянов* утвержден Инспектором народных училищ Симбирской губернии².

«Перемены по службе чиновников Симбирской губернии». «Симбирские губернские ведомости», 1869, 25 октября.

В сентябре 1869 г. мы (то есть семья Ульяновых.— *А. И.*) переехали в Симбирск...

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 36).

ного совета с 1869 г. был и инспектор народных училищ.— Примечание *М. Ульяновой*.

В Симбирском губернском училищном совете председательствовал епископ Евгений. Членами совета кроме инспектора были губернатор граф В. В. Орлов-Давыдов, директор Симбирской гимназии, он же директор училищ, И. В. Вишневский, по характеристике поэта-сатирика Д. Д. Минаева, «бюрократический прохвост», и помещик П. П. Мещеринов.

¹ *А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об А. И. Ульянове. В сб. «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», стр. 33.— Примечание М. Ульяновой.*

² Назначение Ильи Николаевича на эту должность состоялось 1 сентября 1869 года. 15 сентября И. Н. Ульянов сдал физический кабинет Нижегородской мужской гимназии и 22 сентября отбыл к месту своей новой службы.

Он (Симбирск.— А. И.) стоит на высоком берегу Волги и окружен со всех сторон фруктовыми садами, ослепительными в своем бело-розовом весеннем уборе. Крутые склоны, спускающиеся к реке, покрыты целым лесом яблонь, груш и вишен, кустами смородины, барбариса и крыжовника. Эти сады доходят до самой воды. Под городом, на берегу, раскинулась слободка с хлебными амбарами и складами волжской пристани. От пристани вверх, в город, вьется между садами проезжая дорога. Сады между собой разделены плетнями, и наверху, где они кончаются, простой плетень отделяет сады от Венца.

Как с палубы воздушного корабля, открывается широкий вид с Венца на Волгу с ее караванами баржей и плотов, с песчаными отмелями и берегами, на которых горят костры рыбаков, на залпные луга и зеленые заволжские дали, на весь простор и необъятность бесконечных лесов и степей.

Д. М. Андреев. В гимназические годы.
«Звезда», 1941, № 6, стр. 3.

Это (речь идет о Симбирске.— А. И.) был гораздо более глухой, чем Н. Новгород, захолустный провинциальный городок¹. К. И. Корнев метко описал его в своем стихотворении «Воспоминание»:

Я не забыл тебя, далекий,
Но сердцу милый городок,
И Волги берег твой высокий,
И тротуары из досок;
Твои пастушеские нравы,
Стада баранов и коров,
Весной — чрез лужи переправы,
Зимой — бугры твоих снегов;
Главу блестящую собора,

¹ В 70—80-х годах XIX столетия в Симбирске насчитывалось около 30 тысяч жителей. Промышленность была развита крайне слабо: на нескольких мелких предприятиях трудилось всего 500 рабочих. Имелось несколько учебных заведений: мужская и женская гимназии, духовная семинария, военная гимназия, начальные школы. Зато «работало» два монастыря и 29 церквей. От ближайшей железной дороги город отстоял на 150 верст. Уроженец Симбирска писатель И. А. Гончаров так отзывался о своем родном городе: «Вся улица слышит, когда за версту едет телега или стучит сапогами по мостовой прохожий... Так и хочется заснуть самому, глядя на это затишье».

Уютных домиков ряды,
А там, по склону косогора,
Твои фруктовые сады;
Твой тарантас шестیارшинный,
Костюм мордвы, чуваш, татар,
И чисто русский быт старинный
Твоих приветливых (!) бояр¹.

Симбирск назывался «дворянским гнездом» по обилию дворянских поместий в его окрестностях². «Сословная солидарность была отличительной чертой тогдашнего дворянского общества» в Симбирске. «Общая дружба, скрепленная близким родством, придавала ему огромную силу. Если действия кого-либо из их среды были очевидно неправильны, то все общество, даже иногда в ущерб справедливости, принимало меры к тому, чтобы как-нибудь оправдать поступок виновного и вообще выгородить его; если же случалось кому-нибудь из них быть обиженным, то гнев всего сплоченного общества обрушивался на виновника»³. Дворянство водило компанию в своей среде, соря деньгами, проводя жизнь в роскоши, празднествах и бездельи. Освободительные реформы 60-х годов не могли не нанести ущерба его материальному благополучию, и понятно, что все стремления реакционной части дворянства были направлены на то, чтобы эти реформы не были проведены в жизнь. Таково было, несомненно, желание громадного большинства дворянского сословия...

Реакционно настроенное дворянство в своем большинстве было одной частью симбирского общества, а другой его частью было «чиновничество, поддерживавшее знакомство по ведомствам, строго придерживаясь табели о рангах». Интересы для культурных идейных людей, какими были наши родители, это общество не могло представлять. Но Илья Николаевич все же решился на переезд в Симбирск.

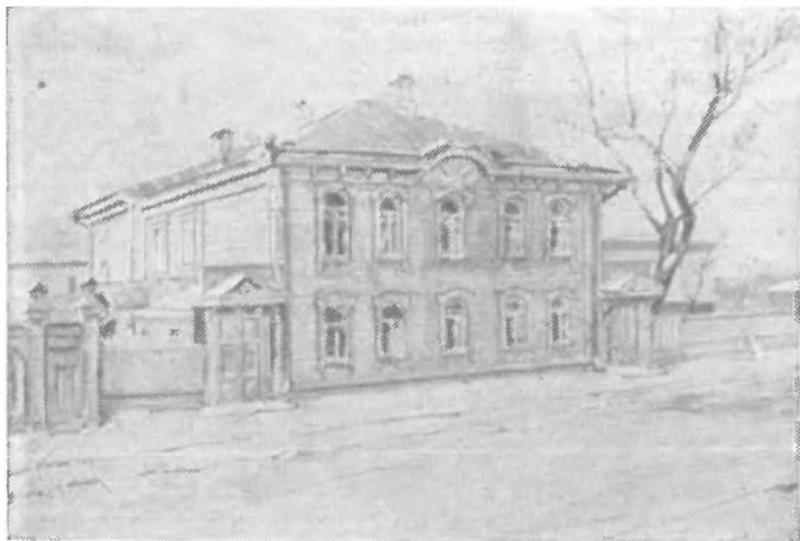
М. Ульянова, стр. 25, 26.

¹ *И. Мартынов* Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898, стр. 55.— Примечание М. Ульяновой.

К. И. Корнев — симбирский старожил, переехавший в 40-х годах в Петербург и написавший там стихотворение о своем родном городе.

² В 1869 году губернатор писал в своем отчете, что в Симбирской губернии насчитывается 3115 потомственных дворян, 2751 личный дворянин (чиновник), 13 198 человек духовенства.

³ М. Ульянова цитирует книгу И. Мартынова «Город Симбирск за 250 лет его существования». Симбирск, 1898, стр. 316.

Дом в Симбирске, в котором жила семья Ульяновых
с 1870 по 1875 год

(с картины худ. Ш. Добрынина).

...Мы (то есть семья Ульяновых.— А. И.)... поселились во флигеле во дворе дома Прибыловского на Стрелецкой улице¹. В этой квартире 10 апреля 1870 г. родился брат Владимир. Осенью того же 1870 г. семья наша переехала в верхний этаж дома того же хозяина на улицу, где прожила до 1875 г.²

Дом этот был тогда последним по Стрелецкой улице, упиравшейся в площадь с тюрьмой, которая выходила главным фасадом на так называемый «Старый венец», — высокий берег Волги со сбегавшими вниз фруктовыми садами. В противоположность «Новому венцу», — части нагорной набережной в центре города, с бульваром из неизбежной акации, с беседкой и музыкой, по праздникам

¹ Ныне улица Ульянова, дом № 21. Эту квартиру подыскал для семьи Ульяновых друг Ильи Николаевича В. А. Ауновский, приехавший в Симбирск на два года раньше его.

² Флигель, где родился В. И. Ленин, за ветхостью был спасен еще до революции. Но сам дом Прибыловского, на втором этаже которого поселилась семья Ульяновых, когда Володе было полгода, сохранился до сих пор. Сейчас здесь областная детская библиотека имени В. И. Ленина.

служившему местом прогулки чистой публики, — «Старый венец» был совершенно дикой окраиной города. Здесь стояла лишь пара скамеек над обрывом к Волге; по праздникам звучала гармоника, земля усердно посыпалась скорлупами подсолнечников и семечками рожков, — любимого тогдашнего лакомства, немало попадалось голов и хвостов воблы, — главной снеди всех волжан. На пасху сюда выходили катать яйца, и «Старый венец» пестрел яркими платьями и красными рубахами местных обывателей. Водружалась карусель, нестройно, перебивая одна другую, звучали гармоники, сновали продавцы рожков, семечек и маковок. И публика веселилась почти непосредственно под завистливыми взорами обитателей тюрьмы. Бледные, обросшие, какие-то дикие лица глядели из-за решеток, слышалось лязганье цепей. Но в праздники мы разве с кем-нибудь из старших проходили по венцу, одних нас мать не пускала. К вечеру оттуда доносились уже пьяные песни, происходили драки, без которых народные празднества и гулянья были в то время немыслимы.

В будни же он был обычным местом наших прогулок. Садика никакого при доме не было, ходить с нами дальше куда-нибудь матери обычно не было времени. В 1871 г. родилась сестра Ольга ¹, в 1873 г. умерший через несколько дней брат Николай, в 1874 г. брат Дмитрий. Няня, поступившая к Володе, была занята всегда с меньшими. А венец был под рукой, и мы, старшие, перебегали туда дорогу одни, рылись в так называемом «песке», т. е. правильнее, в пыли, выискивая камешки, осколки фаянсовой посуды и т. п. сокровища, и приносили их домой. Мать пускала нас скрепя сердце туда, по близости тюрьмы, про обитателей которой ходили разные страшные слухи, но гулять больше было негде, и приходилось мириться.

Помню, как угнетало наши детские души это мрачное здание с его мрачными обитателями. Только увлечешься, бывало, чудным видом на Волгу, пением певчих птиц в сбегавших с обрыва фруктовых садах или собираньем «сокровищ», как лязг цепей, грубые окрики или ругань заставляли нас вздрагивать и оглядываться. Вместе со страхом перед этими людьми наши детские души охватывало и чувство глубокой жалости к ним. Помню его отражение

¹ Между Александром и Владимиром Ильичем был третий ребенок — Ольга, умершая в грудном возрасте. Родившаяся в 1871 году дочь была также названа Ольгой.

в глубоких глазах Саши. И сейчас еще стоит перед моим взором одно худое тонкое лицо с темными глазами, жадно прильнувшее к решетке окна.

Да и со взрослыми гулять в тогдашнем Симбирске детям было негде. Единственным общественным садиком был Карамзинский, вокруг памятника Карамзину. Это был типичный казенный садик того времени с неизбежными аллеями из акации и сирени, с парой клумбочек. Гулять там надо было чинно, дети были стеснены в своих движениях и обычно, кроме праздников, когда по аллеям его проводили несколько разодетых скучающих детей, он пустовал, а его пыльная, подрезанная сирень кишела шпанскими мухами. Казенный садик был под стать казенным зданиям. На всякое учреждение общественного характера ложилась эта мертвящая рука. Помню еще один садик, — Николаевский, — тоже в центре города, но совсем заброшенный: весь в кочках, грязный, с поломанной загородкой, за которую заходили, возвращаясь с пастбища, коровы. Все же там росла и зелень, и мы — двое старших — ходили туда одно время с девочкой лет 14, Еленой, дочерью нашей кухарки. Никаких сторожей и запретов там не было, и мы бегали там охотно, но раз Елена увидела нас наклонившимися над темно-зеленой таинственной бездной колодца, ничем решительно не загороженного. В ужасе потащила она нас прочь, не без сопротивления с нашей стороны, ибо загадочная глубь манила. С тех пор этот садик стал для нас под строгим запретом, и для прогулок оставался, кроме улицы перед домом, лишь «Старый венец». Дело шло, правда, лишь о весне и осени, так как на два, на два с половиной месяца мы уезжали ежегодно в деревню Кокушкино.

Чтению и письму, а также начаткам новых языков нас учила мать, но растущая семья, заботы о меньших и хозяйстве все меньше оставляли ей времени на это, и занятия получались, понятно, нерегулярные. Вследствие этого отец пригласил с осени 1873 г. заниматься с нами учителя приходского училища Василия Андреевича Калашникова¹. Это был совсем молодой еще человек, недавно окон-

¹ В 1923 году в справке, посланной В. А. Калашникову на оформление пенсии, А. Елизарова-Ульянова писала: «Сим удостоверяю, что Василий Андреевич Калашников был одним из лучших учителей народной школы в директорство в Симб(ирской) губ(ернии) отца моего, Илья Николаевича Ульянова, и одним из наибо-

чивший учрежденные отцом в Симбирске педагогические курсы. Опыта, конечно, у него еще никакого не было, притом он сам в семье директора несколько робел, что я, девчурка, тогда отметила и помню, что пользовалась этим, хотя в его памяти это, очевидно, и сгладилось, потому что в своих воспоминаниях он только хвалит нас за старательность¹. Возможно, конечно, и то, что имеет он в виду главным образом Сашу, с детства очень добросовестно и серьезно относившегося к своим обязанностям. Саше было тогда 7½ лет².

Приходил к нам Василий Андреевич только на час, а затем задавал уроки к следующему дню. Кроме того, мать занималась с нами языками, и мы много читали...

Наша семья жила очень замкнутой жизнью... Чуждый, глухой захолустный городок (Симбирск.— *А. И.*) после более оживленного Нижнего Новгорода, менее культурные жилищные и иные условия, а главное, полное одиночество,— особенно при частых разъездах отца,— очень тягостно ощущались матерью, и она рассказывала потом, что первые годы жизни в Симбирске сильно тосковала. Чуть не единственной знакомой ее тогда была акушерка Ильина, жившая в том же доме и принимавшая всех меньших (начиная с Володи.— *А. И.*)³.

Помню, как радовалась мать приездам из деревни одной учительницы, молодой девушки из знакомой ей семьи. Симбирские знакомства были мало интересны, ограничивались обычно праздничными визитами. Общество симбир-

лее любимых им. Вследствие этого он как раз ему поручил подготовку к гимназии меня и брата моего Александра, и Василий Андреевич занимался с нами целый год» (см. «Советская Россия», 1957, 3 апреля).

¹ А. И. Ульянова-Елизарова, очевидно, имеет в виду следующие воспоминания В. А. Калашникова: «В 1873 году я получил приглашение от Ильи Николаевича Ульянова давать на дому уроки его старшим детям: дочери Ане — лет 9 (Анна Ильинична родилась 14 августа 1864 года.— *А. И.*) и сыну Саше — лет 8...

Дети получили раннее развитие и были весьма дисциплинированы. На уроках всегда сосредоточены. Заниматься с ними мне было легко и занятно. Через год подготовки под моим руководством они хорошо сдали экзамены и поступили в гимназию» («Домашний учитель Ильича». «Огонек», 1926, № 7, стр. 6).

² Александр Ильич Ульянов родился 31 марта 1866 года.

³ Анна Дмитриевна Ильина была низкого роста, всегда в темном платье, с неизменным белым воротничком, очень добродушная и приветливая, хороший специалист своего дела (см. сб. «Семья Ульяновых». Ульяновск, 1960, стр. 83).

ское разделялось тогда на две обособленные части: дворянство, жившее больше по своим поместьям и водившее компанию в своей среде, — Симбирск считался одним из дворянских гнезд того времени, — и чиновничество, подерживавшее знакомство по ведомствам, строго считаясь с табелью о рангах...

Детство же нас, двоих старших, протекало исключительно замкнуто, и это наложило свой отпечаток на нас обоих, сделало нас более дикими и, несомненно, усилило природную замкнутость и сосредоточенность Саши. За частыми отлучками отца мы проводили время преимущественно с матерью, читали, занимались, мастерили что-нибудь из картона и цветной бумаги для елки.

Так как почти все украшения были продуктом нашего труда под руководством матери, то начинали мы работы задолго до елки, и они заполняли содержанием наши зимние вечера. Таким образом елка была для нас не чуждым, купленным украшением разубранного дерева, а нашим коллективным созданием; и даже позднее, в школе, не знавшей в то время никаких ручных работ, увлекались мы этим примитивным творчеством. На общем фоне трудовой жизни оно являлось тем радостным, творческим трудом, которому придается такое значение в современном воспитании.

Наша бабушка со стороны матери была немка, и мать воспитывалась в значительной степени в немецких традициях, из которых первой была елка. Это была необходимая принадлежность встречи праздника в каждой маломальской состоятельной немецкой семье, даже если она состояла из одних взрослых. Перенесенная в Россию как детская забава, в странах германских она являлась принадлежностью культа и зажигалась обычно в канун праздника в сочельник. Так повелось это и у нас. Ею встречался праздник, дети получали подарки и со своей стороны передавали родителям какие-нибудь предметы своего мастерства или читали заученные для них стихотворения. Так как отец мой был религиозен, то он ходил обычно в этот вечер ко всенощной, куда брал позднее с собой и нас, старших, и елка зажигалась уже по возвращении из церкви. В ранние же наши годы она зажигалась, очевидно, до службы. Таким образом, в нашей жизни сталкивались два культа; хотя, конечно, елка выветривалась уже до поэтической встречи праздника в своей семье. Мать моя, как все

выросшие не в чисто национальной семье, не была богомольна и одинаково мало посещала как русскую церковь, так и немецкую, в Симбирске также имевшуюся. И для нее уже елка была, очевидно, поэтической традицией детства, — не больше.

Для нас же, в зимнее время, елка была главной радостью. Запечатлелась почему-то особенно ярко в памяти одна елка, когда меньшей в семье была Оля и Саше было лет 6—7. Какое-то особенное чувство тесной и дружной семейной спайки, уюта, безоблачного детского счастья оставил этот праздник. Считаю, что такие переживания детства дают неисчислимо много для энергии, жизнерадостности и тесной семейной спайки на всю последующую жизнь.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 36—39, 41—43).

Мать моя (Мария Александровна. — *А. И.*) была большой демократкой. Никаких изменений во внешности, костюмах не произошло, что, как я понимаю, отмечали тогдашние дамы. Никаких парадных приемов, никакого изменения обычного образа жизни у нас не произошло. Мать не стремилась в дворянское общество. Ее звали, а она не шла...

Воспоминания *А. И. Ульяновой-Елизаровой*. Цит. по ст. Г. Хаита «Штрихи пламенной жизни». «Огонек», 1962, № 21, стр. 8.

Не находя интереса в нарядах, сплетнях и пересудах, составлявших в то время содержание дамского общества, Мария Александровна замкнулась в семье и отдалась со всей серьезностью и чуткостью воспитанию детей. Подмечая недостатки детей, она терпеливо и настойчиво боролась с ними. Никогда не возвышала она голоса, почти никогда не прибегала к наказаниям и умела добиться большой любви и послушания детей. Любимым удовольствием ее была музыка, которую она страстно любила и очень одухотворенно передавала. И дети любили засыпать под ее музыку, а позднее — работать под нее.

А. И. Ульянова-Елизарова («Воспоминания о В. И. Ленине», 1, стр. 12).

Бывая часто по делам службы в доме Ильи Николаевича, я мог наблюдать, как они с женой, Марьей Александровной, воспитывали своих детей: старшую дочь Аню и старшего сына Сашу. Дети получали от родителей разумные игрушки, устраивались разумные игры, а потом подбирались детские книги для их чтения.

В. А. Калашников. Домашний учитель Ильича. «Огонек», 1926, № 7, стр. 6.

...Ему (Илье Николаевичу.— *А. П.*) хотелось поля работы пошире и хотелось применять ее не для более обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов.

И поле открылось действительно широкое. В Симбирской губернии было очень немного школ, да и те старинного типа: ютились они в грязных и тесных помещениях, учителя были малообразованные и вколачивали учебу больше тумачами.

А. И. Ульянова-Елизарова («Воспоминания о В. И. Ленине», 1, стр. 11).

В 1864 году вышло положение о начальных народных училищах. В городах завелись училищные советы с председателями во главе и членами, изредка собиравшимися для разрешения, казалось бы, жгучих вопросов нарождавшейся школы, но когда мне пришлось познакомиться с объемистыми, тщательно написанными и закрепленными подписями членов журналами Симбирского уездного училищного совета, то я тотчас же убедился, что вся деятельность совета сводилась к бесполезной, никому не нужной канцелярской работе, не имевшей ничего общего с живым делом.

Таким образом, совет в первые годы своего существования, не мудрствуя лукаво, пошел по старой, избитой дороге мертвого формализма с его всегдашним благополучием.

Между советом, властями, уездной управой, губернским училищным советом, волостными правлениями,

сельскими обществами, учителями и законоучителями с первого же дня открытия уездного училищного совета завелась самая деятельная и оживленная переписка; получается настойчивое требование начальника губернии относительно просвещения татар и других инородцев, накладывается резолюция: «принять к сведению и руководству», и дело считается конченным. Волостными правлениями представлялись приговора об избрании священников учителями, на что совет резонно отвечает: «священника, согласно избрания крестьян, в звании учителя утвердить», но вместе с тем рекомендовать ему: «во избежание опущений по классам, по собственному усмотрению и непременно под личной ответственностью, избрать кого-либо из лиц вполне благонадежных для занятия с детьми и наблюдения за ними в случае его отсутствия». Поступали просьбы о разрешении выдачи из остатков училищных сумм вознаграждения преподавательницам женских школ (т. е. матушкам) за их рвение и занятие в школах, и совет снисходил к такой просьбе с благоразумной оговоркой, чтобы вся ответственность за успехи возложена была на матушек. Ловкие волостные старшины просили о назначении ревизоров для произведения годичных испытаний и получали желаемое, но опять-таки с оговоркой, «чтобы таковые испытания неупустительно были произведены местными благочинными или же законоучителями и учителями, но непременно в присутствии одного из соседних священников и волостного старшины». Сельское общество ходатайствует о высылке свидетельства на звание учителя безграмотному солдату, пробывшему 2 года в звании учителя, и просимое свидетельство высылается. Священник ходатайствует о разрешении ему воспользоваться жалованьем отсутствующего учителя и получает просимое.

Наступает день уездного земского собрания, — все поднимаются с своих мест и просят бывшего председателя продолжать свою полезную деятельность, тот отказывается, ссылаясь на нездоровье или домашние обстоятельства, но, как и следовало ожидать, уступает настойчивым просьбам и остается.

Такое правильное и невозмутимое течение дел неожиданно было нарушено учреждением института инспекторов народных училищ по одному на каждую губернию, а 1 сентября 1869 года на таковую должность в нашу губер-

нию был назначен воспитатель Нижегородского дворянского института и преподаватель физики в марнинском женском училище Илья Николаевич Ульянов.

В. Пазарьев. Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета. «Симбирские губернские ведомости», 1894, 7 мая.

Рассмотрев отчеты и ведомости уездных училищных советов за 1869 год, я считаю не лишним сделать из них извлечение с тем, чтобы показать, какого рода сведения сообщает отчет или ведомость по каждому уезду, и затем, сопоставив эти частные сведения, вывести общее заключение о настоящем состоянии школ в Симбирской губернии...

Хотя в настоящее время я и не имею под руками всех сведений, необходимых для общих выводов, но при всем том сделаю попытку обобщить те данные, которыми располагаю, с тем, чтобы представить настоящее состояние народного образования в губернии.

Всех начальных народных училищ в губернии в 1869 году было 460 (в 1868 году было 453). В это число входят городские приходские училища и частные школы, по исключении которых получим 430 сельских школ (в прошлом году было 419). Сравнивая эту цифру с числом населенных мест в губернии 1546, мы видим, что на каждую школу приходится почти 3,6 населенных местностей. Если бы школы были размещены равномерно между селениями, то, при скученности населенных мест, можно было бы довольствоваться таким отношением; но школы распределены по губернии неравномерно: в одном уезде их больше, в другом меньше...

По различию пола число учащихся следующее: 8168 мальчиков и 1549 девочек; следовательно, число обучающихся мальчиков с лишком в 5 раз больше числа девочек...

Число учащихся в губернии 526; в том числе священников 294, мулл 3, учителей с их помощниками 199 и учительниц 30. Учители большею частью из крестьян (59), затем из духовного звания (31), мещан (20); есть также сельские церковнослужители, чиновники, сельские писари и унтер-офицеры.

Во всех училищах, имеющих определенное содержание, и в большей части частных школ предметы учебного курса те, которые показаны в статье 3-й Положения о начальных народных училищах. В школах же церковноприходских и женских, не обеспеченных известным содержанием, преподавание по большей части ограничивается изучением молитв, чтением и письмом, а в некоторых из последних вводится и обучение рукоделью...

Учебными пособиями и книгами для чтения снабжены более правильно организованные училища, преимущественно бывшие удельные¹, между тем как церковноприходские и женские школы крайне нуждаются в руководствах и книгах для чтения и в самых необходимых учебных пособиях...

Училища имеют различные помещения: бывшие удельные имеют особые дома, более или менее приспособленные к делу обучения, большею частью удобные, хотя некоторые уже приходят в ветхость и холодны во время сильных морозов, а церковноприходские и женские школы помещаются или в домах священно- и церковнослужителей, или в крестьянских избах, или в церковных караулках, иногда сырых и холодных. Необходимо озаботиться заменой неудобных во всех отношениях церковных караулок более удобным помещением, потому что в этих сырых и холодных караулках, несмотря на все усердие и умение преподавателей и охоту учеников, нельзя ожидать успешного хода ученья.

Вообще, чтобы начальные народные училища приносили существенную пользу, много еще нужно сделать для улучшения их в материальном и в особенности в нравственном отношениях...

П. Ульянов. О состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1869 год. «Симбирские губерпские ведомости», 1870, 11, 21 и 25 апреля.

По числу училищ Симбирская губерния, в сравнении с другими губерниями, занимала не последнее место; но из общего числа школ только бывшие удельные, так назы-

¹ Училища, подчиненные удельному ведомству, то есть административным органам, которые управляли недвижимыми имуществами, выделенными на содержание членов царской фамилии.

ваемые приказные училища, числом 81, приходские в городах (7) и в селе Промзине, Алатырского уезда, то есть 89 училищ или 19% общего числа, были более или менее хорошо организованы; все же прочие школы или числились только на бумаге, или, если и существовали, то в самом жалком виде. Так, во время первого осмотра... женских школ в селах Мостовой Слободе и Карлинском, Симбирского уезда, не оказалось вовсе, хотя они и числились; в селах Сабанчееве, Ждамирове и Порецком, Алатырского уезда, школы представляли крайне печальное зрелище. В первом из названных сел школа помещалась в церковной караулке, буквально промерзавшей насквозь; там директор нашел 3 мальчика, которые читали плохо по складам. Они были одни, потому что местный священник-учитель отправился для исправления неотложной нужды в соседнюю деревню. В другом селе, Ждамирове, школа с трудом была отыскана с помощью волостного старшины. В тесной, темной, занесенной сугробами снега избе местный крестьянин обучал 24 мальчика, познания коих были весьма неудовлетворительны. Школа нуждалась в самых необходимых учебных пособиях. В третьем, одном из многолюднейших сел в губернии, Порецком, школа расположена была в неудобной наемной квартире, где 30 мальчиков едва могли поместиться; ученье шло плохо. Таких примеров можно было бы привести и более, но и этих достаточно для характеристики состояния народных училищ десять лет тому назад...

Всех учащихся обоего пола было 10 564 на 462 школы, то есть средним числом менее 23 учеников на каждую из них. По отношению к населению один учащийся приходился на 111 жителей. Но и из этих 10 564 учащихся, числившихся по спискам, не более 42% правильно посещали школу.

Источником содержания начальных училищ, за весьма немногими исключениями, служил сбор с крестьян, весьма разнообразный, от 10 до 20 коп(еек) с души...

Вознаграждение преподавателям было крайне скудное, средним числом 67 р(ублей) 94 к(опейки) на школу, то есть на жалованье законоучителю и учителю. Самое большее жалованье было 150 руб(лей), законоучителю — 90 руб(лей), но таких школ находилось в губернии 10; во многих же училищах оно доходило до невероятного размера — 25 р(ублей), а в женских — до 15 руб(лей).

Очевидно, с такими средствами нельзя было строго относиться к выбору учителей и потому приходилось довольствоваться таким составом их, какой имелся налицо. Нередко учительские должности были занимаемы полуграмотными солдатами, сельскими писарями, исключенными из службы канцеляристами и т. п...

Таково было состояние народных училищ губернии в 1869 г.

(И. П. Ульянов). Начальное народное образование в Симбирской губернии с 1869 по 1879 г.¹ Журнал министерства народного просвещения, 1880, май, стр. 90—92.

Илья Николаевич уже с первых шагов своей новой деятельности проявил большую активность и самостоятельность. Это сказалось, между прочим, при выработке инструкции инспекторам народных училищ. При ее составлении были запрошены мнения инспекторов, и из инспекторов Казанского учебного округа Илья Николаевич представил наибольшее число замечаний по поводу нее — они касались 15 ее параграфов, тогда как другие инспектора этого округа представили замечания о 2—5 и т. п. Стоит остановиться на некоторых из его замечаний. Одно из них касалось учителей, не соответствующих своему назначению. Илья Николаевич указывал, что в соответствующем параграфе инструкции ничего нет о законоучителях, из которых некоторые в высшей степени неаккуратно исполняют свои обязанности. Но его предложение о предоставлении инспекторам права увольнять таковых встретило противодействие министерства, которое считало, что это повело бы к столкновению с духовным

¹ Этот отчет-статья был опубликован без подписи И. П. Ульянова, но его авторство устанавливается из дела министерства народного просвещения за 1879 год («По отчетам директоров и инспекторов народных училищ»). В делах министерства народного просвещения имеется и переписка по поводу этого отчета между министерством и попечителем Казанского учебного округа. «Это весьма интересный отчет, который мог бы с пользой появиться в печати на страницах журнала министерства народного просвещения», — значилось в препроводилке к отчету. «Отчет подобного рода трудно требовать от директоров народных училищ, имеющих много дела, но напечатание его в журнале могло бы поощрить многих знакомить таким путем с важным делом хода образования за известный период» (см. кн. М. Ульяновой, стр. 37—38).

ведомством, и предоставило инспекторам лишь право сообщать о «нерадивых» епархиальному ведомству. Другое замечание Ильи Николаевича касалось совместного обучения мальчиков и девочек, которое он поддерживал. Ученый комитет согласился с этим замечанием лишь при условии: «а) чтобы девочки были не старше 12 лет, б) чтобы мальчики и девочки помещались в классах на разных скамьях и в) чтобы выход для тех и других из классов был назначен в разное время». Но и с такими оговорками совместное обучение встретило противодействие со стороны министра народного просвещения гр(афа) Толстого, и предложения Ученого комитета были им вычеркнуты. Некоторые замечания Ильи Николаевича были приняты министерством (об учебных пособиях и т. п.), другие, как ни очевидны были они для пользы дела, были отклонены под предлогом недостатка средств и т. п.

М. Ульянова, стр. 29--30.

Отец Владимира Ильича И. Ульянов был человек крепкий, с сильным характером. Он пользовался большим уважением и любовью тогдашнего симбирского общества... Его любили и уважали... потому, что он относился к своим обязанностям с большой добросовестностью, с редкой для тогдашних крупных чиновников любовью и, главное, вносил в дело народного образования много знаний.

Д. Деларов. Как я познакомился с семьей Ульяновых. «Север» (Вологда), 1924, № 1, стр. XV—XVI.

...Отношение земства и училищного совета к школам было только фиктивное, в сущности же никто, исключая инспектора училищ, не знал и не хотел знать ничего, касавшегося народного образования, а крестьянам предоставлена была полнейшая свобода высказывать свои взгляды, желания и заводить школы по своему собственному вкусу; но они оставались так же неподвижны и столь же глубоко равнодушны, как и высшая провинциальная интеллигенция. Единственным двигателем земства, единственным просветителем одной из богатейших приволжских губерний являлся инспектор народных училищ (речь идет об И. Н. Ульянове.— *А. И.*). Это был один из неиз-

вестных народных тружеников, никогда не идущих далее скромного места и ничтожного, едва хватающего на пропитание, жалованья.

В. Назарьев. Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи. «Вестник Европы», 1876, кн. 3, стр. 294.

Произошло нечто неожиданное... Точно вдруг среди суровой, слишком долго затянувшейся зимы, настужь распахнулось наглухо запертое окно и в него полились лучи яркого солнечного дня. Да, это была настоящая весна, это было время всяких неожиданностей и только что не чудес. Да и как же не назвать чудом появление в наших палестинах таких людей, как Илья Николаевич Ульянов, единственный в то время инспектор народных школ на всю губернию, с первого же шага отдавший всю свою душу возложенной на него обязанности¹.

В. Назарьев. Вешние всходы. Из воспоминаний, встреч и переписки 70-х годов. «Вестник Европы», 1898, кн. 4, стр. 679.

Новый инспектор (имеется в виду И. Н. Ульянов.— А. И.) оказался человеком решительно не способным ужиться с формальным, исключительно бумажным отношением к школе, ему, этому необычайно подвижному и беспокойному педагогу, не сиделось на месте. Он то и дело разъезжал по губернии, чтобы, возвратившись в город, тотчас же звонить у дверей, будить председателя и членов (училищного.— А. И.) совета и возмущать их спокойствие тревожными известиями о том, что большинство училищ существует только на бумаге, а батюшки и ма-

¹ Приводя в своей книге это высказывание В. Назарьева, М. Ульянова делает к нему такое примечание: «Характерно, что министерство народного просвещения привело характеристику, данную Назарьевым Илье Николаевичу, в своем «разъяснении» (см. «Вестник Европы», № 5, 1876 г., стр. 459—460) в ответ на письмо некоего Е. Ш., который подвергал сомнению институт инспекторов народных училищ («Вестник Европы», № 3 за тот же год). При этом в «разъяснении» подчеркивалось, что «действительно энергия инспектора (имеется в виду И. Н. Ульянов) заслуживает полного внимания» (цит. книга, стр. 36).

тушки вовсе не бывают в школах, и их ученики не знают ни грамоты, ни самых употребительных молитв...

Отделаться от беспокойного педагога оказалось невозможно; за дверьми, у которых он не переставал звонить, уже стояло общественное мнение, стояли лучшие люди того времени, увлеченные искренним желанием добра и блага темному люду...

Новые влияния тотчас же отразились на составе и деятельности совета: старый председатель, до настоящей минуты твердо стоявший за безграмотность и усердно хлопотавший о том, чтобы ежегодно делать экономию из 100 р (рублей), жертвуемых земством на нужды школ, добровольно уступил свое место другому лицу.

Председателем совета был избран Николай Александрович Языков, один из немногих людей, способных безвозмездно жертвовать собой, своим временем, собственными делами для блага общего, — никогда не унывать и не жаловаться на всякие, в большинстве случаев воображаемые препятствия и препоны к более широкой и полезной деятельности¹...

Само собою разумеется, что между новым председателем совета и Ульяновым, с первого же дня их знакомства, установились самые близкие отношения, полные взаимного уважения и сочувствия. Инспектор, благодаря особенностям своей натуры, ничем не интересовался, ничего не знал и не желал знать, кроме вверенных его попечению школ Симбирской губернии, в то время как председатель училищного совета всегда и во всякое время готов был выслушивать его и помогать своим влиянием в земстве и симбирском обществе. Само собою разумеется, что вся невероятная тяжесть работы лежала на Ульянове, на его же стороне было знание и научная подготовка, но при всем том постоянная готовность председателя помогать делу в то время имела большое значение для достижения успеха.

В. Назарьев. Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета. «Симбирские губернские ведомости», 1894, 11 мая.

¹ Николай Александрович Языков умер 14 февраля 1881 года, 48 лет от роду. К этому времени он был членом губернского училищного совета, председателем комитета Карамзинской библиотеки, председателем Симбирского мирового съезда, почетным мировым судьей и губернским гласным.

Его (Ильи Николаевича.— *А. И.*) энергия всколыхнула лучшую часть симбирского общества; данные, сообщенные им после непосредственного знакомства с постановкой школьного дела в губернии, по своей безрадостности заставили серьезнее отнестись к делу и отрешиться от «казенного благополучия», царившего до тех пор. Работа предстояла огромная, а сил и средств для выполнения ее было слишком недостаточно.

М. Ульянова, стр. 36.

Илья Николаевич обладал именно теми качествами, которые должны были отличать человека, посвятившего себя этому, тогда еще новому, роду служения... обществу. С самого начала службы (в должности инспектора народных училищ.— *А. И.*) он горячо полюбил народную школу и не охладевал к ней до гроба. Недаром поэтому некоторые старожилы даже из самых отдаленных и глухих окраин Симбирской губернии, видя проявление его теплой, родительской заботливости о школах, называли его «няпей, постоянно пестующей свое любимое детище». Но одной любви мало. Дело созидания народного образования требовало от инспектора и деятельности энергичной. Деятельность же Ильи Николаевича была поистине неутомима и чрезвычайно разнообразна: ему приходилось не только вводить известные порядки в школах уже существующих, обеспеченных средствами и опытными преподавательскими силами, но и открывать самые школы, изыскивать средства для их существования и организовать весь строй и систему учебной их части. Обладая и сам светлым умом и педагогическую опытностью и тактом, чутко прислушиваясь и внимательно следя за разработкой народно-школьного обучения в литературе и практике, взвешивая и обсуждая применимость к школам того или другого метода и способа преподавания, Илья Николаевич должен был сам, так сказать, с самого основания строить все школьное обучение: определять задачу и цель обучения, в подробностях разработать и установить объем и курс обучения, распределить его по годам обучения, избирать учебники, показать каждому учителю, как пользоваться ими, показать на практике, как применять тот или другой метод и прием, и этим путем создавать самых учителей... Осуществленная им система обучения в школах Симбир-

ской губернии и в теории и на практике строго согласовалась с... народным идеалом и не представила случаев грустного уклонения от него. Все это приходилось ему делать не в одном каком-либо пункте, даже не в одном уезде, а по всей Симбирской губернии.

И вот начинаются памятные в губернии неутомимые разъезды¹ Ильи Николаевича, продолжающиеся недели и месяцы, то с целью осмотра существующих школ и возможного их благоустройства, то с целью открытия новых; там руководит он педагогическими курсами; в другом месте наблюдает за постройкой училищного здания; там ходатайствует пред местными деятелями о материальных средствах для училищ, беседует с сельскими обществами, располагая их к училищам, и проч. Само собою понятно, что такие труды Ильи Николаевича были очень успешны.

К. М. Аммосов. Илья Николаевич Ульянов.
Циркуляр по Казанскому учебному округу.
1886, № 1, стр. 49—50.

Видя на деле, что волостные и сельские старшины в очень редких случаях заботятся о нуждах школ, между тем как некоторые из попечителей народных училищ делают пожертвования в пользу школ и вообще заботятся обо всем необходимом для училищ², я обратился в уездные училищные советы с просьбою: выяснить сельским обществам пользу для народных училищ от попечителей, указать обязанности сих последних в отношении к школам и предложить обществам избрать попечителей...

В отчетном (то есть в 1870-м.— *А. И.*) году мною осмотрено 66 начальных народных училищ, состоящих в ведении училищных советов...

¹ Основных маршрутов И. Н. Ульянова было три: северный — по Алатырскому, Ардатовскому, Курмышскому и Буинскому уездам, центральный — по Симбирскому и Карсунскому уездам и южный — по Сенгилеевскому и Сызранскому уездам. Эти последние уезды он обычно объезжал в конце учебного года.

² В одном из отчетов И. Н. Ульянов писал: «По сочувствию к делу народного образования особенной признательности заслуживают следующие попечители и попечительницы народных училищ в уездах: Симбирском, Ново-Никулинском — В. Н. Назарьев, Анненковского — Ф. А. Знаменский, Шилковского деревенского — Н. А. Языков...» (см. Приложение к кн. В. М. Горохова и Б. П. Рождественского «Илья Николаевич Ульянов и его педагогическая деятельность». Казань, 1942, стр. 104).

Из 66 осмотренных мною училищ лучшими, сравнительно с другими, оказались мужские: 1) Промзинское Алатырского уезда, 2) приходское в г. Симбирске, 3) Сельдинское Симбирского уезда, 4) Больше-Кандаратское Карсунского уезда, 5) Ардатовское в г. Ардатове, 6) Деяновское Курмышского уезда и 7) Городищенское Буинского уезда. Из семи последних по успешному ходу дела, по неутомимой ревности учителя и по успехам учеников, которых числом 85, первое место принадлежит училищу в с. Промзине Алатырского уезда.

И. Ульянов. Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1870 год. «Симбирские губернские ведомости», 1871, 6, 13 ноября.

По обозрениям народных училищ, составленным Ильей Николаевичем, и отчетам, подготовленным им, можно судить до некоторой степени о проделанной им работе, можно видеть, на что устремлялось его внимание при объезде школ, а также результаты, которых ему удалось достигнуть.

При этих объездах Илья Николаевич выяснял всестороннее положение, в котором находилась та или иная школа. Понятно, что положение это в значительной степени зависело от средств, которыми располагало училище. А на последнее влияло отношение к школе местного населения, так как после земской реформы «содержание школ было отнесено за счет местных средств», т. е. главным образом крестьянских обществ¹. Средства эти поступали в волостные правления и ими же расходовались.

В 1871 г., например, ассигнования из государственного казначейства на начальные народные школы не превышали 2,4%, а из земских сумм 16,3% (в 1873 и 1874 гг. лишь 11,4%) к общей сумме расходуемых на школы средств. Ассигнования эти, правда, увеличивались впоследствии, но все же даже в 1886 г., в год смерти Ильи Николаевича, 70% всех расходуемых на начальное образование средств поступало от крестьянских (51,1%) и городских (18,9%) обществ. Понятно, что при таком положении важно было, между прочим, и для материального обеспечения школ убеждать население в пользе грамоты...

¹ От 20 до 10 коп(еек) и менее с души.— Примечание М. Ульяновой.

Постепенно, по мере улучшения школ и методов преподавания в них, недоверие крестьянских масс к школам стало ослабевать, средства на содержание школ от крестьянских обществ увеличивались (к 1886 г. они, по сравнению с 1871 г., возросли почти в 2,5 раза, от городских обществ — почти в 9 раз), но такого сдвига удалось достигнуть лишь постепенно, путем упорной кропотливой работы, работы, не дающей непосредственно ярких результатов.

При объезде училищ Илья Николаевич выяснял, что целый ряд школ находится в помещениях, которые не удовлетворяют своему требованию, а «неудобства школьного помещения оказывают влияние на посещаемость школы учащимися».

Деньги на содержание учителей и училищ, а также на ремонт последних взыскивались с крестьянских обществ, «но само общество от участия в школьном деле было совершенно устранено». И немудрено, что общества старались всячески обойти эту повинность, ссылаясь «на свою бедность или заявляя, что они считают, с своей стороны, училищные помещения удобными и не требующими поправок и расширения».

Нужен был более высокий культурный уровень крестьянства для того, чтобы появилось сознание неудовлетворительности этих помещений, но он повышался крайне медленно.

А со стороны земства, и притом уездного, — так как по решению губернского земского собрания «дело общего начального образования было отнесено к обязанности земств уездных, а не губернского», — поступали лишь «пособия», имевшие случайный характер и «за неимением средств» в то время довольно незначительные. И попытки уездных земств исходатайствовать у губернского земства хотя бы заимообразно средства на постройку и ремонт сельских школ кончались в большинстве случаев отказом. Решив переложить расходы по начальному образованию в деревнях на уездные земства и отказавшись таким образом от объединения дела начального образования по всей губернии в своих руках, согласно общему плану, губернное земское собрание оставалось верным себе. И когда, например, в 1872 г. Илья Николаевич поднял вопрос «о необходимости устройства при сельских школах помещений для учащихся, приходящих из других деревень», то вопрос

этот был признан губернским собранием «не подлежащим обсуждению».

Задачей Ильи Николаевича было в первую голову выяснить действительное положение дела в области начального образования и откинуть все фиктивное, «бумажное». Данные, собранные им в 1869 г., показали, что школ в Симбирской губ(ернии) не 683, как значилось на бумаге по данным 1866 г., а лишь 463. При дальнейшем объезде школ выяснилось, очевидно, что и эта цифра оказалась преувеличенной, так как в 1871 г. школ значится уже 452. Уменьшение числа школ как в 1871 г., так и в некоторые последующие годы объяснялось рационализацией школьного дела. «Плохо организованные и необеспеченные школы, почти всегда малолюдные, помещавшиеся в церковных сторожках, в кухнях священников и т. п.», закрывались, а «мелкие школы соединялись»...

Но на место закрываемых школ вырастали новые, сплошь и рядом в таких волостях, где раньше школ вообще не существовало, и притом такие, которые «и по помещению, и по средствам, и по учительскому персоналу» стояли на более высоком уровне...

А наряду с этим непрерывно росло число учащихся¹. В отчете за 1873 г. Илья Николаевич отмечает, что «иногда школа бывает даже переполнена учащимися, и является необходимость или расширить классное помещение, или устроить смены». К 1882 г. доверие к школам и заинтересованность крестьян в обучении детей еще более возросли. «Сельские общества более и более сознают нужду в училищах, добровольно, без всяких внешних мер побуждения отдавая детей в школы. В очень многих училищах приток учащихся так велик, что приходится, за недостатком мест, отказывать целым десяткам мальчиков, желающим поступить в школы», — пишет Илья Николаевич в своем отчете.

М. Ульянова, стр. 37—38, 39—40, 41.

Бывало, сидишь в теплой, покойной комнате с книгой в руках, тревожно прислушиваясь к яростным воплям зимней метели, уже третьи сутки не выпускавшей мужика из избы, остановившей всякое движение, все работы, — и

¹ С 1871 по 1886 г. оно выросло с 10 564 до 19 933, в то же время поднялся и процент оканчивающих школы. — Примечание М. Ульяновой.

вдруг под самым окном прозвенит колокольчик. Думаешь, кто заехал в такую пору, а сам уже спешешь в прихожую, чтобы встретить гостя. Входная дверь отворяется, и передо мной Ульянов, весь занесенный снегом, с обледеневшими бакенами и посиневшим лицом. Он не в состоянии говорить от холода и только по своему обыкновению добродушно посмеивается, с величайшими усилиями вылезая из своего нагольного тулупа и наполняя всю прихожую снегом. Начинаются заботы о том, чтобы как можно скорее обогреть и успокоить скитальца, но тот как ни в чем не бывало быстро ходит взад и вперед по комнате, расправляя свои окоченевшие члены, а сам уже заводит разговор о школах, о своих наблюдениях, школьных радостях и горестях и продолжает говорить все об одном и том же предмете во время чая, ужина; вас клонит ко сну, а он все продолжает говорить, и первое слово, с которым встретит вас поутру, это все та же школа, никогда не сходявшая с языка¹. Помню, что однажды, в зимнее время, мы вместе с Ульяновым поехали из Симбирска на моей башкирской тройке, чтобы вместе осмотреть ближайшие к городу школы. Башкиры подхватили и, как раз около деревни Грязнушки, опрокинули повозку. Так как одна из оглобель оказалась сломанной, то кучер поехал в деревню отыскивать новую, между тем как мы остались в опрокинутой повозке. Я проклял судьбу, а мой спутник как ни в чем не бывало продолжал говорить о новом грязнушенском учителе, от которого ожидал очень много.

В. Назарьев. Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета. «Симбирские губернские ведомости», 1894, 14 мая.

¹ В статье «Весенние восходы» В. Назарьев пишет, что «в большом обществе он (то есть И. Н. Ульянов.— А. И.) был молчалив... но зато в беседе с близкими, сочувствовавшими ему людьми страстно любил поговорить, так как у него всегда было очень много такого, что необходимо было сообщать о его школах. В таких случаях он заговаривал собеседника, быстро прохаживаясь по комнате, приглаживая рукою лысину с прядью черных волос и претендуя только на то, чтобы никто не мешал ему ораторствовать все на одну и ту же тему» («Вестник Европы», 1898, кн. 4, стр. 681). Это вполне подтверждается и М. Ульяновой, писавшей, что в кругу своих сослуживцев — учителей «Илья Николаевич из молчаливого и замкнутого, каким он бывал в большом обществе, превращался в веселого, остроумного собеседника» (цит. книга, стр. 61).

Задача, выпавшая на долю Ульянова, казалась невыполнимой.

Говоря сухую правду, в нашем Симбирском уезде до приезда Ульянова не было ни средств (ограничившихся 100 рублями, о которых упоминалось выше), ни школьных помещений, а главное, почти не было сколько-нибудь сносных и грамотных учителей, а вместо всего этого существовала только канцелярия с секретарем Сретенским¹ и со всеми канцелярскими принадлежностями, т. е. бумагой, перьями и сургучом.

Первой заботой Ульянова была подготовка учителей, и вот под его личным наблюдением, на скорую руку, при местном городском училище устраиваются педагогические курсы, куда на первый раз поступило 10 человек, из числа коих окончивших курс оказалось девять, на второй год на курсы поступило еще 16 человек, а затем 4 выпуск, если не ошибаюсь, в январе 1875 года был переведен в вновь открывшуюся Порецкую учительскую семинарию². Что же касается до влияния Ильи Николаевича Ульянова на курсы, то оно выразилось в том, что некоторые из его учеников не только выдвинулись вперед в качестве лучших учителей, но впоследствии времени получили известность на более видном поприще общественной деятельности. Кому из людей, интересующихся прошлым нашего края, не известны бывшие воспитанники Ульянова: Малеев, Ключевы, Калашников, Кабанов, Лукьянов и т. д.³

В. Пазарьев. Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета. «Симбирские губернские ведомости», 1894, 11 мая.

¹ Григорий Дмитриевич Сретенский был штатным смотрителем Симбирского уездного училища и членом уездного училищного совета.

² См. сноску на стр. 109 наст. издания. Педагогические курсы просуществовали с 1869 по 1873 год, и за это время на них получили подготовку 47 учителей.

³ Дети крестьян Петр Малеев и Василий Калашников (о нем см. именной указатель цитируемых авторов), а также Николай Лукьянов, Петр Архангельский, Дмитрий Преображенский и Константин Боровский были первыми выпускниками педагогических курсов. Спустя два года по окончании курсов, в 1873 году, учитель Шумовского сельского училища Константин Боровский был уволен «по неблагонадежности». Окончив курсы в 1873 году, солдатский сын Андрей Кабанов тоже поехал в деревню, чтобы, по

Ученье на них (педагогических курсах.— А. И.) продолжается два года: в течение первого воспитанники педагогических курсов, кроме классных занятий, посещают городские приходские училища, а в течение второго — обучают в этих училищах, под руководством инспектора народных училищ.

И. И. Ульянов. Цит. по кн. М. Ульяновой, стр. 46.

В 1869 году мы, воспитанники педагогических курсов при Симбирском уездном училище в числе 12—15 человек, сидели в классе и слушали урок какого-то преподавателя одного из общеобразовательных предметов. Воспитанники были от 16 до 20 лет, лишь нас с товарищем М. приняли, не в пример прочим, четырнадцатилетними. Все мы были из беднейших семей, окончившие курс уездных училищ или прошедшие несколько классов духовных училищ. Урок велся учителем обычным порядком, без особого оживления. Эти уроки были послеобеденными, при вечернем, скудном керосиновом освещении. Вдруг среди урока промелькнула перед нами по классу какая-то человеческая фигура, небольшого роста, с темными баками на матовом лице, с длинными вьющимися волосами, со шляпой под мышкой, — промелькнула и уселась где-то сзади нас за классный стол слушать урок. Все это произошло так неожиданно и с такой быстротой, что мы едва успели встать и приветствовать гостя поклоном. По окончании урока гость очутился перед нами и объявил, что будет давать нам уроки по физике и некоторые сведения по другим естественным наукам¹.

его же выражению, «воевать с понами, писарями и другими воротилами сел и деревень». Позднее он стал преподавать в симбирской гимназии (его подпись стоит под аттестатом зрелости Владимира Ильича). Под руководством воспитанника курсов Николая Лукьянова в Симбирском училище два года преподавала старшая сестра Ленина — Анна Ильинична.

¹ О содержании занятий на педагогических курсах дает представление расписание уроков на 1869 год, согласно которому в первом отделении кроме практики был 21 учебный час в неделю. Из них на русский язык отводилось 3 часа, на арифметику — 3 часа, историю — 2 часа, географию — 2 часа, педагогику — 2 часа, черчение — 2 часа, пение — 2 часа, закон божий — 2 часа, физику — 1 час, естествознание — 1 час, чистописание — 1 час. Кроме того, курсанты изучали основы землемерия и переделного дела.

Этот гость был не кто иной, как только что назначенный на вновь открывшуюся должность инспектора народных училищ, бывший преподаватель физики и математики Нижегородской классической гимназии Илья Николаевич Ульянов. Его необыкновенная живость, подвижность, простота в обращении и вместе прямой и весьма энергичный подход к делу приятно нас расшевелили, возбудили, а по уходе его и преподавателя наш классный комик Л., схватив галошу под мышку, промелькнул по классу несколько раз, стараясь подражать всем движениям нового лица и до карикатурности утрируя их, чем возбудил веселый хохот всего класса... Все мы стали с нетерпением ожидать чего-то живого, нового, интересного в нашем обучении, и мы не ошиблись... И(лья) Н(иколаевич) картавил,— по его произношению некоторые звуки в словах трудно было различить один от другого, но живость и ясность изложения, наглядность преподавания настолько были необычайно удачными, что его уроки нами легко усваивались тут же в классе. Он умел заинтересовать и увлечь нас своими уроками. Мы ждали их, как праздника.

Наши курсы были двухлетние. На старшем курсе мы должны были практиковаться в преподавании в начальном народном училище, которым заведовал весьма опытный учитель, преданнейший своему делу и разумный педагог, у которого учились многие и из нас несколько лет тому назад, некто Иван Николаевич Николаев. Он должен был непосредственно руководить нашими уроками, а высшее наблюдение за этим приносил на себя И(лья) Н(иколаевич). Все мы приходили в класс утром, где сидели уже за столом дети различных групп: совсем не умеющие читать и писать, прошедшие чтение и письмо и более подготовленные по грамотности и арифметике. Каждый из нас, воспитанников, должен был по очереди давать уроки во всех трех группах, все же товарищи должны были следить за ним и делать заметки обо всех его промахах при ведении уроков. После уроков все воспитанники и наши руководители собирались в учительской комнате, где каждый и высказывал свои заметки товарищу-преподавателю для общего обсуждения, как вести дело без промахов, совершенствоваться в искусстве преподавания. На этих разборах уроков И(лья) Н(иколаевич) старался быть незаметным, чтобы не мешать нам свободно высказываться, возбудить в нас самостоятельность в этом направлении; авторитет-

ное свое слово, если признавал нужным, вставлял последним, и мы чувствовали себя полными хозяевами нашего дела, стремясь к саморазвитию и самосовершенствованию. Недостатков в нашем преподавании было весьма много; мы сами, едва только грамотные, плохо владели языком, иногда не умели поддержать классную разумную дисциплину, не было еще в нас самообладания, — нередко терялись и т. п. И (лье) Н(иколаеви)чу много надо было иметь терпения, деликатности, снисходительности, чтобы на разборах товарищи высказали свои замечания в форме не только не оскорбительной для самолюбия каждого, но и устраняющей всякую неприязнь между нами, юношами, нередко слишком горячими и неводержанными. И все это ему удавалось. От него никто из нас никогда не слышал ни одного резкого слова или повышения тона, выражения раздражительности и т. п. Каждый из нас уходил с занятий под самым приятным впечатлением общей дружбы, общего стремления к самовоспитанию.

В. А. Калашников («Юбилейный сборник», стр. 42—43).

Если практические занятия воспитанников (педагогических курсов. — *А. И.*) идут до сего времени с успехом и пользой, то благодаря только особенной любви к делу и особенному попечению г. инспектора училищ (то есть *И. Н. Ульянова. — А. И.*), который бывает на этой практике почти ежедневно.

Из отчета заведующего педагогическими курсами. Ульяновский государственный архив.

Считаю долгом засвидетельствовать перед губернским земским собранием, что педагогические курсы приносят несомненную пользу для дела народного образования, потому что учителя, специально подготовленные для своих специальностей, придают училищам характер правильно организованных школ и ставят себя в хорошие отношения как к ученикам, так и к родителям учащихся. В этом я мог удостовериться при личном обзоре тех училищ, в которых в настоящее время состоят преподавателями бывшие

кандидаты-педагоги. Ученики в этих школах любовно занимаются в классах; правильное распределение занятий, которого не было до назначения учителями кандидатов-педагогов, много влияет на успешный ход дела: ученики не запуганы, бойко отвечают на вопросы и не требуют, при постоянном занятии учителя, никаких дисциплинарных мер со стороны преподавателей.

И. Н. Ульянов. Ульяновский государственный архив.

Учителей, окончивших курс в учительских семинариях и педагогических классах, бывших при Симбирском уездном училище, в губернии 70 из 321, то есть 21,8%...

Здесь справедливость требует заметить, что из учителей с низшим образованием, то есть не окончивших курса в духовных семинариях и окончивших курс в уездных училищах, многие стоят наряду с лучшими преподавателями в губернии благодаря частью съездам и краткосрочным педагогическим курсам, бывшим в губернии 8 раз в течение десятилетия, частью своей опытности, приобретенной практикою, при любви и преданности к делу, и, наконец, главным образом, руководству инспекторов народных училищ, весьма прилежно осматривающих школы и обращающих внимание на все стороны учебного дела.

(И. Н. Ульянов). Начальное народное образование в Симбирской губернии с 1869 по 1879 г. Журнал министерства народного просвещения, 1880, май, стр. 99, 100.

Благодаря, главным образом, энергии и беззаветной преданности делу... И. Н. Ульянова, учителя, получившие свое педагогическое образование на этих курсах, были лучшими учителями того времени.

М. Суперанский. Начальная народная школа в Симбирской губернии. Симбирск, 1906, стр. 196.

Задавшись мыслью собрать вместе отрывки своих весенних воспоминаний о людях, уже забытых в наши дни и отличавшихся благородными стремлениями на пользу об-

щую, я обязан сказать, что одним из украшений того времени несомненно были учителя нового типа, выпущенные из педагогических курсов И. Н. Ульянова...

При постоянных разъездах по школам мне волей или неволей приходилось бывать и даже зачастую ночевать в убогих учительских квартирах, и каждый раз мне было и горько, и стыдно за равнодушные общества к его полезнейшим членам. К счастью, большинство бывших воспитанников Ульянова, как и почти каждый русский человек, были великими мечтателями и фантазерами, одним словом, такими же взрослыми детьми, как и их наставник. Ночлеги в школах всегда были для меня сплошным страданием и непрекращавшейся в течение всей ночи борьбы со всевозможными неудобствами. Живо помнятся мне эти ночлеги после утомительного и уже четвертого — в течение короткого зимнего дня — экзамена в школах.

Тихо и мирно беседуем мы с учителем около крошечного самовара о самых дорогих для него предметах... Ни тени пошлости или материальных интересов!.. Улеглись поздно, далеко за полночь: я — на дощатой, ежеминутно готовой рассыпаться кровати, радушно уступленной хозяином; учитель — на полу, то есть прямо на досках, прикрытых войлоком. В жиденькие рамы дует метель; кровать скрипит при малейшем движении; голова упирается прямо в немплосердно натопленную печь... Заснуть нет никакой возможности, и тянется — точно бесконечная — ночь все в тех же бесплодных мечтаниях о лучшем будущем и в разговорах о выдающихся по своим способностям учениках или о каком-нибудь необходимом для школы дровянике, представляющем крайний предел мечтаний учителя, как бы не замечающего своей уже слишком серенькой обстановки и при всяких невзгодах и лишениях одинаково радостного и полного мыслями и заботами о школе.

В. Назарьев. Вешние восходы. Из воспоминаний, встреч и переписки 70-х годов. «Вестник Европы», 1898, кн. 4, стр. 694—695.

Кадр новых учителей, подготовленных Ильей Николаевичем, назвали «ульяновцами», а время, пока (до своей смерти) Илья Николаевич стоял на посту сначала инспек-

тора, а затем директора народных училищ, так и осталось в памяти учителей и учеников как «ульяновское время».

М. Ульянова, стр. 47—48.

Можно с уверенностью сказать, что наши лучшие школы процветают и развиваются единственно благодаря рвеннию и добросовестности преподавателей, большинство коих принадлежит к числу воспитанников педагогических курсов, основанных и руководимых директором народных школ Симбирской губернии Ильёю Николаевичем Ульяновым. Таким образом, для нас, близко знакомых с настоящим и прошлым порядком вещей, не остается сомнения в том, что земство обязано г-ну Ульянову первыми и до сих пор лучшими учителями в уезде (Симбирском.— *А. И.*), а следовательно, и большей частью успеха.

В. Пазарьев. Очерк 33 школ Симбирского уезда. «Симбирская земская газета», 1877, 24 апреля.

...Для земства не остается другого выбора, как принять меру, предлагаемую г. инспектором народных училищ (*И. Н. Ульяновым.— А. И.*), т. е. увеличить число своих стипендиатов в здешних педагогических курсах¹. Личные наблюдения некоторых гласных как над устройством этих курсов, так и над преподаванием тех же стипендиатов, которые уже занимают должности учителей, убеждают комиссию в том, что деньги земства в этом случае не пропадут даром². Нахождение этих курсов в самом Симбирске имеет еще и ту выгоду, что земству будет всегда возможно сле-

¹ Одним из способов подготовки учителей для начальных народных школ было содержание стипендиатов в незадолго до этого открывшейся учительской семинарии в Самаре. По просьбе комиссии *И. Н. Ульянов* обратился по телеграфу к инспектору Самарской семинарии с запросом, сколько стипендиатов Симбирского земства можно поместить в ней, и получил ответ, что прием возможен только в будущем году и поместить можно будет не более десяти воспитанников, число слишком малое для Симбирской губернии. Это и заставило земство поддержать созданные Ильёй Николаевичем педагогические курсы.

² Комиссия пришла к выводу, что вместо прежних 3222 рублей в 1872 году необходимо выделить 5320 рублей «для увеличения числа стипендиатов земства в педагогических курсах».

дить за ходом этого небольшого, но полезного учреждения, обязанного своим происхождением личной инициативе г. инспектора народных училищ и находящегося под его непосредственным и ревностным наблюдением.

Доклад Комиссии по вопросу народного образования¹. «Симбирские губернские ведомости», 1872, 4 января.

От исправляющего должность г. начальника губернии (Д. А. Поливанова.— *А. И.*) объявляется, что учительская семинария в селе Порецком открыта 19 сего ноября (1872 года.— *А. И.*).

«Казенные объявления». «Симбирские губернские ведомости», 1872, 25 ноября.

В том же (1872-м.— *А. И.*) году учительская семинария (в с. Порецком, Алатырского уезда.— *А. И.*) была открыта, и, таким образом, наша губерния одна из первых получила специальное учебное заведение для подготовки народных учителей, причем симбирское земство затратило на его устройство довольно значительную сумму (26 512 рубля 22 копейки.— *А. И.*). При этом земство не ограничилось единовременным расходом на семинарию, но перевело туда 40 стипендий с симбирских педагогических курсов².

С первого же выпуска семинария начала обслуживать Симбирскую губернию: в 1875 году окончили курс 12 чело-

¹ Этот доклад был представлен на сессии Симбирского губернского земского собрания 9 декабря 1871 года.

² В связи с открытием в 1872 году трехгодичной учительской семинарии в с. Порецком (в 150 километрах от Симбирска) губернское земское собрание в сентябре того же года решило: «1) закрыть с 1 января 1873 г. первый класс педагогических курсов при Симбирском уездном училище, а с июня м(еся)ца 1873 г., по окончании курсов воспитанников II класса, закрыть педагогические курсы, переведа 40 земских стипендий в Порецкую учительскую семинарию; 2) выдать по 5 р(ублей) каждому из своих воспитанников I класса на проезд в с. Порецкое, если они пожелают продолжать учение в семинарии; 3) выдать в награду учителю Симбирского мужского училища Николаеву 100 р(ублей) за руководство кандидатом-педагогом в практических занятиях» (Отчет И. Н. Ульянова за 1873 год).

век, из которых 11 поступили учителями начальных школ нашей губернии. То же нужно сказать и о следующих выпусках: обыкновенно все оканчивавшие курс назначались учителями в школы Симбирской губернии: 14 человек в 1876 году, 6 — в 1877, 5 — в 1878, 8 — в 1879... По отзывам директора (то есть И. Н. Ульянова. — *А. И.*) и инспекторов народных училищ, это были самые желательные учителя, отличавшиеся как знанием педагогических приемов, так и добросовестным отношением к своим обязанностям... И приходится пожалеть, что губернское земство прекратило содержание в Порецкой семинарии своих стипендиатов только потому, что направление учителей-семинаристов показалось неудобным местным землевладельцам¹.

М. Суперанский. Начальная народная школа в Симбирской губернии. Симбирск, 1906, стр. 99, 197.

В последнее время направление некоторых воспитанников Порецкой учительской семинарии стало возбуждать сомнение (например, Зотов, Агафонов² и другие)... Не изволите ли признать полезным дать указание, что при назначении на должность учителей народных школ следует делать тщательный между ними выбор.

Симбирский губернатор *И. П. Долгово-Сабуров* — *И. Н. Ульянову*. Цит. по кн. Т. Д. Корнейчика «Жизнь, отданная народу». Ульяновск, 1961, стр. 56.

Существование учительских семинарий, по моему мнению, неразрывно связано с существованием начальных училищ, если только последним предполагается дать проч-

¹ Выражая мнение этих землевладельцев, председатель Буинского уездного училищного совета протоиерей А. И. Баратынский печатно обвинил выпускников Порецкой семинарии в недостаточной устойчивости «в своих религиозных понятиях». По этому поводу между ним и учителем семинарии Андреем Анастасьевым разгорелась полемика в «Симбирской земской газете» (см. № 145, 147, 148, 153 и 154 за 1879 год).

² За революционную пропаганду среди крестьян воспитанники Порецкой семинарии учителя Зотов и Агафонов были сосланы в Восточную Сибирь.

ную и плодотворную организацию. В самом деле, можно ли утверждать, что начальное обучение, понимаемое даже в скромных размерах сознательной грамотности, не нуждается в преподавателях, специально подготовленных к своему делу? Полагаем, нельзя, и даже самый вопрос пора считать общим местом, оспаривать которое — значит утверждать, что будущему врачу нет нужды изучать медицину, садовнику — садоводство и т. п. Поэтому, считая вопрос о существовании учительских семинарий в принципе бесспорным, перейдем прямо к практической его стороне, — к тому, лучшие ли учителя — воспитанники упомянутых и вообще педагогических заведений? Отвечаем утвердительно и в доказательство этого ссылаемся прежде всего на цифры. Так, из общего числа 79 учителей (из них 53 окончили Порецкую семинарию, 23 — Казанскую, 2 — Самарскую и 1 — Вольскую. — *Л. И.*) 45 человек, т. е. 57%, можно считать особенно хорошими, в уровень с которыми трудно поставить кого-либо из прочих учителей... Дорого также и то, что подготовленные учителя настроены на более или менее возвышенный тон в своих отношениях к школе и, очевидно, благодаря преимущественно этому настроению, вложенному в них педагогическим учебным заведением, их воспитавшим, они строго относятся к обязанностям и ведут себя вполне прилично званию...

Вакантных мест ежегодно бывает от 30 до 60... Кандидатов же и кандидаток на учительство можно иметь ежегодно от 50 до 90 и более. До сих пор, в течение моей 14-летней службы в губернии, мне никогда не приходилось испытывать недостаток в предлагающих услуги, особенно из лиц, не получивших специальной подготовки.

И. Ульянов. Записка об учительских семинариях и училищных советах. «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 202, 203.

В одно и то же время Ульянов был просветителем целой губернии, строителем сельских школ, вечным просителем, назойливо вымаливавшим у земства лишний грош на школы, единственным руководителем педагогических курсов, им же заведенных при городском приходском училище; заступником и добрым генералом учителей и учительниц, входившим во все мелочи их незавидного существо-

вапия, и в то же время только что не вечным курьером, обязанным скакать на перекладных по нашим проселкам, замерзать во время зимних морозов и метелей, утопать в весенних зажорах, голодать и угорать в так называемых въезжих избах. И он, в течение многих лет, безропотно скакал, голодал, рисковал жизнью и здоровьем; по целым месяцам не видел своей семьи; распинался на земских собраниях, вымаливая прибавки; по несколько часов подряд надрывался на сельских сходах.; возился с плутами-подрядчиками; угрожал разжиревшим волостным старшинам какими-то крайними мерами, выслушивая одни никогда не исполнявшиеся обещания; утешал плаксивых учительниц, и все-таки, при всей окружающей его неурядице, при всем физическом и моральном утомлении, каким-то чудом умудрялся не только сохранить врученный ему светильник, не дать ему потухнуть, но даже на глазах у всех в какие-нибудь первые три года своей службы построить в одном нашем (то есть Симбирском.— *А. И.*) уезде до 10 новых училищных домов, организовав до 45 сельских школ, из числа коих 15 могли уже считаться более или менее удовлетворяющими современным требованиям, и в то же время подготовить до 15 учителей, отлично знающих свое дело, а главное, отличавшихся безусловной верой в полезность своей деятельности в то время, когда сумма, ассигнуемая земством на народное образование, с 100 руб(лей) возвысилась уже до 5 000 руб(лей) в год ¹.

В. Назарьев. Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета. «Симбирские губернские ведомости», 1894, 18 мая.

¹ К аналогичному по содержанию отрывку из очерка В. Назарьева «Современная глушь», приведенному в книге В. Алексеева и А. Швера «Семья Ульяновых в Симбирске» (М.— Л., 1925, стр. 18—19), А. И. Ульянова-Елизарова сделала следующее примечание: «Не надо забывать, что этот образ Ильи Николаевича, в общем, правильный, нарисован писателем по профессии, который в заботе о яркости образов и красоте стиля не может обойтись без преувеличений, и писателем-помещиком, для которого пренебрежение к своему комфорту и уюту равносильно голодовке и риску жизнью. Вообще, в указанной выдержке мы видим интересное противопоставление барича-сibarита, увлекающегося порою красивыми идеями и словами, и разночинца, человека труда и идеи, для которого преданность последней неразрывна с беззаветным служением ей».

Осматривая начальные училища известного школьного района, вы иногда довольно скоро замечаете, что дело обучения поставлено в них более или менее однообразно: везде введены в употребление одни и те же учебные руководства; везде одно и то же расписание еженедельных занятий; везде отдельным учебным предметам посвящается в неделю одно и то же количество часов; везде одинаковые, более или менее, учебно-воспитательные порядки и в большей части школ, если не во всех, достигаются одни и те же успехи обучения. Но справка оказывается, что таким единством учебно-воспитательного строя уездные школы обязаны влиянию и заботам... местного школьного инспектора (имеется в виду И. Н. Ульянов. — *А. И.*)... Этот инспектор держался прекрасного обычая сначала внимательно слушать самое ведение учебных занятий в школе и затем беседовать по поводу данных уроков, указывая замеченные в этом ведении недостатки; потом он сам нередко давал образцовые, или примерные, уроки и, наконец, о том, что видел и слышал он в школе, собственноручно писал подробные замечания в памятной, или визитационной, школьной книге.

А. Анастасиев. Народная школа, часть вторая, изд. 9. М., 1913, стр. 107—108.

Ясно воскресает в моей памяти наше первое знакомство с ним (то есть с И. Н. Ульяновым. — *А. И.*) в 1872 г., в вагоне железной дороги на пути из Нижнего в Москву. Двух-трех случайно брошенных слов в обращении к нему достаточно было, чтобы видеть, что это деятель по народному образованию, которое тогда вызывало всеобщее живое участие, — деятель — не педант, трактующий себя полным знатоком этого столько важного, столько же сложного дела, хотя уже и в то время он немало над ним потрудился, а деятель, собирающий материал, необходимый для сообщения устойчивости этой деятельности, ищущий, где только можно, полезных уроков, которые бы сообщили его деятельности настоящую силу и практическую применимость. Илья Николаевич ехал тогда на политехническую выставку в Москве¹, где был выставлен богатый отдел учебно-воспитательных пособий вообще и в частности по

¹ Вместе с Ильей Николаевичем на выставке побывали еще четыре учителя начальных школ Симбирской губернии.

народно-школьному образованию. И сколько раз ни случилось мне самому быть на этой выставке, всякий раз я его встречал в указанном отделе, и всякий раз он спешил поделиться с такой неподдельной задушевностью и простотой об усмотренном им каком-либо новом пособии, полезной книжке, о выслушанном им от других лиц, заинтересовавшихся этим делом, совете, сообщении о ходе народно-учебного дела. Так вот и напрашивается он на сравнение с трудолюбивой пчелой, которая с таким тщанием собирает вещество, которым воспользуется не столько сама она, сколько другие, но для которой тем не менее вся цель жизни заключается в том, чтобы собирать это вещество. Все собранное во время посещения этой выставки Ильей Николаевичем до мелочей было сообщено его сотрудникам по народному образованию во время происходивших тогда учительских съездов.

А. Покровский. Из воспоминаний об И. Н. Ульянове. Цит. по кн. М. Ульяновой, стр. 51—53.

...Командировка эта (на московскую политехническую выставку, открытую в 1872 году во время Первого всероссийского съезда учителей.— *А. И.*), кроме учебного отдела, где собрано было весьма много элементарных учебных пособий русских и иностранных народных школ и учительских курсов, читанных видными педагогами¹, принесла большую пользу инспекторам народных училищ разъяснением многих вопросов по народному образованию в заседаниях инспекторов. На этих заседаниях обсуждались вопросы об обучении в народных школах пенно и ремеслам, рассмотрены проект инструкции для двухклассных и одноклассных сельских училищ ведомства министерства народного просвещения и программы преподавания в этих училищах.

И. Н. Ульянов. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1872 год. Казань, 1873, стр. 28.

Для улучшения учебной части, для правильной постановки учебного дела необходимо в каждом уезде устраи-

¹ И. Н. Ульянов слушал, в частности, выступления В. А. Ештушевского (о нем см. на стр. 190 наст. издания) по методике арифметики и преподавателя Воронежского кадетского корпуса И. Ф. Бунакова по методике русского языка.

вать учительский съезд, задача которого и состояла бы в практическом ознакомлении преподавателей с лучшими методами обучения предметам, входящим в курс начального народного училища.

И. Н. Ульянов. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1872 год. Цит. по кн. М. Ульяновой, стр. 48.

...И. Н. (Ульянов.— А. И.) стал устраивать учительские съезды сельских учителей всей губернии для того, чтобы учителя и учительницы все могли ознакомиться с новыми методами или способами преподавания предметов, выслушивать из опытов своей педагогической практики, дать образцовый урок и сознательно отнестись к разбору этого урока товарищами. И (лья) Н (иколаевич) и здесь поставил дело так же, как и на наших практических уроках: среди нас же он находил и образцовых преподавателей, и обстоятельных докладчиков, и разумных критиков. Сам он оставлял для себя лишь высшее руководство съездами. Тот же его такт, мягкость, деликатность, сдерживание слишком горячих в прениях с товарищами характеров в каждом из нас оставил воспоминания о съездах как о счастливых днях, пережитых нами в ранней юности.

Таких съездов при мне было два.

В. А. Калашников («Юбилейный сборник», стр. 43—44).

...Желание улучшить свои методы обучения особенно обнаружилось на съезде учителей Сызранского уезда, бывшем в июле и августе месяцах отчетного (1870-го.— А. И.) года под моим наблюдением и руководством. Уяснив себе цель съезда, учителя просили о повторении подобных съездов ежегодно для обмена своих замечаний, вынесенных из практики¹.

И. Ульянов. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1870 год. «Симбирские губернские ведомости», 1871, 13 ноября.

¹ В своей речи в Буинском земском собрании 18 сентября 1870 года председатель уездного училищного совета А. И. Бартынский, между прочим, говорил: «...Следует подумать в буду-

Слух о первом съезде, вскоре задуманном Ульяновым, вызвал неописанное волнение между нашими сельскими педагогами, а в начале сентября, если не ошибаюсь, 1873 года к Симбирску потянулись разнообразные тележки и брички с законоучителями, учителями и учительницами, стремившимися на съезд.

На следующий день зало мирового съезда преобразилось до неузнаваемости; на стенах развешаны картины, в углах размещены деревья всех существующих в нашей местности пород и образцы всевозможных хлебов, а на возвышении, где обыкновенно восседали мировые судьи, помещены учебные пособия. Первые ряды стульев были заняты учениками народных школ, с которыми законоучителя, учителя и учительницы давали испытательные педагогические уроки. За ними устроились представители нашего высшего и среднего общества, привлеченного отчасти людей (здесь ошибка; очевидно, модой.— А. И.), отчасти искренним сочувствием к делу народного образования; далее следовали законоучителя, учителя и учительницы.

Съезд открылся уроками законоучителей, видимым образом стеснявшихся присутствием публики; потом дошла очередь и до сельских педагогов. Каждый из них робко выступал на возвышение, становился предметом общего внимания и наблюдения, сотни глаз жадно следили за общим ходом урока. Затем после его окончания завязывались споры и объяснения, тянувшиеся до тех пор, пока не составлялось общее мнение, которое формулировалось одним из более даровитых учителей. Все носило на себе отпечаток небывалого одушевления и лихорадочного напряжения, обсуждение уроков становилось все живее и живее; выяснились главные положения педагогики и лучшие приемы обучения грамоте и счету.

В заключение был предложен вопрос о мерах взыскания в сельских школах, и все пришли к единогласному ре-

шем году об учительском съезде в каком-нибудь из центральных сел уезда. Съезд учителей будет иметь ближайшею целью указание на практике лучших методов преподавания. Причем г. инспектор народ(ных) училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянов, по просьбе нашей, не откажется передать учителям некоторые теоретические и практические данные относительно преподавания всех положенных в сельских школах предметов, как он это с успехом делал нынешним летом на съезде учителей в Сызранском уезде» («Симбирские губернские ведомости», 1870, 5 декабря).

шению, чтобы всячески стараться поддерживать классную дисциплину, не прибегая к мерам строгости и наказаниям, и любимым ветеранам школьного дела¹.

Последний день съезда приходился в праздник... Еще до обеда толпа учителей со своим инспектором и одним из членов совета направилась к телеграфной станции. Здесь Ульянов познакомил их с законами электричества, а после обеда им же показал физический кабинет военной гимназии. Больше и показывать нечего было в нашем городе.

Справедливость требует сказать, что после закрытия съезда нашим педагогам, получившим по 5 рублей на все две недели съезда, не на что было добраться до своих селений и волей или неволей пришлось обратиться к частной благотворительности и, странствуя с просительным листом в руках, наблюдать смущенные лица жертвователей. Но, несмотря на такой неблагоприятный оборот дела, Ульянов все время съезда сиял, был на седьмом небе, а юные педагоги разъехались, преисполненные небывалой энергией и несомненных стремлений принести как можно более добра и счастья своим питомцам.

В. Пазарьев. Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета. «Симбирские губернские ведомости», 1894, 18 мая.

Учительские съезды имели место главным образом в начале рассматриваемого периода (то есть в первые годы работы Ильи Николаевича в должности инспектора народных училищ.— *А. И.*). Так были устроены съезды в

¹ И. Н. Ульянов на всех учительских съездах неизменно выступал за отмену или ограничение взысканий. На Карсунском съезде «инспектор заявил, что желательно было бы, чтобы поступки учеников разбирались учителями как можно внимательнее и хладнокровнее, чтобы наказания за известный проступок везде и всегда были одинаковы; такие наказания, как ставление на колени и т. п., должно совсем вывести из употребления, как наказания не только не нужные, но даже вредные» (Отчет о Карсунском съезде, стр. 48). «Я желал бы,— говорил Илья Николаевич на съезде в Симбирске,— чтобы телесные наказания были совсем выведены с той целью, чтобы дети боялись наказания, а не привыкали к нему. Для этого употреблять такой прием, который я высказал вчера, т. е. разбирать проступок ученика» (Отчет о Симбирском съезде, стр. 164).

1871 году в Сызранском уезде, в 1872 году в Курмышском, в 1873 в Карсунском и в том же году в г. Симбирске для учителей двух уездов — Симбирского и Сенгилеевского. Т. е. съезды происходили каждый год, то в том, то в другом уезде...

Польза съездов для учителей была очевидна. Так, о Карсунском съезде мы имеем следующие сведения: «С 1 по 15 июля 1873 года И. Н. Ульяновым был устроен в здании карсунского женского двухклассного училища съезд учителей — под руководством учителя 2-го промзинского училища Филарета Цветницкого, причём на покрытие расходов каждому учителю было выдано по 10 руб (лей); в виду разнородности учительского персонала того времени съезд этот был весьма своевременен и необходим; к тому же занятия в нем были обставлены серьезно, деловито, без неуместного фразерства и дали большинству учителей цельный образец наилучшей постановки учебно-воспитательного дела; со времени этого съезда прошло уже более четверти века, но отрадное воспоминание о съезде и до сего времени живо у тех немногих участников съезда, которые продолжают училищную службу».

М. Суперанский. Начальная народная школа в Симбирской губернии. Симбирск, 1906, стр. 199.

Учительские съезды, бывшие в отчетном (то есть в 1873-м.— А. И.) году в гг. Карсуне и Симбирске с целью ознакомления учащихся на практике с лучшими приемами обучения в школах, приносят большую пользу делу, благотворно действуя на преподавателей, возбуждая в них соревнование и путем обмена мыслей разъясняя многие стороны школьного дела. На заседаниях этих съездов кроме способов обучения разным предметам обсуждались меры взыскания с учащихся, распределение времени при занятиях одного учителя с 3-мя группами учеников и многие другие вопросы, вытекающие из школьной жизни.

И. П. Ульянов. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1873 год. Симбирск, 1874, стр. 48.

1-го сентября настоящего (1874-го.— А. И.) года в 12 часов дня происходило в Симбирске открытие *второго*¹ съезда учителей и учительниц народных школ.

Всех учителей явилось на съезд 50, а учительниц 25.

Открытие происходило в присутствии начальника губернии Н. П. Долгово-Сабурова, директора классической гимназии И. В. Вишневого, директора народных училищ И. Н. Ульянова, членов Симбирского уездного училищного совета: Н. А. Языкова, А. П. Каханова, А. И. Неофитова и священника О. О. Боголюбова, председателя уездной земской управы П. К. Рудольф и других любителей народного просвещения...

Директор народных училищ И. Н. Ульянов обратился к учителям и учительницам с речью, в которой, благодаря Симбирское земство за содействие в деле народного образования и за сочувствие к созданию этого второго съезда в Симбирске, он просил учителей и учительниц серьезно отнестись к занятиям на предстоящем съезде, чтобы оправдать высокое призвание народного учителя, возложенное на них правительством и обществом, просил открыто и без стеснения заявлять все встречающиеся им в школе недоумения и сомнения и стараться уяснять их себе в беседах друг с другом, чтобы затем приступить к делу с более ясными воззрениями.

После этого начались чтения некоторыми учителями приготовленных к съезду примерных уроков и обсуждение их другими учителями²...

Чтения примерных уроков продолжались до 3-х часов пополудни... Самый съезд с каждодневными утренними и вечерними заседаниями продолжится до 15 сентября.

Польза учительских съездов в деле народного образования ныне уже признана всеми, поэтому не удивительно, что почти во всех газетах сообщаются о них сведения. Мы

¹ Кроме того, были подобные же съезды: в Сызрани два съезда, в 1871 и 73 годах; в Курмыше один съезд, в 1872 году, и два съезда в Карсуне, в 1873 и 74 годах.— Примечание И. Х(ристо)ф(оро)ва.

² В первый день работы съезда в чтении и обсуждении лекций приняли участие учителя П. Малеев (Сельдинское училище), Утехин (Больше-Борлинское училище), Лукьянов (Тагаевское училище), В. Калашников (чувашская Симбирская школа), Суров (Старо-Алгашиновское училище), Ясницкий (Мало-Борлинская школа), Михайлов (Сенгилеевское приходское училище), Веселова (Ртищевско-Каменская школа).

на первом заседании Симбирского съезда, так сказать, наглядно ощутили эту пользу, когда услышали, как толково, с каким пониманием дела и даже глубоко прочувствованным убеждением лучшие учителя народных школ рассуждают об учебном деле, а худшие из них, видя это, конечно, поучаются...

Заседание съезда окончилось 14 сентября... Здесь (в зале заседаний.— *А. И.*) прочитаны были еще некоторыми учителями педагогические статьи... и затем г. директор обратился к ним с речью, в которой резюмировал все то, что выработано было на съезде, просил учителей и учительниц стараться приложить это к делу и наконец объявил съезд закрытым. Съезд этот оставил самое приятное впечатление в душе тех лиц из симбирского общества, которые интересовались его деятельностью и посещали его заседания. На этих заседаниях всякий видел наглядно и ощущал, так сказать, непосредственно, в чем состоит дело первоначального обучения и как правильно и с успехом вести его...

Благодаря г. директору симбирских народных школ, который, будучи сам руководителем съезда, сумел привлечь самих учителей к разработке педагогических вопросов, а не заставлял их выслушивать молча известные положения, как вести учебное дело, симбирские и сенгилеевские учителя народных школ не обнаружили наклонности к безобразиям и, по всей вероятности, уехали со съезда не с одними пустыми внешними впечатлениями¹.

П. Х(ристо)ф(оро)в. Съезд учителей и учительниц народных училищ Симбирского и Сенгилеевского уездов. «Симбирские губернские ведомости», 1874, 3 сентября, 12 октября.

¹ Далее автор статьи пишет: «Не так удачны, как у нас в Симбирске, были съезды в других местах России. Так, напр(имер), в 260 № «Вечерней газеты» сообщается, что известный составитель «Методики по арифметике» г. Евтушевский, бывший сам руководителем на съездах, пришел даже к заключению в бесполезности педагогических съездов в России. «Наши съезды,— говорит г. Евтушевский,— неудачны, учителя не подготовлены к выполнению задачи съезда, полуграмотны, чинят в местах съезда безобразия (пьянство); руководители съезда бестактны; ни одного из этих обвинений, выставленных г. Евтушевским против русских учительских (съездов.— *А. И.*), мы не можем отнести к нашему Симбирскому съезду, и, глубоко убежденные в несомненной пользе подоб-

Но скоро министерство народного просвещения стало косо поглядывать на эти съезды, живой общественный характер их был правительству не по душе, и «вследствие ограничительных распоряжений с его стороны дело это стало падать». Оно было отнято у земства, и даже инспектора народных училищ были устранены от непосредственного руководства съездами. Живая душа была вынута из этого дела, оно было оказено и потеряло свое прежнее значение. Так преследовалось в те времена всякое живое общественное дело, хотя бы в нем не было ничего антиправительственного...

Скромность и простота, как в личных потребностях, так и в отношении к людям, в смысле демократизма и доступности, были очень характерны для него (то есть для И. Н. Ульянова.— *А. И.*). Илья Николаевич был чиновником министерства народного просвещения, получал за свою службу чины и ордена¹, но остался чужд чиновничьего духа того времени с его прислужничеством и карьеризмом. Для него были важны не чины и ордена, а идейная работа, процветание его любимого дела, наилучшая постановка народного образования, во имя которого он работал не за страх, а за совесть, не щадя своих сил. Начальство ценило в нем исполнительного и ревностного работника, но стало косо поглядывать на него впоследствии, видя, что он недостаточно согласует свою работу с духом времени. А он оставался и в 80-е годы все тем же «шестидесятником, идеалистом», не способен был подделываться под повый курс, и в городе «его называли большим либералом»².

М. Ульянова, стр. 50—51, 58—59.

ных съездов, мы желаем, чтобы они у нас были и на будущее время».

¹ Последний орден Владимира дал ему потомственное дворянство.— Примечание М. Ульяновой.

Кроме ордена Владимира 3-й степени, полученного 1 января 1882 года, Илья Николаевич 21 декабря 1874 года «за отличную усердную службу» был награжден орденом Анны 2-й степени, а 1 января 1886 года — орденом Станислава 1-й степени. В 1877 году ему был присвоен чин действительного статского советника.

² М. Ульянова цитирует слова В. Калашникова (см. «А. И. Ульянов», стр. 277).

В своей статье¹ я хлопотал более всего о том, чтобы передать правдивую историю школьного дела в нашем (то есть Симбирском. — *А. И.*) уезде и потому обязан был сказать правду о нашем бывшем инспекторе Ульянове, представляющем редкое, исключ(ительное) явление между инспекторами. Это старый студент, сохранившийся таким, каким сидел на студенческой скамье, до настоящ(его) времени, это одна из личностей, которых когда-то так мастерски изображал Тургенев — это студент в лучшем смысле этого слова.

В. Н. Назарьев — М. М. Стасюлевичу, 10 марта 1876 года. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», том III. П., 1912, стр. 697.

Следя за новыми течениями педагогической мысли, Илья Николаевич внимательно просматривал и прочитывал педагогическую литературу, заполняющую столы и шкаф его кабинета. Но наряду с этой литературой на столе кабинета посетитель видит либеральный журнал «Вестник Европы»² и газету «Русские ведомости»³, а также журналы: «Современник»⁴ и «Отечественные записки»⁵.

¹ Имеется в виду статья В. Н. Назарьева «Современная глушь», опубликованная в 1876 году в мартовской и майской книгах «Вестника Европы».

² «Вестник Европы» — ежемесячный «исторический, политический, литературный» журнал буржуазно-либерального направления. Издавался в Петербурге в 1866—1918 годах.

³ «Русские ведомости» (1863—1918) — газета либеральных помещиков и буржуазии. С 70-х годов отстаивала необходимость реформ, которые должны были превратить Россию в конституционную монархию.

⁴ «Современник» — основанный А. С. Пушкиным литературный, впоследствии литературно-политический журнал; выходил в Петербурге в 1836—1866 годах. В 1847 году, когда «Современник» начали издавать Н. А. Некрасов и И. И. Панаев, идейным руководителем его был В. Г. Белинский. При участии Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова «Современник» стал органом революционной демократии.

⁵ «Отечественные записки» — «учено-литературный и политический» журнал, издававшийся ежемесячно в Петербурге с 1839 года. В 1839—1846 годах во главе критико-библиографического отдела стоял В. Г. Белинский. В 50—60-е годы был органом либерального направления. С 1868 года в новую редакцию вошли Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, а после смерти Некрасова — Н. К. Михайловский. В 1884 году закрыт царским правительством.

Эти журналы русского народничества живо откликнулись на общественные вопросы текущего момента...

Из «Путеводителя по Дому-музею В. И. Ленина в г. Ульяновске». Под редакцией А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.—Л., 1931, стр. 14—15.

Чтобы понять до конца, кем был Илья Николаевич, надо прочитать «Современник», вышедший под редакцией Некрасова и Панаева, где сотрудничали Белинский, Чернышевский, Добролюбов. И старшая сестра Владимира Ильича — Анна Ильинична — и сам Владимир Ильич вспоминали, как любил Илья Николаевич стихи Некрасова.

Н. К. Крупская. Детство и ранняя юность Ильича. «Большевик», 1938, № 12, стр. 64.

(И. Н. Ульянов) во время беседы увидел на столе книгу, которую советовал класть дальше, чтобы посетители не видели ее... Между прочим спросил, веду ли я с кем-нибудь переписку. В это время учился в Петербурге (мой) племянник, с которым (я) имел переписку. Илья Николаевич сказал, чтобы в письмах ничего лишнего не писать, так как письма на почте распечатываются.

Воспоминания учителя В. Ф. Кашкарова. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

Лично ко мне Илья Николаевич относился всегда доброжелательно. Так, однажды на меня ему донесли, что я в городской библиотеке беру книги для чтения и выписываю журнал крайне левого направления. Илья Николаевич не придавал этому значения, лишь между прочим сказал мне, что если бы я посоветовался с ним, то он порекомендовал бы мне выписать журнал более умеренного направления.

В. А. Калашников. Домашний учитель Ильича. «Огонек», 1926, № 7, стр. 6.

Илья Николаевич родился, вырос и умер в недрах старого строя, сохранившего до его кончины свою внешнюю непоколебимость и требовавшего от каждого общественного работника — а от педагога-директора народных училищ тем более — не только внешней покорности и безусловного подчинения в общественной работе догматам пресловутого триединства — православия, самодержавия и народности, но и соответственной настроенности даже в своей личной жизни. Малейшее отклонение от этих официальных догматов было равносильно немедленному отстранению от любого общественного дела и от работы, если же данное лицо находилось па государственной службе, то и утрате права на всякую общественную работу вообще. Нужна была поистине мудрость для того, чтобы Илья Николаевич, демократ по происхождению, вкусам, убеждениям, простой и деликатный человек в обиходе, хотя он и носил генеральский чин (будучи «его превосходительством», он не имел в себе ничего «генеральского» в старом царском смысле), мог проработать как педагог в течение тридцати лет. Положение директора народных училищ открывало ему большие возможности влиять на постановку образования выбором своих помощников — инспекторов, подбором учителей, строительством зданий, энергичной ревизией школ, разбросанных на расстоянии 500 километров с севера на юг... Занимая положение директора, Илья Николаевич оказывал всяческую поддержку И(вану) Я(ковлевичу) (Яковлеву. — А. И.)¹ как единомышленник его по демократической настроенности, по любви к народу и к педагогическому делу. И(ван) Я(ковлевич) был почти на 15 лет моложе Ильи Николаевича², который, естественно, сделался его советником и союзником в «губернии», т. е. в училищных советах, происходив-

¹ Об И. Я. Яковлеве см. именной указатель цитируемых авторов. Благодаря самоотверженному труду окружного инспектора чувашских школ И. Я. Яковлева к 1917 году в Поволжье насчитывалось 1200 начальных и 20 двухклассных чувашских училищ, в которых преподавало 1800 учителей. Впоследствии судьбой Яковлева интересовался В. И. Ленин. «Меня интересует, — телеграфировал он 20 апреля 1918 года председателю Симбирского Совета, — судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гошений от царизма. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни» (Ленинский сборник, XXI, стр. 264).

² И. Я. Яковлев был моложе Ильи Николаевича на 17 лет.

ших обязательно под председательством местного губернского или уездного предводителя дворянства, в земских собраниях, где опять-таки председательствовал неизменно все тот же губернский или уездный предводитель дворянства. На ту же пирамиду власти, в последнем счете возглавляемую губернатором, попечителем учебного округа и даже местным архиереем, приходилось наталкиваться буквально на каждом шагу. Враждебное или даже недоброжелательное отношение со стороны одной из этих инстанций не только повлекло бы за собой враждебное отношение остальных, но и подорвало бы вообще всю работу. Пожалуйся, например, предводитель дворянства на учителя, даже на инспектора или директора учебного заведения (случай нередкий) — и неугодного работника почти немедленно снимали с места. Понятно, каким драгоценным союзником сделался для молодого инспектора чувашских школ Илья Николаевич...

А. И. Яковлев. Иван Яковлевич Яковлев. 1848—1930, изд. 2. Чебоксары, 1958, стр. 42—44.

В своей деятельности, как директор народных училищ, Илья Николаевич особое внимание обращал на то, чтобы вооружить знаниями многочисленных «иностранцев», как тогда их называли, населявших Симбирскую губернию¹.

Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1960, стр. 26.

¹ И. Н. Ульянов много сделал для просвещения нерусских национальностей. Он разработал план создания нерусских училищ, подготовил для них необходимую материальную базу, заботился о снабжении этих училищ учебниками и учебными пособиями, готовил кадры учителей, способных вести обучение по наиболее прогрессивным методам, принятым в русских школах.

Благодаря энергичной деятельности И. Н. Ульянова и представителей культурного движения чувашского народа, среди которых наиболее выдающимся был И. Я. Яковлев, в Симбирской губернии стало быстро расти число чувашских школ. Значительных успехов достигла симбирская центральная чувашская школа, которая превратилась в главный очаг просвещения чувашского народа. Количество учащихся в 38 чувашских школах при И. Н. Ульянове возросло почти в два раза.

Большой вклад внес И. Н. Ульянов также в дело просвещения мордовского населения. Он проделал значительную работу по

Наша (чувашская.— *А. И.*) школа существо самое слабое и хилое, зависимое от всех и нуждающееся в действии всех, от последнего крестьянина до волостных властей, которые своим неуместным вмешательством нередко парализуют ее слабый рост. Прибавьте к сему неисправность посещения учащимися школы вследствие бедности и невежества родителей, крайне ничтожную домашнюю подготовку учащихся, непродолжительность учебного времени в году, равняющегося с небольшим полугоду, и вы поймете, как трудно добиться хороших результатов в чувашских школах, где учитель прежде всего должен заботиться не об исправности чтения и письма, но главным образом об извлечении чувашских детей из полудикого состояния, о возбуждении в них хотя малейшего нравственного сознания, на почве которого делается впер- вые возможным плодотворное школьное учение.

А. И. Баратынский. О состоянии народного образования в Буинском уезде. «Симбирские губернские ведомости», 1870, 5 декабря.

Созвали сельский сход. В общественной караулке, где происходил сход, за столом, рядом с сельским старостой Трофимом Карповичем, сидел человек с широкой лысиной и светлыми пуговицами на одежде. Он приветливо улыбался и приглашал стариков сесть. Это был, как объявил сельский староста, инспектор народных училищ Илья Николаевич Ульянов. Он говорил о народном просвещении, о школе, о чувашах, которые сплошь были неграмотны и темны. Он говорил, что детей надо учить грамоте, для этого надо открыть школу. Он объявил, что на открытие школы в этом селе (Ходарах.— *А. И.*) есть разрешение министерства, говорил он мягко, душепроницательно. Его речь очень понравилась крестьянам, они согласились открыть школу, но не было помещения для школы. Школу в первое время открыли в сборной избе¹. Наш первый

вовлечению мордовских детей в начальные школы и по подготовке учителей, знающих русский и мордовский языки. В результате количество учащихся этой национальности, посещавших 42 мордовские и некоторые русские начальные школы, также увеличилось почти в три раза.

¹ О предоставлении школе помещения состоялся нижеследующий «приговор» сельского общества: «1871 года марта 3-го дня мы,

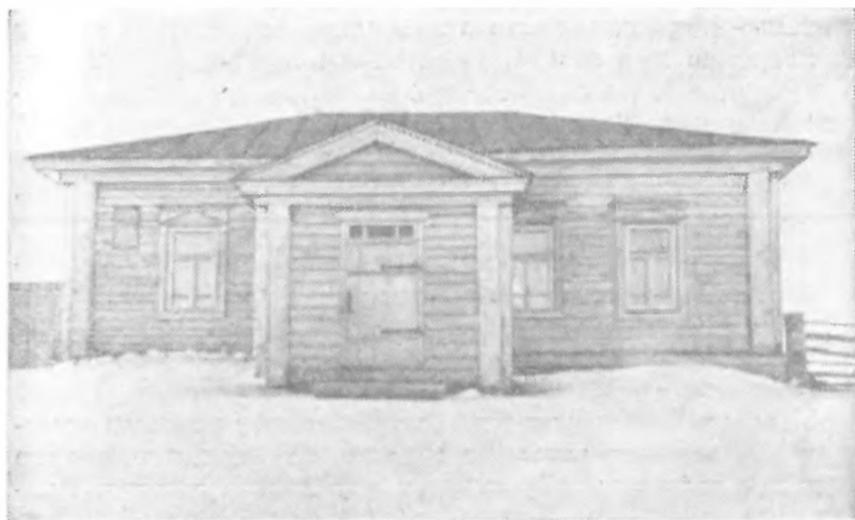
учитель — Александр Рождественский тоже поместился на квартире при школе. Крестьяне попросили Илью Николаевича оказать содействие в исходатайствовании строевого леса для школьного здания. Ульянов согласился. Позднее выяснилось, что Илья Николаевич лично ездил в Сурское лесничество (20 километров от села Ходар)¹.

Воспоминания *Е. Е. Нагаева*. Цит. по диссертации М. П. Макарова «Илья Николаевич Ульянов и просвещение чуваш». М., 1955, стр. 74. Машинопись.

Учитель Рождественский, окончивший духовную семинарию, ведет дело обучения с умением и усердием, вполне сознавая важность обязанности народного учителя. Знание чувашского языка много облегчает труд по обучению

нижеподписавшиеся Курмышского уезда, Атаевской волости, 25-го сельского общества села Ходар, дер(евень) Шор-Кассов и Пилеш-Кассов, бывшие удельные крестьяне, а ныне собственники, будучи на полном мирском сходе, по выслушивании объявленного нам волостным старшиной Спиридоновым отношения господина инспектора народных училищ Симбирской губернии (И. Н. Ульянова.— *А. И.*), последовавшего к г. мировому посреднику 1-го участка Курмышского уезда, от 26 января за № 17, составили приговор сей в том, что до наступления зимы нынешнего 1871 года для учрежденного в нашем селе Ходарах начального народного училища для инородцев мы согласны отвести бесплатное помещение в состоящем при селе Ходарах общественном доме под названием сборной избы так, чтобы и отопление этой избы было от нашего общества, каковая изба имеет удобства и для квартирования в ней учителя, тогда как отдаваемая для училища комната в этой избе довольно поместительна. В чем и подписываемся...» (Государственный архив Чувашской АССР). Этот «приговор» — один из многих аналогичных документов, дающих представление о работе, проводимой Ильей Николаевичем в сельских обществах по вопросу об открытии и содержании народных школ.

¹ И. Н. Ульянов составил смету на постройку здания для училища в селе Ходарах, после длительных хлопот добился ассигнования необходимых средств министерством народного просвещения и Курмышским уездным училищным советом, руководил строительством. Это здание, построенное Ильей Николаевичем, сохранилось до сих пор. Указом Президиума Верховного Совета Чувашской АССР Ходаровской средней школе, Шумерлинского района, присвоено имя ее основателя И. Н. Ульянова. На здании школы установлена мемориальная доска. Следует добавить, что это не единственное сохранившееся школьное здание, построенное при непосредственном участии Ильи Николаевича.

Школьное здание в селе Ходары, Курмынского уезда, построенное под руководством И. П. Ульянова в 1873 году.

чувашских детей. Между наставником и учениками существуют весьма хорошие отношения: мальчики смотрят весело и бойко отвечают на вопросы. Учащиеся имеют некоторые первоначальные географические сведения, умеют начертить земной шар, читают громко и довольно правильно. На вопросы дают полные ответы. Чуваши читают порядочно по-русски. Учителем сделан опыт приучения детей писать под такт. Класа арифметики мальчики ждут с удовольствием: все принимают участие в умственном решении задач, относящихся к крестьянскому быту. В школе заведен классный журнал. Словом, организация училища весьма удовлетворительна.

И. П. Ульянов о своем посещении Ходаровского чувашского училища 17 декабря 1871 г. Ульяновский государственный архив.

В приезд мой 11 июня (1872 года.— А. И.) произведено мною годичное испытание учеников в присутствии священника и родителей учащихся чуваш. Хорошие от-

И. Н. Ульянов в Ходаровской сельской школе
(с картины худ. П. Сизова).

веты учеников на русском и чувашском языках, в особенности на последнем, производили на родителей весьма приятное впечатление.

И. П. Ульянов о своем посещении Ходаровского чувашского училища 11 июня 1872 г. Ульяновский государственный архив.

У меня лично с И(льей) Н(иколаевичем) образовались наилучшие отношения. Я охотно принимал его советы близко к сердцу, всегда глубоко убежденный в его доброжелательстве ко мне. Произошло это постепенно. Будучи еще на первом курсе педагогической подготовки, я случайно познакомился с общежитием чуваш, обучавшихся в уездном училище и на педагогических курсах. Идея культурного просвещения этих тогда весьма темных инородцев пришлась мне по душе, и я целый год добровольно, без всякого вознаграждения, ежедневно ходил к ним, помогая подготавливаться к урокам и обучая их пению. Их было человек пять-шесть, собранных их сородичем И. Я. Яковлевым, студентом Казанского университета.

Когда я окончил курс педагогической подготовки, И(ван) Я(ковлеви)ч задумал к осени того же года расширить это общежитие и при нем образовать чувашскую школу для детей школьного возраста. Он хотел поставить учителем какого-то малокультурного чувашенина, но дело это почему-то не удалось. Тогда он стал хлопотать о назначении туда меня, мальчика шестнадцати лет, тогда как ученики в числе двадцати человек были в возрасте от 8—10 до 20 лет.

Они должны были жить в общежитии и летом и зимой; здесь же и столоваться, для чего заведующим хозяйственной частью был назначен по выбору Ив(ана) Я(ковлевича) один из старших воспитанников чувашенин, а для приготовления пищи была нанята кухарка. Нелегко было пожилым, опытным в жизни земцам, от которых школа получала средства для своего существования, согласиться на мое назначение, но И(лья) Ник(олаевич), оказывается, зорко следил за моей добровольческой работой в этой школе и убедил училищный совет утвердить мое назначение.

В. А. Калашников («Юбилейный сборник», стр. 44).

В настоящее время в г. Симбирске образовалась чувашская школа из 13 мальчиков, из которых трое обучаются в педагогических классах при Симбирском уездном училище, пятеро в Симбирском уездном училище и пятеро дома.

Признавая весьма полезным и необходимым иметь для всех этих мальчиков особого учителя-руководителя и имея на это место окончившего курс в педагогических классах при Симбирском уездном училище Василия Калашникова, который месяца 4 занимается в этой школе, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство об исходатайствовании перед г. министром народного просвещения о назначении его с 1 октября сего (то есть 1871-го. — А. И.) года особым учителем-руководителем для чувашской школы в г. Симбирске с жалованьем из сумм м(инистерства) н(ародного) п(росвещения) в количестве 300 руб(лей) в год.

Считаю долгом присовокупить, что упомянутая школа под руководством Калашникова приобретает доверие как земства, так и крестьян из чуваш. Доверие это обнаруживается тем, что земство Буинского уезда дает содержание на троих чувашских мальчиков, земство Симбирского уезда, видя хорошие результаты обучения в школе, намерено последовать примеру Буинского, и некоторые из крестьян выражают желание отдать своих сыновей в упомянутую чувашскую школу, и при назначении особого учителя-руководителя можно ожидать, что число учеников в школе увеличится по крайней мере до 20, что при недостатке учителей для инородческих школ весьма важно, и подобное желание самих крестьян чуваш отдавать своих детей в обучение русской грамоте весьма знаменательно, тем более, что прежде не только в губернский город, но даже и в ближайшую сельскую школу они неохотно отдавали своих детей. Все это указывает на необходимость поддержать эту школу, возникающую вследствие местных потребностей.

И. Н. Ульянов — П. Д. Шестакову, 23 сентября 1871 года. См. Приложения к кн. Н. И. Алпатова «Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова». М.—Л., 1946, стр. 160—161.

Конечно, тогда (в Симбирской чувашской школе. — А. И.) восторжествовало «Родное слово» Ушинского и книги для чтения разных авторов того времени... Взамен пения молитв наслаждались пением про бабушкиного козлика... Симбирская школа была поставлена в зависимость от инспектора народных училищ (И. Н. Ульянова. —

А. И.), который уже требовал и от учителя Симбирской чувашской школы тех же результатов, как и от учителей городских приходских школ.

А. Рекеев. Мои воспоминания. Ульяновский государственный архив.

С И. Н. Ульяновым мы в очень хороших отношениях. Он — человек добрый и хороший, всегда готов оказать содействие там, где нужно, и это для нас весьма важно.

И. Я. Яковлев — Н. И. Ильминскому, 24 июня 1871 года. А. П. Яковлев. Иван Яковлевич Яковлев. 1848—1930, изд. 2. Чебоксары, 1958, стр. 33—34.

Обязан также ты своим избавлением (то есть освобождением от военной службы, на которую Алексей Рекеев, назначенный учителем чувашской школы, был незаконно призван в 1871 году¹.— А. И.) Илье Николаевичу, потому что он официально ходатайствовал об тебе перед попечителем (Казанского учебного округа.— А. И.).

И. Я. Яковлев — А. В. Рекееву, 13 мая 1872 года. Ульяновский государственный архив.

Сегодня отправляются будущие учителя в Казань, и я пишу Николаю Ивановичу Ильминскому² о том, что весьма полезно было бы поместить их в учительскую семинарию или если этого сделать нельзя, то по крайней мере подвергнуть их экзамену и выдать им свидетельства на звание учителей, на случай набора. Относительно ма-

¹ «Нашлись противники народного образования и крепостники до мозга костей,— писал А. В. Рекеев,— которые всячески старались закабалить меня в солдаты» (Ульяновский государственный архив).

² *Ильминский Николай Иванович (1822—1891)* — русский педагог консервативного направления, работавший по просвещению национальных меньшинств — татар, чувашей, мордвинов, удмуртов и других. В 1861 году стал профессором Казанского университета по кафедре турецко-татарского языка.

териального обеспечения я уверен, что Вы употребите всю свою энергию, чтобы устроить их получше. Квартиру для Симбирской школы следовало бы переменить, во-1-х, потому, что она сыра, во-2-х, потому, что тесна и является затруднение открыть сапожное мастерство, и, наконец, в-3-х, потому, что на наем квартиры теперь будет отпущаться 400 р (рублей).

Сырость квартиры, по моему мнению, имеет влияние на здоровье Калашникова, который до сих пор еще кашляет и вообще плохо поправляется. Я думал начать обучение сапожному мастерству теперь же, но трудно найти мастера, который был бы трезв. Сын кухарки, про которого Вы говорили, ненадежен: я слышал, что его прогнал хозяин.

Что касается до введения ремесла в Кошках (то есть в чувашской школе в селе Кошки — Ново-Тимбаево. — *А. И.*), то там еще больше затруднений, потому что хороший мастер-сапожник туда не поедет. Если бы Вам удалось приехать сюда к страстной неделе (то есть к понедельнику 2 апреля 1873 года. — *А. И.*), то, я уверен, Вы помогли бы мне относительно обучения ремесл.

И. Н. Ульянов — И. Я. Яковлеву, 22 февраля 1873 года. Симбирск¹. «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», выпуск 18. М., 1956, стр. 343.

В денежном отношении Симбирская чувашская и Кошкинская школы обеспечены хорошо²; но, во-1-х, здоровье

¹ Это и следующее за ним письмо И. Н. Ульянова И. Я. Яковлеву в 1955 году принесены в дар отделу рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина семьей Яковлевых. В «Записках отдела рукописей» они опубликованы с примечаниями внуки И. Я. Яковлева — О. А. Яковлевой.

² «Вообще с казенными деньгами очень много хлопот, — писал впоследствии И. Я. Яковлев Н. И. Ильминскому, — получение их сопряжено с большими трудностями. Илье Николаевичу Ульянову и мне уже пришлось ошутительно испытать, что значит получать из казначейства деньги. Тут такое буквоедство и формализм, что и представить себе трудно. Из всего этого невольно выносишь убеждение, что и самый контроль существует только для того, чтобы стеснять и замедлять ход дела» (см. кн. «Иван Яковлевич Яковлев. 1848—1930». Под ред. проф. Ф. Н. Петрова. Чебоксары, 1948, стр. 33).

Калашникова меня сильно беспокоит, во-2-х, связанный контрактом с Поникаровым¹, я не могу теперь переменить квартиру, чего мне очень хотелось бы; в-3-х, думаю в Кошки назначить Клементия², но что делать с Игнатием Ивановым? Решительно не знаю. По Вашему мнению, заведение ремесл можно отложить до лета, а я желал бы ввести как можно скорее. Будучи раз в Симб(ирской) школе великим постом, я посылая за сапожником (сыном кухарки), но он до пасхи решительно отказался по той причине, что пред хозяином ему было бы неловко. Вообще, для меня было бы весьма полезно Ваше присутствие в Симбирске, но, имея в виду экзамены (которые сдавал весной 1873 года И. Я. Яковлев в качестве студента Казанского университета.— А. И.), нужно покориться обстоятельствам и ждать их конца. Я полагал бы, что Вам можно тотчас же по сдаче экзаменов ехать сюда (то есть в Симбирск.— А. И.). Постройка в Кошках (школьного здания.— А. И.) еще не началась, но вторые 75 р(ублей) Игнатий Иванов уже получил. Постройка в Ходарах началась, но мне не легко отделяваться от Конторальной палаты. Для построек же домов в д(еревнях) Атяшкине и в Усолье и Печерском необходимо составить техническую смету в Губ(ернском) правлении, о чем я и хлопочу в настоящее время. Два раза делал торги³, и ни разу они не состоялись. Не знаю, как удастся мне покончить это дело.

И. Н. Ульянов — И. Я. Яковлеву, 5 апреля 1873 года. Симбирск. «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», выпуск 18. М., 1956, стр. 345.

Разумеется, работа Симбирской (чувашской.— А. И.) школы была не только под строгим контролем своего прямого учебного и общегубернского начальства, но она была и под особым надзором и органов политической опеки

¹ 1 июля 1872 года И. Н. Ульянов арендовал на один год у жителя Симбирска Н. Поникарова верхний этаж его дома на Ново-Казанской улице для Симбирской чувашской школы.

² Фамилию Клементия установить не удалось.

³ На торгах должны были конкурировать подрядчики, предлагающие свои услуги для постройки школьных зданий.

(жандармов, прокуратуры и т. д.). Не могло быть и речи о каких бы то ни было политических выступлениях против самодержавного строя; за малейший намек в этом направлении Симбирская школа была бы мгновенно уничтожена, как случилось с закрытой и разгромленной по пустяковому поводу Самарской учительской семинарией. Союзником и покровителем И(вана) Я(ковлевича) (Яковлева.— А. И.) в его работе был по-прежнему учитель его студенческих лет Н. И. Ильминский и тогдашний сначала инспектор, потом директор народных училищ Симбирской губернии Илья Николаевич Ульянов, близко интересовавшийся жизнью и бытом недалеко от его дома расположенной чувашской школы и неизменно поддерживавший ее в губернских учреждениях своим влиянием...

Понятно, каким драгоценным союзником сделался для молодого инспектора чувашских школ (И. Я. Яковлева.— А. И.) Илья Николаевич, часто посещавший и один и с сыновьями Владимиром, Александром и Дмитрием чувашскую школу, сй симпатизировавший, защищавший ее от наветов и клеветы, которые незамедлительно дали себя почувствовать разговорами врагов просвещения так называемых «инородцев» о политическом сепаратизме, скрытом под видом педагогики. Не прояви Илья Николаевич активного интереса к чувашской школе, не будь он готов отразить всякую враждебную атаку на нее в «губернии» доказательствами, им почерпнутыми из непосредственного знакомства с чувашской школой в Симбирске (ныне Ульяновске) или из наблюдений над обозревавшимися им в качестве директора чувашскими школами в деревнях, как сплетня или клевета могли отравить и даже убить начинавшую жить молодую школу, первенец чувашской культуры и первую опорную точку ее... Вот почему имя Ильи Николаевича и его высококультурной семьи было окружено и в чувашской школе и в личном семейном кругу И(вана) Я(ковлевича) любовью и уважением: Илья Николаевич был советником, защитником, порой и руководителем в трудные дни жизни чувашской школы, а недостатка в этих трудных днях никогда, конечно, не было.

Симпатии родителей, Ильи Николаевича и Марьи Александровны, воспринимались и их детьми: нередким посетителем школы был Александр Ильич, а Владимир Ильич, когда в школе появился молодой чувашенин Николай Михайлович Охотников, очень одаренный математик,

предназначенный И(ваном) Я(ковлевичем) для поступления в университет, взялся приготовить его к самому трудному предстоящему экзамену на аттестат зрелости по греческому и латинскому языкам...

Особенно важна была роль И. Н. Ульянова в служебных отзывах о своем молодом товарище по работе (И. Я. Яковлеве.— *А. И.*) перед начальством учебного округа, непрерывно проверявшим через директоров и инспекторов благонадежность нового должностного лица крестьянского происхождения, целиком отдавшегося работе над просвещением своего темного народа... Понятно, что, не защищай Илья Николаевич И(вана) Я(ковлевича) во всех инстанциях, и «губернии» и «округе» (как называлось педагогическое начальство, имевшее резиденцию в Казани), существование Симбирской школы не продлилось бы и двух десятилетий¹.

А. И. Яковлев. Иван Яковлевич Яковлев. 1848—1930, изд. 2. Чебоксары, 1958, стр. 41, 44, 45.

Иван Яковлевич (Зайцев.— *А. И.*) — сын батрака. С 8 до 13 лет пас гусей. Страстно хотелось ему учиться, и он бежал потихоньку от отца из дома, чтобы поступить в школу. Два дня пробирался до Симбирска и хотя опоздал к началу занятий, но все же поступил в школу (чувашскую.— *А. И.*) благодаря Илье Николаевичу Ульянову, который пожалел мальчонку. Иван Яковлевич Зайцев рассказывает, как однажды, в первый год его пребывания в школе, на урок арифметики пришел Илья Николаевич Ульянов. Илья Николаевич вызвал его к доске; Зайцев хорошо решил и объяснил задачу. Илья Николаевич сказал: «Хорошо, иди на место!»

«После обеда,— рассказывает в своем письме (к Н. К. Крупской.— *А. И.*) Иван Яковлевич,— ученикам была дана самостоятельная письменная работа — сочинение. Учитель задал тему «Впечатление сегодняшнего дня». При этом он объявил, что мы можем писать о любом слу-

¹ Основанная И. Н. Ульяновым и И. Я. Яковлевым Симбирская чувашская школа, просуществовав полвека, была преобразована в Чувашскую учительскую семинарию. В 1920 году на ее основе был создан Чувашский педагогический институт.

чае из своей школьной жизни, который сами считаем особенно важным. Одним словом, о чем угодно.

Все ученики на несколько минут призадумались, подыскивая подходящую тему. Некоторые вспомнили довольно смешные случаи из школьной жизни, а другие старались выдумывать из головы. Мне не пришлось долго искать тему, так как у меня не выходило из головы посещение урока математики директором Ильей Николаевичем и его объяснение плана решения задачи. Я и решил писать об этом.

Я написал: «Сегодня, в 9 часов утра, во время урока математики, пришел к нам г. директор, Илья Николаевич. Вызвали меня к классной доске и задали задачу, в которой несколько раз повторялось слово «гривенник». Я записал задачу, прочитал ее и стал планировать ход решения. Г. директор, Илья Николаевич, задал мне наводящие вопросы, и тут я заметил, что Илья Николаевич чуточку картавил и слово «гривенник» выговаривал «ггивенник». Это врезалось мне в голову и заставило думать: «Я ученик, и то умею правильно произносить звук «р», а он директор, такой большой и ученый человек, не умеет произносить звук «р», а говорит «гг»».

Далее я писал о кое-какой мелочи и на этом кончил сочинение. Дежурный собрал тетради и сдал учителю В. А. Калашникову.

Через два дня, после обеда, на уроке должно было быть изложение прочитанной статьи. Нам роздали наши тетради. Все бросились смотреть отметки...

Учитель Калашников умышленно оставил мою тетрадь у себя. Потом, швырнув мне тетрадь в лицо, с возмущением сказал: «Свинья!»

Я взял тетрадь, раскрыл ее и увидел, что мое сочинение перечеркнуто красным крестом, а в конце его стоит отметка «0» — ноль. Потом подпись. Я чуть не заплакал. Слезы выступили из глаз...

Во время письменной работы в класс вошел Илья Николаевич. Поздоровались и продолжали работу. Илья Николаевич ходил между партами, кое-где останавливался, наблюдая за работой. Дошел до меня. Увидел на моем прошлом сочинении красный крест и отметку ноль, положил одну руку мне на плечо, другой взял мою тетрадь, стал читать. Читает и улыбается. Потом подозвал учителя, спросил: «За что Вы, Василий Андреевич, награ-

дили этого мальчика орденом красного креста и крупнейшей картошкой? Сочинение написано грамматически правильно, последовательно, и нет здесь ничего выдуманного, искусственного. Главное — *написано искренно* и вполне соответствует данной Вами теме».

Учитель замаялся, сказал, что в моем сочинении есть места, не совсем удобные для начальствующих, что будто оп... Директор И. Н. Ульянов, не дав ему договорить, перебил его и сказал: «Это сочинение — одно из лучших. Читайте заданную Вами тему: «Впечатление сегодняшнего дня». Ученик написал именно то, что произвело на него наибольшее впечатление во время прошлого урока. Сочинение отличное». Потом он взял мою ручку и в конце сочинения написал: «Отлично» — и подписался: «Ульянов».

Этот случай я никогда не забуду: его нельзя забыть. Илья Николаевич доказал, насколько он был добр, прост, справедлив¹.

И. Я. Зайцев в передаче Н. К. Крупской.
«Воспоминания родных о В. И. Ленине».
М., 1955, стр. 175—178.

Здесь (то есть в Симбирской чувашской школе — А. И.) я проработал три года... Неимение свободного времени не давало мне возможности подготовиться к экзамену экстерном за курс классической гимназии... У меня явилась мысль перевестись в село, где я буду иметь больше свободного времени. Об этом я сказал И(лье) Н(иколаевичу), он не хотел и слышать об этом, считая меня незаменимым в чувашской школе до окончания университета Ив(аном) Як(овлевичем) (Яковлевым. — А. И.). Но когда я указал на товарища — заместителя и откровенно высказал И(лье) Н(иколаевичу), что вследствие своей болезненности и раздражительности я становлюсь вредным для самого дела²,

¹ В статье «Из воспоминаний» («Начальная школа», 1937, № 11, стр. 34) Н. К. Крупская, приводя письмо И. Я. Зайцева, в заключение пишет: «Это письмо старого учителя прекрасно обрисовывает личность Ильи Николаевича, его влияние на Ильича».

² В статье «Домашний учитель Ильича» В. А. Калашников писал: «Будучи учителем чувашской школы, я страшно простудился (см. об этом письма Ильи Николаевича И. Я. Яковлеву на 133 и 134 стр. наст. издания. — А. И.) да еще переутомился от работы в школе, так как работа с каждым годом расширялась. Я не имел отдыха ни в праздники, ни в каникулярное время, т(ак)

он решил перевести меня во вновь открываемое образцовое училище в селе (Усолье.— *А. И.*), где было имение одного из богатейших помещиков старой России, графа О(рлова)-Д(авыдова).

Дорога была дальняя: несколько станций пароходом по Волге, а потом лошадьми верст сорок. И(лья) Н(иколаевич) повез меня на открытие училища и для личного представления графу. Помню, как вечерней порой сидел я одиноко на палубе парохода, погруженный в свои певеселые думы. Вдруг предстал предо мной И(лья) Н(иколаевич), одетый в черное пальто, с черной широкополой шляпой на голове. Он стал мне рассказывать, как в молодости студентом любил путешествовать. На лице его играла светлая улыбка, глаза блестели, вся фигура выражала собой движение вперед и подъем духа. Я, кажется, вместе с ним зажил студенческой жизнью...

Всю дорогу на лошадях И(лья) Н(иколаевич) беседовал со мной; он обращал мое внимание на обширность и богатство имений графа, попечителя нового училища, но это меня мало интересовало.

Открытие образцового училища было великой радостью И(льи) Н(иколаевича) — он бывал счастлив, когда после страшных хлопот и забот удавалось ему, наконец, поставить светлый фонарь народного просвещения в каком-нибудь пункте одного из темных углов народного невежества. С одной стороны, крестьяне, по бедности и невежеству, не давали денег, с другой, помещики, еще недавно крепостники, не сочувствовали открытию новых разумных школ, подозревая их в политической неблагонадежности. И(лье) Н(иколаевичу), разумеется, нужно было иметь много такта, терпения и неустанных трудов, чтобы заставить одних раскошелиться, других убедить не бояться просвещения, а больше всего бояться невежества масс... И когда это ему удавалось, он торжествовал победу и считал себя вполне вознагражденным за все свои труды...

В. А. Калашников («Юбилейный сборник», стр. 44, 45).

1-го октября (1874 года.— *А. И.*) директором народных училищ Симбирской губернии (И. Н. Ульяновым.— *А. И.*)

к(ак) многие воспитанники жили в школе круглый год. У меня болела грудь, и я попросил Илью Николаевича перевести меня учителем в село» («Огонек», 1926, № 7, стр. 6).

в присутствии графа Анатолия Владимировича Орлова-Давыдова и при значительном стечении крестьян открыто Усольское одноклассное начальное народное училище ведомства министерства народного просвещения...

Директором народных училищ разъяснены были обществу те основания, на которых существуют сельские училища министерства народного просвещения, и по объявлении Усольского училища открытым выражена благодарность его сиятельству графу Владимиру Петровичу Орлову-Давыдову за его пожертвование, без которого нельзя было и приступить к постройке училищного дома по недостатку средств, и всем лицам, которые наблюдали за постройкой здания.

Для помещения училища выстроен на средства министерства народного просвещения с пособием от графа Орлова-Давыдова весьма удобный училищный дом, состоящий: 1) из просторного, светлого и высокого класса, в котором может поместиться до 70 учеников, 2) комнаты для библиотеки и ученических принадлежностей и 3) трех небольших комнат для помещения учителя.

В училище поступили 22 мальчика, но это число с каждым днем начинает увеличиваться и, вероятно, в скором времени утроится.

В почетные попечители Усольского училища приглашены директором их сиятельства Владимир Петрович и Анатолий Владимирович Орловы-Давыдовы, из которых последний, присутствовавший при открытии училища, выразил желание приобрести для школы книги и учебные пособия.

Преподавание закона божия в этом училище принял на себя местный протоиерей о. Преображенский, который более 40 лет трудится на поприще народного образования, а учителем определен бывший преподаватель Симбирской чувашской школы Василий Калашников, который более 3-х лет с успехом исполнял учительскую обязанность¹.

«Открытие в с. Усолье, Сызранского уезда, одноклассного училища ведомства министерства народного просвещения». «Симбирские губернские ведомости», 1874, 12 октября.

¹ Глубже познакомившись в качестве сельского учителя с жизнью крестьян, В. А. Калашников написал поэму-памфлет «Больные», в которой с гневом обрушился на всех тех, кто угне-

Увеличение числа подготовленных учителей с новым выпуском воспитанников из педагогических классов, учительские съезды, имеющие целью наглядное ознакомление преподавателей с лучшими методами обучения предметам курса начальных народных училищ, снабжение школ книгами и учебными пособиями, более обеспеченное содержание учителей посредством увеличения некоторым из них окладов жалованья со стороны земства, улучшения помещений и вообще обстановки училищ благодаря деятельности и сочувствию некоторых мировых посредников и членов училищных советов и, наконец, усердие и любовь к делу некоторых преподавателей — все это вместе оказало значительное влияние на улучшение школ во всех отношениях.

И. И. Ульянов. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1872 год. Казань, 1873, стр. 35.

С начала 1870-х годов школьное дело (в Симбирской губернии. — *А. И.*) значительно подвигается вперед. Земства начали увеличивать отпуск сумм на народное образование. Училищные советы становятся деятельнее, и деятельность эта направляется главным образом на открытие новых, по преимуществу волостных училищ, которые основывались

тает трудовой народ. Об этой поэме можно судить по следующим строкам, обращенным к духовенству:

Попы! Вы нарочно
Во страхе ужасном
Сих держите малых,
За труд неразумный
Им рай обещая
И адскою мукой
За леность страшая,
Чтоб страхом сим детским,
Чтоб этим обманом
Держать их во власти
И сделать рабами
Их телом и духом
Насильников алчных.

Василий Калашников послал свою поэму другому учителю — «ульяновцу» Андрею Кабанову с тем, чтобы он показал ее еще одному воспитаннику педагогических курсов — Николаю Лукьянову (см. кн. Т. Д. Корнейчика «Жизнь, отданная народу». Ульяновск, 1961, стр. 54).

на волостные сборы с доплатой от земства. Приняты были меры к замещению учительских должностей лицами более подготовленными к этим занятиям; устроено было несколько учительских съездов с целью ознакомить учителей с новыми усовершенствованными методами преподавания; школы стали снабжаться хорошими руководствами. Нельзя при этом не вспомнить с благодарностью о неутомимой деятельности бывшего инспектора, а нынешнего директора народных училищ нашей губернии уважаемого И. Н. Ульянова. Благодаря его стараниям и энергии учреждались новые школы, открывались учительские съезды. Своим влиянием и примером он привлекал к делу народного образования людей, относившихся прежде к этому делу безучастно.

А. Пазухин. Заметка по народному образованию. «Симбирская земская газета», 1876, 14 ноября.

ДИРЕКТОР НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

25-го декабря 1873 г. Александр II в рескрипте на имя министра народного просвещения выражает опасение, что народная школа *при недостатке попечительного наблюдения* может быть обращена *«в орудие нравственного рас-тления народа, к чему уже и обнаружены некоторые попытки»*, и повелевает предводителям дворянства способствовать ближайшим своим участием обеспечению нравственного влияния этих школ¹. Затем в 1874 г. выходит новое Положение о народных училищах, отдающее всю силу заведования школами в руки директоров народных училищ².

В. И. Ленин. Гонители земства и аннибалы либерализма. Соч., изд. 5, т. 5, стр. 38.

¹ В связи с этим губернские и уездные предводители дворянства стали председательствовать в губернских и уездных училищных советах. В. Назарьев пишет, что «Н. А. Языков, можно с уверенностью сказать, единственный из числа бывших председателей уездного училищного совета, придававший серьезное значение своей обязанности, должен был уступить свое место уездному предводителю дворянства, считавшему народные школы какой-то игрушкой, в которую пора уже перестать играть» («Вестник Европы», 1898, кн. 4, стр. 707—708).

² Все эти мероприятия царского правительства имели целью усилить государственный контроль за народным образованием и ослабить влияние земства. На должности директоров народных училищ подбирались наиболее политически «благонадежные» и религиозно настроенные чиновники. Конечно, И. Н. Ульянов не был таким чиновником.

От директора Симбирской губернской гимназии (И. В. Вишневого. — *А. И.*) объявляется, что на основании Высочайше утвержденного 25 мая (6 июня) (1874 года. — *А. И.*) мнения Государственного Совета о преобразовании народных училищ управление всеми училищами Симбирской дирекции передано с 1 июля (1874 года. — *А. И.*) г. инспектору народных училищ (И. Н. Ульянову. — *А. И.*)¹, а потому покорнейше просит все присутственные места и начальствующие лица с требованиями по делам, касающимся училищ, обращаться к г. инспектору народных училищ Симбирской губернии, впрямь до определения директора.

«Казенные объявления». «Симбирские губернские ведомости», 1874, 16 июля.

Г. Управляющий министерством народного просвещения, товарищ министра, назначил с 11 минувшего июля (1874 года. — *А. И.*) статского советника *Ульянова* директором народных училищ Симбирской губернии.

«Перемены по службе чиновников Симбирской губернии». «Симбирские губернские ведомости», 1874, 24 августа.

С учреждением в 1874 году должности директора народных училищ И. Н. Ульянов занял эту должность, требовавшую более продолжительного пребывания в городе и утомительнейшей канцелярской работы².

В. Пазарьев. Вешние восходы. Из воспоминаний, встреч и переписки 70-х годов. «Вестник Европы», 1898, кн. 4, стр. 707.

¹ До этого училища Симбирской губернии были подчинены директору классической гимназии Ивану Васильевичу Вишневскому, которому И. Я. Яковлев дал такую характеристику: «Грубый, малокультурный, пристрастный директор, за взятки выгнан со службы» (см. кн. Т. Д. Корнейчика «Жизнь, отданная народу». Ульяновск, 1961, стр. 42).

² Объем этой работы быстро увеличивался. Составленный И. Н. Ульяновым журнал входящих дел показывает, что в 1869 году их было 25, в 1870 году — 239, в 1871 году — 337, в 1872 году — 499, в 1873 году — 447, в 1874 году при образовании дирекции — 1141 дело.

Живя в губернском городе, директор, естественно, должен иметь в своем ближайшем заведовании все находящиеся в этом городе училища и на них показывать инспекторам образец того, как должна быть поставлена вообще народная школа в данной губернии. Эта мера по возможности уже применялась и применяется во вверенной мне дирекции. В г. Симбирске в настоящее время имеется 26 училищ: в том числе 1 городское 3-классное, 1 женское 2-классное, 7 мужских и 6 женских приходских с параллельными отделениями при 9 училищах, 4 частных училища 3-го разряда и 7 частных училищ для первоначального обучения. Эти школы до сего времени состояли и теперь состоят в моем ближайшем и непосредственном ведении.

И. Н. Ульянов — попечителю Казанского учебного округа. См. Приложения к кн. Н. И. Алпатова «Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова». М.—Л., 1946, стр. 152.

6-го января (1875 года. — *А. И.*), в 1 час дня... в присутствии директора народных училищ И. Н. Ульянова, уездного предводителя дворянства И. А. Белякова, городского головы В. А. Чебоксарова, члена уездного училищного совета А. И. Алатырцева и многих жителей слободы *Канавы* открыты в слободе 2 городских начальных народных училища: мужское и женское. Для помещения училищ выстроен на счет города прекрасный дом, в котором имеются квартиры для учителя и учительницы.

Открывая училища, г. директор обратился к собравшемуся обществу с следующими словами: «Давно ощущался недостаток в элементарных учебных заведениях для обучения мальчиков и девочек в трех слободах за Волгой, приписанных к г. Симбирску. Давно здешнее общество ходатайствовало об открытии здесь училищ. В настоящее время благодаря заботам симбирского городского общества 2 приходских училища — мужское и женское — открываются в здешней местности и таким образом дается возможность детям здешних жителей получить начальное образование, дающее с введением всеобщей воинской повинности право на сокращение службы на 2 года.

Поздравляя здешнее общество с открытием училищ, я

считаю первым долгом принести искреннюю благодарность симбирскому городскому обществу, которое не жалеет средств на дело народного образования и создает себе лучший памятник для потомства.

С своей стороны я могу выразить надежду, что вновь открываемые учебные заведения в недалеком будущем займут место в ряду лучших училищ Симбирской губернии. Надежду свою я основываю на выборе учителя и учительницы, которые могут поставить училище в разряд лучших¹.

Объявляю Канавинские приходские училища — мужское и женское — открытыми».

И. Ульянов. Открытие мужского и женского приходских училищ в слободе Канаве. «Симбирские губернские ведомости», 1875, 11 января.

Вследствие отношения Сенгилеевской управы имею честь сообщить следующие сведения для доклада XII очередному земскому собранию.

В течение 1875/76 учебного года мною обревизованы все училища в городе (Сенгилее. — *А. И.*), а инспектором народных училищ (*А. Александровым.* — *А. И.*) в селах...

Найденные в училищах недостатки зависят главным образом от скудного содержания школ, вследствие чего и пет возможности улучшить состав учителей и заменить малоподготовленных преподавателей людьми с лучшей подготовкою, а равно и от неимения в некоторых школах особых учителей, как, например, в училищах Елаурском, Буеракском и Подъячевском.

Для устранения упомянутых недостатков и для улучшения вообще школьного дела в уезде, по моему мнению, необходимо принять следующие меры.

Сверх ассигнуемой земством суммы ходатайствовать пред Земским собранием о добавочном назначении на дело народного образования еще 2000 руб(лей) на следующие

¹ Преподавателем Канавского мужского училища вначале был Петр Малеев, а затем Андрей Кабанов (оба — воспитанники ульяновских педагогических курсов). «За усердие к исполнению своих обязанностей и за успехи учеников» и тот и другой неоднократно получали благодарности от попечителя Казанского учебного округа.

предметы: 1) на увеличение жалованья учителям до 180 и 240 руб(лей) в год с тем, чтобы производить это увеличение постепенно, по мере усердия и знания дела наличными преподавателями с одной стороны, а с другой, для привлечения в уезд учителей из окончивших курс в учительской семинарии (в селе Порецком.— *А. И.*); 2) на оказание пособия сельским обществам для постройки училищных зданий, приспособленных к этой цели, как-то: в Елауре, Загоскине, Буераках и Подъячевке; 3) на устройство классной мебели для Старотукшумского и Кузькинского училищ; 4) на снабжение школ книгами для учителей и учеников и учебными пособиями...

Сверх того я имею честь покорнейше просить Управу доложить Земскому собранию, не найдет ли оно возможным по примеру других уездных земств Симбирской губернии назначить одновременно 1500 руб(лей) на постройку училищного дома для 2-классного училища в Сенгилеевском уезде...

«Отношение в Сенгилеевскую уездную земскую управу директора народных училищ Симбирской губернии по предмету народного образования в Сенгилеевском уезде». «Симбирская земская газета», 1876, 26 декабря.

По выслушании отношения директора народных училищ Симбирской губернии (*И. Н. Ульянова.— А. И.*) об увеличении жалованья учителям, о содействии к устройству школьных зданий и имуществ и об ассигновании 1500 руб(лей) на постройку дома для 2-классного училища *Собрание* постановило: в отпуске денег на устройство двухклассного училища отказать.

«Отчет о Сенгилеевском уездном земском собрании 20 сентября 1876 года». «Симбирская земская газета», 1876, 12 декабря.

Приняв участие, совместно с директором военной гимназии (Федором Константиновичем Альбедилем.— *А. И.*), ныне кадетского корпуса, при содействии городского управления, в устройстве народных чтений, сколько помнится,

в 1875—1878 годах ¹, И (лья) Н (иколаевич) с самым живым интересом следил за их успехом, аккуратнейшим образом являясь сам на каждое чтение, внимательно следя за количеством и состоянием лиц, являвшихся на эти чтения. И с какою грустью смотрел он на то, что наша масса только сначала, как к новинке, отнеслась к этим чтениям с некоторым интересом, а потом, чем дальше, тем больше, стала променивать их на балаганы и трактиры.

Глубоко убеждены, что настанет когда-нибудь время обратного отношения к этому средству умственного и нравственного развития народных масс; тогда, конечно, вспомнится и имя Ильи Николаевича снова добрым словом. Но думаем, что и теперь... не излишне указать на его отношение к этому предприятию, свидетельствующее о том, что он, как руководитель народно-воспитательного дела, не упускал из вида ни одного средства, которое помогло бы ему дать более сильное движение и оживление этому делу. И уж не его вина, что его стремления не всегда увенчивались должным успехом.

А. Покровский. Из воспоминаний об И. Н. Ульянове. «Симбирские губернские ведомости», 1886, 29 января.

От директора народных училищ Симбирской губернии (И. Н. Ульянова.— *А. И.*) объявляется, что 25 минувшего сентября (1876 года.— *А. И.*) в дер(евне) Новых Чувашских Чукалах, Буивского уезда, открыто на средства ми-

¹ П. Мартынов в книге «Город Симбирск за 250 лет его существования» пишет: «...16 марта 1877 года состоялось первое народное чтение, в зале городского общества, где тогда помещалась военная гимназия. Цена за места была назначена самая доступная для народа: нумерованные места — 5 коп(еек), ненумерованные — 3 коп(ейки) Чтение сопровождалось туманными картинками, и на нем присутствовало немало представителей симбирской интеллигенции и высшего общества, а народ наполнил все зало. Затем чтения происходили в каждый воскресный и праздничный день, что продолжалось до конца учебного года. Такое прекрасное начало народных чтений обещало успешное продолжение этого дела; однако оно пользовалось успехом только первое время, очевидно, как новинка. Так, в учебный сезон 1879/80 года интеллигенция и высшее общество уже охладели к народным чтениям, простой народ тоже очень неохотно посещал их и слушателями были почти исключительно ученики городских приходских школ, так что после канicularного времени 1880 года народные чтения уже не возобновлялись» (стр. 205—206).

нистерства народного просвещения инородческое училище, в которое поступило из инородцев 26 мальчиков и 11 девочек.

«Казенные объявления». «Симбирские губернские ведомости», 1876, 9 октября.

Подводя итог всему вышеизложенному, мы приходим к заключению: 1) что хотя число школ и уменьшилось в 10-летний период времени (то есть с 1869 по 1879 год. — *А. И.*) на 37, но это объясняется единственно тем, что несколько мелких школ, по большей части совершенно необеспеченных, присоединены были к гораздо лучше организованным и имеющим к тому же довольно удобные помещения; 2) число учащихся обоего пола за рассматриваемый период увеличилось: мальчиков — на 50,5%, девочек — на 7,6%; 3) число оканчивающих полный курс в народных училищах с 1875 года ежегодно возрастает и составляет в настоящее время с лишком 10% всего числа учащихся; 4) число учителей с достаточною подготовкой с каждым годом увеличивается; 5) вознаграждение учительского труда в среднем числе утроилось; 6) число удобных училищных помещений увеличилось на 150 и, наконец, 7) средства содержания школ возросли до суммы почти в 3,5 раза большей сравнительно с 1869 годом; причем поступает теперь: а) от сельских обществ почти вдвое, б) от земства и городских обществ с лишком в 6 раз и в) от частных лиц и обществ в 7 раз.

Такие результаты нельзя не признать удовлетворительными, хотя и желательно еще большего сочувствия к делу народного образования от населения губернии.

(И. Н. Ульянов). Начальное народное образование в Симбирской губернии с 1869 по 1879 г. Журнал министерства народного просвещения, 1880, май, стр. 106—107.

...В селе Шумовке, Симбирского уезда, до сего времени была одна сельская школа, в которой число учеников в 1879 году доходило до 70 и сверх того было отказано в приеме нескольким мальчикам за недостатком помещения.

14-го сентября (1880 года.— *А. И.*) в этом селе открыто второе училище для обучения детей обоего пола на счет местной землевладелицы графини (М. И.) Остен-Сакен. Для помещения школы с квартирою учительницы отведен нижний этаж господского дома. Весьма удобное помеще-ние и хорошая обстановка классной комнаты производят приятное впечатление на посетителя.

Открытие училища происходило в присутствии дирек-тора (И. Н. Ульянова.— *А. И.*) и инспектора народных училищ, члена училищного совета от земства А. П. Каха-нова и управляющего именем графини Остен-Сакен (А. В. Миллера.— *А. И.*)¹...

1-го октября (1880 года.— *А. И.*) в г. Ардатове на счет городского общества открыто второе мужское начальное народное училище, в которое принято 37 мальчиков.

И. Ульянов. Открытие двух народных училищ. «Симбирские губернские ведомости», 1880, 21 октября.

... (Симбирская.— *А. И.*) городская дума, согласно хо-датайству директора народных училищ (И. Н. Ульянова.— *А. И.*), разрешила открыть еще два новых училища и на-расселенное отделение при 4-м мужском².

Открытие мужского и женского училищ происходило 7-го октября (1880 года.— *А. И.*) в присутствии директора народных училищ, городского головы, члена училищного совета от города, попечителя и попечительницы училищ, гласных городской думы и родителей учащихся.

Таким образом, городское общество, всегда сочув-ственно относящееся к делу народного образования, с от-крытием двух новых училищ и параллельного отделения при 4-ом мужском дало возможность получить начальное образование в своих школах еще 95-ти мальчикам и 55-ти девочкам.

И. Ульянов. Открытие двух приходских училищ в г. Симбирске. «Симбирские гу-бернские ведомости», 1880, 11 октября.

¹ Во второе училище в селе Шумовке, Симбирского уезда, по-ступило 35 учащихся.

² В этой же заметке И. Ульянов пишет: «До 1880/81 учебного года в городе Симбирске на счет городского общества содержалось 10 начальных приходских училищ: 5 мужских и 5 женских. Из них одно женское двухклассное и два мужских с параллельными при них отделениями».

Илья Николаевич с инспекторами народных училищ Симбирской губернии.

Деятельность директора и инспекторов народных училищ¹ в отчетном (то есть в 1880-м. — А. И.) году состояла в следующем:

Главнейшею заботою директора было то, чтобы осмотр училищ производился правильно и сопровождался практи-

¹ В ведении И. Н. Ульянова вначале было три, а затем пять инспекторов народных училищ. Соответственно этому Симбирская губерния делилась сначала на три, а потом на пять районов. Инспектор 1-го района — однокурсник и товарищ Ильи Николаевича по Казанскому университету В. М. Стржалковский заведовал шко-

ческими результатами. Не стесняя самостоятельности инспекторов подробными указаниями, директор наблюдал, чтобы осмотр училищ производился в продолжение всего учебного времени; чтобы каждый из инспекторов в течение года посетил все училища своего района, по крайней мере один раз; чтобы годовичные испытания учеников в училищах министерства народного просвещения производились всегда в присутствии инспектора; чтобы инспекторы не были пассивными зрителями открываемых при ревизии беспорядков, но на месте же принимали все средства к устранению их; чтобы инспекторы лично ходатайствовали за училища перед содержателями училищ и училищными советами. Эти цели хорошо были поняты инспекторами, и директору лишь в немногих случаях приходилось выступать в качестве инстанции, переворашающей дела или поправляющей упущения инспекции.

Дальнейшей заботой директора было улучшение личного состава учителей начальных училищ. В этих видах директор входил в личные и письменные сношения с начальниками местных заведений для образования учителей, получал сведения о личных качествах воспитанников, оканчивающих в них курс, и достигал того, что все они, тотчас по окончании курса, размещались на свободные вакансии, причем лучшие из них занимали и лучшие места. Так как учителями-семинаристами могли быть замещены лишь немногие вакансии, то, в видах замещения и остальных вакансий лицами достаточного образования, директор входил тоже в сношение с начальством местного женского епархиального училища, воспитанницы которого почти все, по окончании курса, ищут учительской службы. Задачей директора в этом случае было то, чтобы они получили места соответственно их личным качествам и притом чтобы в той обстановке, в которую они должны были всту-

лами Симбирского и Сенгилеевского уездов; проработав с И. Н. Ульяновым 12 лет, он умер вскоре после него, в марте 1886 года. Инспектором 2-го района (Сызранский уезд) с 1877 по 1882 год был В. И. Фармаковский, а с 1882 года — И. А. Аристовский. Инспектор 3-го района И. В. Ишерский с 1877 года работал в Алатырском и Буинском уездах. После смерти И. Н. Ульянова он занимал пост директора народных училищ (до 1908 года). Инспектор 4-го района А. А. Красев руководил школами Карсунского уезда и жил в Симбирске (с 1878 года). В ведении инспектора 5-го района К. М. Аммосова с 1880 года были школы Ардатовского и Курмышского уездов.

пать, они не встретили обстоятельств, которые бы делали их положение неудобным в нравственном и бытовом отношении.

Последовавшее в отчетном году разрешение делать инспекторские съезды дало директору возможность придать разработке возникающих из практики вопросов учебно-школьной администрации систематический характер. Съезд инспекторов Симбирской губернии открыт был под председательством директора 25 июля и продолжался до 2 августа. Съезд имел 9 заседаний...

Для личного осмотра директор избирал главным образом училища, состоящие в непосредственном заведовании дирекции, как училища, не посещаемые местными деятелями по народному образованию, и как училища, имеющие более сложную организацию и требующие поэтому более внимательного наблюдения.

Попечение о развитии народного образования и расширении образовательных средств входило в постоянный план действий директора. В этом отношении внимание директора было обращено главным образом на г. Симбирск, где потребность образования сказывается гораздо ощутительнее, чем во всех других местностях губернии. Ходатайства директора в указанном направлении имели в отчетном году следующие последствия: открыты вновь 2 приходских училища — мужское и женское; при двух существующих училищах открыты параллельные отделения; при Канавском мужском училище открыто преподавание слесарного мастерства.

И. Н. Ульянов. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии в 1880 году. «Красный архив», 1940, № 1, стр. 235—237.

В то время так называемое «общество» мало обращало внимания на низшие школы. В них учились больше дети бедноты, так как сколько-нибудь состоятельные люди приглашали обычно домашних учителей к своим детям для подготовки их в средние учебные заведения. И для того чтобы заинтересовать это общество низшими школами, их работой и их нуждами, привлечь к ним внимание, побудить оказывать им помощь и т. п., по инициативе Ильи Николаевича ежегодно весной, по окончании занятий, в городской управе устраивался торжественный акт.

М. Ульянова, стр. 54.

В прошлое воскресенье, 14 сего июня (1881 года.— *А. И.*), в 12 часов дня, в доме городского общества происходил публичный акт для симбирских городских народных училищ. В жизни симбирских народных училищ этот акт был первый, поэтому и программа его на этот раз была необширна...

После отчета о состоянии городских народных училищ (его сделал член Симбирского уездного училищного совета *А. И. Алатырцев.— А. И.*) и раздачи свидетельств окончившим курс и наград похвальными листами и книгами отличившимся ученикам директор народных училищ *И. Н. Ульянов* произнес: «Пользуясь настоящим собранием, я позволяю себе, вместе с о.о. законоучителями, гг. учителями и учительницами и детьми, принести искреннюю благодарность: городскому обществу, в лице его представителей, за его постоянное сочувствие к начальному образованию, гг. попечителям и попечительницам училищ — за их заботы и попечения о школах, вашему превосходительству (начальнику губернии.— *А. И.*) и всем присутствующим, удостоившим своим посещением наш скромный праздник...»

Посетителям предложен был чай и кофе, а дети приглашены были в особую комнату, где раздавались им булки, разное печенье, пряники и конфеты.

В отдельной комнате развешаны были по стенам работы учениц, которые состояли из разных шитых и вязаных вещей женского гардероба; вещи, изготовленные ученицами Канавского, за р(екою) Волгою, училища, отличались сельским характером; все вообще работы исполнены отчетливо; на некоторых вещах мы заметили вышитые изречения: «Праздность вредна», «Труд нас кормит» и т. п.

«Местные известия». «Симбирские губернские ведомости», 1881, 16 и 20 июня.

Помимо кончавших училище школьников и их преподавателей, а также родителей на этот акт (имеются в виду проводимые *И. Н. Ульяновым* ежегодные публичные акты для симбирских городских народных училищ.— *А. И.*) приглашались и представители высшего и среднего общества, из среды которого выделялись попечители и попечительницы (состоятельные люди, которые заботились о

школах, оказывали материальную помощь бедным детям и пр.). Илья Николаевич привлекал к участию в нем и членов управы, стремясь заинтересовать и их школьным делом, побудить их оказывать этому делу активную поддержку.

Приглашенные занимали места вокруг стола, на котором были разложены похвальные листы и наградные книги, а школьники размещались в зале вместе со своими преподавателями. Илья Николаевич делал годовой отчет о состоянии и работе школ, а затем приглашенные, главным образом дамы, раздавали ученикам награды. Чтобы нагляднее показать достижения школ, в соседней с залом комнате устраивались выставки различных работ учеников: их письменные работы, рисунки, рукоделья девочек и т. п. Таким образом стремление Ильи Николаевича превратить школьное дело в живое, общественное дело сказывалось и здесь¹.

После акта в тот же или на другой день окончившие снова собирались в управе, часа в 4 дня, и оттуда с оркестром музыки направлялись вместе с Ильей Николаевичем и преподавателями в Александровский городской сад на детский праздник. У входа в сад их встречали члены управы и попечители школ. Детям раздавали пакеты с гостинцами, угощение получали и преподаватели, которые потом вместе с детьми принимали участие в празднике. До позднего вечера Александровский сад, украшенный по случаю этого дня флажками и фонариками, оглашался веселыми голосами детей, которые пели, танцевали под оркестр музыки, играли и веселились. Светлое воспоминание оставалось у детей от этого праздника, который они неохотно оставляли уже поздно вечером, когда в саду тушились огни. Такое внимание к детям в те далекие дни было редким явлением, и ученики средних учебных заведений, которые были лишены его, жалели, что тоже не могут повеселиться на весеннем выпускном празднике.

М. Ульянова, стр. 54—55.

¹ По примеру г. Симбирска подобные публичные акты для выпускников начальных народных училищ стали устраиваться и в других уездах губернии.

Давно ожидаемое в селе Жадовке открытие двухклассного училища министерства народного просвещения было совершено наконец 14 числа сентября настоящего (1882-го. — А. И.) года... Утром накануне этого дня прибыл в село Жадовку директор народных училищ Симбирской губернии г. Ульянов вместе с инспектором 4 участка Красевым для предварительного осмотра нового училищного помещения и для подготовительных распоряжений ко дню самого открытия училища. Произведенный ими осмотр нового училищного здания, начатого постройкой с августа прошлого года и оконченного к 14 сентября настоящего, был вполне благоприятен: все работы были найдены исполненными согласно утвержденным на постройку этого училища плану и смете с полною добросовестностью со стороны двух подрядчиков по этой постройке крестьян Винокуровых. Поэтому новый двухэтажный каменный училищный дом оставалось только освятить молитвой...

По окончании молебна пред учением и по провозглашении многолетия по общепринятому порядку г. директор народных училищ Симбирской губернии обратился к присутствующим¹ с следующими приветственными словами:

«Милостивые государи!

Я пригласил вас помолиться вместе с нами по поводу открытия Жадовского двухклассного училища ведомства министерства народного просвещения. Пользуясь настоящим собранием, считаю нелишним ознакомить вас в кратком очерке с ходом дела об открытии училища.

20 февраля 1877 года обществом крестьян села Жадовки составлен был приговор об открытии двухклассного училища, по которому местное общество изъявило согласие: 1) предоставить в распоряжение училищного начальства одну десятину земли; 2) отпускать ежегодно по 300 руб.(лей) на ремонт, освещение и отопление училищного здания и 3) принять на свой счет подвозку материалов при постройке нового училищного дома.

Затем, ввиду недостатка предназначенных на содержание нового училища местных средств, приговором волост-

¹ Автор корреспонденции говорит, что пришедшие на открытие училища крестьяне не могли поместиться в классной комнате «и больше чем наполовину остались в большом училищном коридоре второго этажа и затем на ступенях лестницы, спускающейся сверху вниз, к выходной двери».

ного схода от 1 апреля 1878 года постановлено было, в дополнение к назначенным уже от общества крестьян села Жадовки 300 руб (лям), собирать ежегодно на содержание училища по 8 коп (еек) с души от всех селений Жадовской волости, всего 338 руб (лей).

На основании этих приговоров и постановления Карсунского земского собрания об отпуске на постройку училищного дома 3043 руб (ля) 45 коп (еек), я вошел с ходатайством об ассигновании из сумм министерства народного просвещения единовременно 1500 руб (лей), в пособие земству на постройку училищного здания. Ходатайство мое было удовлетворено в январе 1881 года.

Постройку училищного дома вследствие несостоявшихся торгов поручено было училищным советом произвести хозяйственным способом члену совета от земства Я. Ф. Данилевскому, которым поручение совета и было исполнено к назначенному сроку. По постройке дома вчерне я вновь вошел в министерство народного просвещения с ходатайством об ассигновании из сумм министерства на содержание училища по 945 руб (лей) ежегодно, на что мною и получено было разрешение.

Теперь училищное здание приведено к концу. Остается только устроить необходимые при доме службы и обнести изгородью уступленную обществом под училище десятину земли.

Осмотревши училищный дом, я считаю долгом принести искреннюю благодарность училищного начальства представителю земства, члену училищного совета Я. Ф. Данилевскому и его ближайшему сотруднику по постройке дома, представителю здешнего общества волостному старшине Николаю Васильевичу Кривошееву.

В настоящее время я объявляю Жадовское двухклассное училище открытым и искренне поздравляю местное общество с открытием здесь такого училища, которое вместе с более законченным общим образованием даст детям, окончившим в нем полный курс учения, и больше прав на льготу по отбыванию воинской повинности и уравнивает их в этом отношении с учениками уездных училищ и прогимназий: для крестьянских детей это очень и очень большое приобретение.

Местное общество, по-видимому, заинтересовано новым училищем и расположено к нему, что доказывается, между прочим, числом заявивших желание обучаться здесь.

По списку в первый класс поступает 81, во второй — 19 учеников».

«Акт открытия двухклассного училища министерства народного просвещения в селе Жадовке, Карсунского уезда, Симбирской губернии». «Симбирская земская газета», 1882, 17 октября.

В течение 1882 года директором народных училищ (И. Н. Ульяновым.— А. И.) осмотрено 50 учебных заведений, из которых одно Симбирское городское 3-классное несколько раз, 14 школ по 3 раза и 3 по два раза ¹...

В заключение своего отчета директор народных училищ И. Н. Ульянов высказал следующее: народное образование в училищах Симбирской губернии в отчетном 1882 году находилось вообще в довольно удовлетворительном состоянии, несмотря на не вполне благоприятные экономические условия, в которых находились многие сельские общества в последние 3—4 года. Постепенно улучшающаяся теоретическая подготовка учителей и учительниц к школьному делу и твердые практические навыки к школьным занятиям, приобретенные ими уже на месте службы под руководством инспекторов народных училищ ², приносят не-

¹ В «Докладной записке Карсунскому земскому собранию о состоянии начальных народных училищ Карсунского уезда за 1882 г.» инспектор А. А. Красев писал: «Г. директором народных училищ Симбирской губернии (И. Н. Ульяновым.— А. И.) осмотрены были в отчетном году следующие училища: Карсунское двухклассное женское, Карсунское приходское мужское, Жадовское двухклассное училище, Карсунское волостное, Юрловское и Румянцевское фабричное» («Симбирская земская газета», 1884, 13 мая).

² В этом же отчете Илья Николаевич приводит следующие данные осмотра школ инспекторами народных училищ: «а) 1-го района, г. Стржалковским все 142 училища его района, из которых 25 по два раза; б) 2-го района, г. Аристовским — 65 школ, из которых 3 по два раза; неосмотренными остались только два училища: Паньшинское и Вязовское, отчасти по недостатку времени, но главным образом по болезни инспектора; в) 3-го района, г. Ишерским — 2 училища по 3 раза, 51 по два и 24 по одному разу; г) 4-го района, г. Красевым — 3 училища по 3 раза, 21 по два и все остальные 64 по одному разу; д) 5-го района, г. Аммосовым из 62 школ его района 3 училища осмотрены по 3 раза, 22 по два и 35 по одному разу; остальные же две школы, Верхне-Талызинская и Кочетовская, не могли быть осмотрены потому, что открытие их

сомненную пользу учебному делу и много содействуют общему возвышению школ в учебно-воспитательном отношении.

Извлечение из «Отчета о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1882 год». «Симбирская земская газета», 1883, 16 октября.

Директором народных училищ (И. Н. Ульяновым.— А. И.) в отчетном (1884-м.— А. И.) году осмотрено 50 училищ, из которых 3 по 4 раза, 3 по 3 раза, 4 по 2 и остальные 40 по одному разу.

«Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1884 год». «Симбирская земская газета», 1885, 15 сентября.

Ему (Илье Николаевичу.— А. И.) пришлось уже больше руководить делом, но он оставался таким же усердным работником, таким же простым в образе жизни и обхождении человеком.

А. И. Ульянова-Елизарова («Воспоминания о В. И. Ленине», 1, стр. 11).

Успех их (речь идет о трудах Ильи Николаевича по налаживанию народного образования.— А. И.) обуславливался также немало умением... обращаться с людьми крайне различных положений, образования и сословий, его симпатичной, привлекающей к себе личностью. Он прекрасно умел установить должные отношения как к людям высокого, так и самого простого положения, и к многочисленному классу людей, в различной степени ему подчиненных. Ко всем последним он относился с редким вниманием и участием, никогда никого не подавляя авторитетом своего положения; без всякой принужденности умел одного обласкать, другого ободрить, иному сделать внушение

последовало только в декабре месяце. Таким образом, из всех 432-х народных училищ, существующих в губернии, остались неосмотренными по объясненным выше причинам только 4 школы».

и замечание, не возбуждая к себе ни малейшего чувства неприязни. Своим мягким, сердечным отношением к подчиненным он отнюдь не подавал повода последним забывать в нем пачальника, а еще более располагал ценить и уважать его, и мы, стоя близко к служебной деятельности (И. Н. Ульянова.— *А. И.*)... не знаем случая, когда какой-либо подчиненный забыл границу надлежащих к нему отношений.

К. М. Аммосов. Илья Николаевич Ульянов. Циркуляр по Казанскому учебному округу, 1886, № 1, стр. 50—51.

Идейность Ильи Николаевича проявлялась и в том круге знакомых, которых он имел, с которыми поддерживал более близкие отношения. Он не вращался в обществе симбирских помещиков, поддерживая связи с теми из них, которых, как и его, интересовало дело народного образования и которые работали в той же области, что и создавало у Ильи Николаевича с ними большую или меньшую общность интересов.

М. Ульянова, стр. 61.

Илья Николаевич, несмотря на занимаемое им высокое положение, всячески сторонился близости с князьями мира сего. Отношения его с высшими городскими деятелями ограничивались официальными визитами и дальше этого никогда не шли...

Самыми частыми гостями в семействе Ульяновых были местные педагоги, всегда находившие здесь дружеский прием и добрый ценный совет.

*В. В. Кашкадамова*¹. Семейство В. И. Ульянова-Ленина в Симбирске. Воспоминания. «Бакинский рабочий», 1926, 21 января.

¹ Старейший симбирский учитель — воспитанник Порецкой учительской семинарии Петр Иванович Краденов рассказывает о Кашкадамовой: «В. В. Кашкадамова была человеком очень большой внутренней культуры, обладала необыкновенным педагогическим тактом и мастерством. Это была подвижница дела народного образования, посвятившая ему всю свою жизнь. Она почти не имела личной жизни: школа для нее была и семьей и работой, воспитан-

Образ И(льи) Н(иколаевича) встал передо мной во весь рост, сияя светлой звездой чистоты идеалиста, доступности для учителей и учительниц во всякое время, готовности во всем оказывать им помощь всеми силами его гуманнейшей души...

В. А. Калашников («Юбилейный сборник», стр. 47).

И. Ульянов, как директор училищ, был требователен и суров, но, несмотря на это, и среда сельских учителей его знала, уважала и ценила.

И. Ульянов был не начальство, не его превосходительство, а человек, знающий и любящий свое дело: у него можно спросить совета, он мог помочь молодому неопытному учителю в постановке школьного дела и делал это охотно, раз он видел, что к нему относятся добросовестно и любят школу.

Д. Деларов. Как я познакомился с семьей Ульяновых. «Север» (Вологда), 1924, № 1, стр. XVI.

Я был у Ульянова. Поговорили с ним много кой о чем. Сказал Ульянову, что учим и до коих пор. Ну, он теперь стал рад и доволен моим рассказом. Вот еще мне Ульянов говорит, нужно учить непременно по «Родному слову» Ушинского¹.

И. Иванов — И. Я. Яковлеву, 8 марта 1872 года. Ульяновский государственный архив.

ников своих школ она любила как родных детей. Конечно, ни о каких суровых наказаниях в ее педагогической деятельности и речи быть не могло, все было основано на убеждении, личном примере учителя, на умении заинтересовать детей учебой» (см. кандидатскую диссертацию Б. Н. Жадапова «Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова и воспитание детей в его семье», машинопись, стр. 180).

¹ В другом письме (от 14 марта 1871 года), также хранящемся в Ульяновском государственном архиве, И. Иванов сообщает И. Я. Яковлеву: «Дела идут хорошо, и мальчики занимаются хорошо. Был у нас Илья Николаевич Ульянов, он поговорил со мной кой-что и велел мне начертить план школы в нашей деревне (Коники, Буинского уезда. — *А. И.*), то есть как нужно будет строить, и велел спросить, не будет ли подрядчик и какой у него будет лес».

Я несколько раз бывал у Ульянова в доме его; он меня всегда принимает очень хорошо, сажает меня, и вхожу в горницу его, подолгу времени бываю у него.

А. В. Рекеев — И. Я. Яковлеву. Ульяновский государственный архив.

Серьезное лицо, строгий тон, деловые разговоры.

Сидишь в кабинете Ильи Николаевича и чувствуешь, что перед тобой начальник, все знающий, во все вникающий, прямой и строгий, и не только начальник, но и старший товарищ, всегда готовый прийти на помощь, поддержать, направить.

В кабинете от И(льи) Н(иколаевича) никогда не услышишь ни одного слова, не относящегося к делу.

Ведутся принципиальные разговоры о народном образовании, обсуждаются учебники, даются советы молодым учителям.

В. В. Кашкадамова. Семейство В. И. Ульянова-Ленина в Симбирске. Воспоминания. «Бакинский рабочий», 1926, 21 января.

Илья Николаевич отличался своей простотой и приветливостью с учителями и учительницами. Он всех встречал со своей светлой, радушной улыбкой, и не было случая, чтобы он не ободрил павшего духом труженика на ниве народного просвещения. Марья же Александровна во всем была солидарна с ним. Я помню, как однажды после наших вечерних занятий на учительском съезде пригласил он меня с моим маленьким хором из любителей пения к себе на чашку чая. Мы были встречены радушно хозяевами, пили чай, ели арбуз и пели песни под аккомпанемент рояля, на котором играла Мария Александровна. Мы чувствовали себя как в родной семье, и об этих минутах у меня осталось светлое воспоминание на всю жизнь.

В. А. Калашников. Домашний учитель Ильича. «Огонек», 1926, № 7, стр. 6.

Он (Илья Николаевич.— А. И.) тепло простился со мной и уехал в Сызранский уезд, направляясь на железнодорожную станцию Никулино. Инспектор А. А. Красев,

узнав, что в его уезде находится И. Н. Ульянов, встретился с ним в Никулине и проводил его по железной дороге до Сызрани.

От утомления или от недомогания Илья Николаевич прилег на лавочке вагона третьего класса и заснул, вытянув ноги, чем несколько стеснял проход для пассажиров. Проходивший в это время кондуктор толкнул заснувшего и сказал: «Подбери ноги-то, старик, ты проход загородил». Илья Николаевич подтянул ноги, а инспектор Красев сказал при этом: «Ваше превосходительство, Вы проход стеснили»... В это время пола шубы Ильи Николаевича соскользнула на пол и открыла синий сюртук с золотыми пуговицами. Услышав титул лежащего, кондуктор оробел, вытянулся в струнку и начал извиняться. Илья Николаевич благосклонно его простил, сказав: «Ничего, ничего, — проходите, теперь можно пройти... Меня извините...»

Воспоминания Ф. С. Кириллова. Цит. по кн. А. И. Кондакова «Директор народных училищ И. Н. Ульянов». М.—Л., 1948, стр. 199—200.

Летом в Кокушкине, например, его (Илью Николаевича. — *А. И.*) часто можно было видеть сидящим на заваulinке в деревне и беседующим «дружески и непринужденно» с крестьянами. Любил он и пошутить с ними, и крестьяне относились к нему с большой симпатией.

М. Ульянова, стр. 58.

Об Илье Николаевиче я слышала как о строгом, требовательном начальнике, которому трудно угодить, но первое же свидание с ним¹ совершенно изменило составленное мною по слухам мнение о нем. Правда, он встретил меня холодно, официально, задавал вопросы, касающиеся степени моей подготовленности к предстоящей работе и

¹ «С семьей Ульяновых, — рассказывает В. В. Кашкадамова, — я познакомилась в 1880 г., когда получила назначение на должность учительницы вновь открытого тогда в Симбирске пятого женского начального училища и должна была явиться к директору народных училищ — Илье Николаевичу Ульянову» («А. И. Ульянов», стр. 271).

знакомства с педагогической литературой, с которой я была тогда мало знакома. Советовал прочитать необходимые книги и говорил, но не запугивал, напротив, успокаивал и ободрял, когда я выражала сомнение, слажу ли с той работой, которую беру на себя. И я ушла от него успокоенная, довольная директором и уверенная, что при его советах и руководстве работа в школе не страшна, а интересна. Первое время моей работы И(лья) Н(иколаевич) редкий день не был у меня в школе: слушал мои уроки, делал замечания и давал сам образцовые показательные уроки. Я так привыкла видеть в школе директора, постоянно советоваться с ним, что, если, случалось, он не приходил несколько дней, я шла к нему за разрешением тех или иных недоразумений — побеседовать о прочитанных мною книгах, о встречающихся иной раз в них противоречиях. И(лья) Н(иколаевич) серьезно выслушивал меня, давал ответы, иной раз, и теперь скажу, мои вопросы и недоразумения были не важны, мелочные, и будь на его месте другой директор, сделал бы мне выговор, что я по пустякам беспокою начальство, но он терпеливо выслушивал меня без малейшего намека на неделикатность такого злоупотребления его временем, и я, широко пользуясь его снисходительностью, как-то незаметно познакомилась и с семейством И(льи) Н(иколаевича) — его супругой М(а-рией) А(лександровной) и детьми, у которых я встретила самый радушный прием¹.

В. В. Кашкадамова («Юбилейный сборник», стр. 37).

Я давала урок по арифметике, когда в класс вошел Илья Николаевич. Решали задачи. В придуманной мною

¹ В статье «Володя Ульянов» («Комсомольская правда», 1931, 22 апреля) В. В. Кашкадамова говорит: «И в памяти моей глубоко залегло, как внимательно выслушивал он (Илья Николаевич.— А. И.) меня, как просто давал советы, какой характер задушевной беседы носили наши свидания». «Чуждый всего чиновничьего, — вспоминает А. Ульянова-Елизарова, — отец мой был далек от чиновнического подхода к делу, — разговоры эти были беседой двух искренних педагогов, старшего с младшим... «Чуткая, любящая детей и работу с ними воспитательница», — я неоднократно слышала от покойного отца самые лестные отзывы о ней; он выделял ее из многих других» (А. Ульянова. Героиня труда на ниве просвещения. «Правда», 1925, 20 октября).

задаче говорилось об апельсинах. Илья Николаевич попросил спросить у учеников, видели ли они апельсины. Оказалось, что они не видели их. Илья Николаевич велел давать задачи и примеры, понятные детям.

Воспоминания *М. Н. Волковой* в передаче А. И. Копдакова. «Советская педагогика», 1939, № 1, стр. 114.

Делая указания учителям и учительницам на их промахи в преподавании, вызванные недостаточной педагогической подготовкой, Илья Николаевич держал себя с ними как старший товарищ, а не как начальник. Он никогда, например, не делал учителю или учительнице замечаний при других, а отзывал их для этого в другую комнату, чтобы поговорить наедине. Но Илья Николаевич совершенно не терпел небрежного отношения к делу, халатности, манкирования со стороны учителей и в этих случаях бывал очень строг и требователен. Выяснив, например, при объезде губернии, что в одной школе «учитель манкировал уроками и не вел классного журнала, из которого было бы видно, как посещали ученики школу, как и содержание уроков», Илья Николаевич обращает на это внимание учителя, прибавляя, что «если при следующем осмотре будут замечены те же недостатки, то он будет заменен другим, более усердным лицом».

В отношении требовательности к выполнению своих обязанностей со стороны учителей для Ильи Николаевича характерен такой случай, имевший место, когда он был уже директором народных училищ. Одна молодая учительница приходского училища очень увлекалась любительскими спектаклями. Для участия в них требовалось разрешение директора народных училищ. На ее просьбу дать это разрешение Илья Николаевич ответил, что не имеет ничего против, если это не отразится на ее школьных занятиях. Учительница в восторге, но, чтобы успеть подготовиться, решает в день спектакля сократить свои занятия с учениками, отпустив их после большой перемены... Но планам ее не суждено осуществиться. Только что собирается она в день спектакля войти в класс с папильотками в волосах, как случайно видит, что к ее школе направляется Илья Николаевич. Быстро приводит она в порядок свои волосы, а Илья Николаевич уже в классе, присажив-

вается на задней скамейке, рядом со школьниками, и просиживает в классе, не говоря ни слова, все четыре урока. Да чуть ли и на другой день не заглядывает в класс, чтобы убедиться, что занятия идут нормальным порядком.

От внимания Ильи Николаевича не ускользает и отношение учителей и учительниц к учащимся и наоборот. «Со стороны учительницы,— пишет он после осмотра одной школы,— не заметно любви к занятиям, а, напротив, видно, что девочки боятся своей наставницы».

Большое внимание уделял Илья Николаевич и методам преподавания в школе, присутствуя в классе во время уроков и проверяя познания учеников. При низком уровне учительского персонала эти методы в большинстве случаев далеко не удовлетворительны. Илье Николаевичу нередко приходилось убеждаться в «незаконченности общего образования учителей и учительниц и нетвердости приобретенных ими самими сведений в родном слове», и он отмечал, что тому или иному учителю или учительнице «самому предстоит еще ознакомиться с методами преподавания предметов, входящих в курс начальных народных училищ».

Илья Николаевич дает после уроков подробные указания учительскому персоналу. «Педагог в душе», человек, любящий детей и свое дело, виден по этим указаниям, но в то же время человек, который не потерпит недобросовестного отношения к своим обязанностям. Он борется с «механическим чтением», без понимания прочитанного, с «заучиванием по книге» вместо рассказа собственными словами, настаивает на хорошей постановке объяснительного чтения, выражает неудовольствие, что в одной школе «законоучитель не употребляет для чтения по гражданской печати доступных детскому пониманию книг, хотя некоторые из них и имеются в училище», предлагает приобрести различные новые пособия и пр., сочувственно отзываясь о том, что при «преподавании арифметики в одной школе задачи согласуются с главным занятием жителей, именно сапожным ремеслом» и т. д.

И в то же время в 1871 г. «впервые приводится в известность по инициативе И. Н. Ульянова состав школьных библиотек». Он оказался, понятно, крайне неудовлетворительным: «книг для детского чтения, доступных детскому пониманию,— писал Илья Николаевич,— весьма мало». Да и учебники, имевшиеся в школах, в большинстве были

устарелыми, и для занятий ощущалась потребность в целом ряде пособий, которые можно было приобретать лишь постепенно. Но работа в этом отношении шла неуклонно, и, кроме того, «уездным земствам было предложено завести в каждом уезде, на первый раз, по одной библиотеке, снабженной как книгами и журналами педагогического содержания, так и учебными пособиями, необходимыми для преподавания предметов, составляющих курс народных училищ».

Как видно из отчетов Ильи Николаевича, большое внимание он уделял методам преподавания русского языка. В отчете за 1879 г. он отмечает, например, что «само сельское общество, прежде с таким недоверием и даже пронией относившееся к звуковой методе, теперь вполне сочувствует ей и мало-помалу начинает переносить свое недоверие на те школы, в которых до сего времени держится еще школьная старина с ее механическим зубрением и книжной рутинной»...

Илья Николаевич часто посещал школы, присутствовал на уроках, давал и сам показательные уроки, особенно если видел, что объяснение учителя неудовлетворительно, а после урока беседовал с преподавателем о методах преподавания. Придя в класс, он старался сесть незаметно где-нибудь сзади, на скамейку со школьниками, которые очень любили Илью Николаевича, потому что он всегда охотно беседовал с ними, и появление его в классе встречали с радостью. Все они старались заполучить Илью Николаевича в свое соседство, каждый из них подвигался, чтобы дать ему место около себя, кивками приглашая сесть рядом.

Те из школьников, кому удавалось сидеть рядом с Ильей Николаевичем, протягивали ему свои тетрадки, а однажды на уроке В. В. Кашкадамовой одна девчурка, сидевшая на первой парте, далеко от Ильи Николаевича, не боясь присутствия «начальства», на четвереньках пробралась к нему между парт, чтобы тоже показать ему свою работу. Он держал себя с детьми так, что они не испытывали перед ним страха, как перед начальством, а доверчиво шли к нему. Когда урок оканчивался, Илья Николаевич оказывался в тесном кольце обступивших его учеников: каждый наперерыв протягивал ему свои тетрадки, чтобы показать свои успехи в русском и арифметике и выслушать его отзыв, какой бы он ни был. А если несколько дней

Илья Николаевича не видно было в классе, школьники забрасывали В. В. Кашкадамову вопросами: «почему директор-то не приходит? когда же он к нам придет?»

М. Ульянова, стр. 42—44, 54.

Раз пришел он (Илья Николаевич.— *А. И.*) ко мне в школу на урок. Я занималась с детьми немецким языком. Илья Николаевич вызывает одного ученика и спрашивает, как будет по-немецки «очень». Ученик отвечает «зехр». Илья Николаевич некоторые буквы не выговаривал резко, как бы картавил и, желая поправить ученика, сказал: «Не «зехр» надо говорить, а «зел»». Ученик под общий смех класса повторяет «зел». Илья Николаевич улыбнулся и не подал вида, что заметил насмешку.

Воспоминания учительницы *Кабановой*. Цит. по ст. В. Алексеева «Отец Ленина как педагог (из неопубликованных материалов)». «Культурный фронт ЦЧО» (Воронеж), 1929, № 5—6, стр. 145.

Он (*И. Н. Ульянов.— А. И.*) был так доступен, так прост с учениками, что они забывали, что это директор, а стали относиться к нему как к любимому учителю.

Воспоминания *Е. С. Горбуновой*. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

Мы, учащиеся (Симбирского епархиального женского училища.— *А. И.*), хорошо знали Илью Николаевича Ульянова. Был он тогда директором народных училищ Симбирской губернии. Часто заходил он и в наше училище, беседовал с учащимися. Однажды, помню, спросил, кто из нас хочет быть учительницей. Учащиеся показали на меня: «Вот Лавровская хочет быть...» Илья Николаевич подошел ко мне, погладил по голове: «Хорошо, это очень хорошо!..»

Воспоминания *А. П. Лавровской* в записи В. И. Беззубова. «Литературная Мордовия» (Саранск), 1957, № 13, стр. 169.

Илья Николаевич прибыл в нашу начальную школу в селе Являях, Алатырского уезда, во время экзаменов. У стола перед комиссией отвечали я и другой ученик. Илья Николаевич сел за парту на мое свободное место и слушал наши ответы. Когда кончили нас экзаменовать, ему пришлось потесниться, чтобы дать мне место. Он внимательно просмотрел мою тетрадь, спросил о сделанных ошибках. Расспрашивал о составе моей семьи, чем в семье занимаются, сколько мне лет, желаю ли я еще учиться. Затем он подозвал учителя и сказал: «Направьте его в Промзинское двухклассное училище вот с этим письмом к Роману Алексеевичу Преображенскому¹. Если Кириллов будет хорошо учиться, дадим ему стипендию по 3 руб (ля) в месяц».

В следующем учебном году И. Н. Ульянов был на ревизии Промзинского училища. Роман Алексеевич усадил учащихся обоих классов и пропел вместе с ними в присутствии Ильи Николаевича песенку:

Белым снегом заметало луг и лес кругом,
И, затихнув, речка встала, скованная льдом.
Но пригрело солнце мая теплою весной,
Речка вновь бежит, играя светлою струей.
Снова плещется в ней рыбка, солнышко блестит;
У воды, под вербой гибкой, рыболов сидит...

После ревизии Илья Николаевич беседовал с нами, пятью стипендиатами, о наших успехах, о получении стипендии и пр. Затем поговорил с учителем и попросил его перед летними каникулами немного нас подготовить и направить в подготовительный класс Порецкой учительской семинарии. «Они там будут получать стипендию по 7 рублей в месяц», — сказал он².

Воспоминания Ф. С. Кириллова. Цит. по кн. А. И. Кондакова «Директор народных училищ И. Н. Ульянов». М.—Л., 1948, стр. 177—178.

¹ Преображенский Роман Алексеевич (1853—1937) — воспитанник основанных И. Н. Ульяновым педагогических курсов, учитель-«ульяновец». Много лет руководил лучшим в Симбирской губернии Промзинским двухклассным училищем.

² По окончании семинарии Ф. С. Кириллов в сентябре 1884 года был назначен учителем Жадовского двухклассного училища, где проработал 37 лет.

Приехали они (речь идет о посещении И. Н. Ульяновым и инспектором А. А. Красевым Жадовского двухклассного училища в ноябре 1884 года.— А. И.) часов в 12 ночи. Остановились в классе и тотчас пригласили меня к себе. Инспектор Красев был очень любезен и вежлив. Он взял меня под руку, ходил вместе со мной по классу, расспрашивал, где моя родина, живы ли родители мои, чем они занимаются, где учился, кто мне в этом содействовал, а потом незаметно разговор перевел на занятия в школе,— не трудно ли заниматься с тремя группами одновременно и чем бывают заняты две группы, когда занимаюсь с третьей. Я давал ответы и не подозревал, что он меня основательно экзаменовал, а Илья Николаевич, находясь на почтительном расстоянии, внимательно слушал, а в разговоре участия не принимал. На следующий день они слушали мои занятия, а после занятий просмотрели все выполненные учениками работы и уехали.

Воспоминания Ф. С. Кириллова. Цит. по кн. А. И. Кондакова «Директор народных училищ И. Н. Ульянов». М.—Л., 1948, стр. 178—179.

Вот мы видим Илью Николаевича перед первым выпуском Порецкой учительской семинарии¹. На вопрос, где они хотят работать, двадцать два «новоиспеченных» (как тогда говорили) учителя хором отвечают: в городе!

«Илья Николаевич посмотрел на нас укоризненно. Это, говорит, во-первых, невозможно, во-вторых, в городе и без вас культурных сил достаточно. И тут он нам развил перспективу, показал, что мы такое, как трудно и как почетно дело учителя: надо стремиться идти в глушь, где тьма. По окончании курса он назначил меня в село Ибресси, Алатырского уезда, а я уже туда заранее съездил, увидел, что там ужас один, голые стены, и пишу ему: Илья Николаевич, я туда не пойду. А он приезжает на вакации в

¹ Первый выпуск Порецкой учительской семинарии состоялся в 1875 году (см. стр. 109—110 наст. издания). В воспоминаниях, опубликованных в сурской газете «Голос колхозника» (1936, 11 января), А. А. Волков утверждает, что он видел И. Н. Ульянова на выпускном акте Порецкой учительской семинарии в 1876 году. Имеется расхождение и в числе выпускников. По Суперанскому (см. стр. 109—110 наст. издания), в 1875 году Порецкую семинарию окончило 12 человек, в 1876 — 14, а не 22, как у Шагинян.

Алатырь, вызывает меня и говорит: «Я, говорит, знаю, что гаже этой школы свет не создавал, но вы покажите себя, к чему вы готовились, поставьте школу как школу и сделайте мне выпуск учеников».

И дальше замечательный рассказ, как, зараженный этой упорной ульяновской волей, учитель Волков поставил школу и сделал выпуск. Ежегодно, иногда несколько раз в год, Илья Николаевич навещался к своему питомцу, проверял его работу. Вот он приехал с ревизией, остановился на квартире у Волкова:

«Во время ревизии, если он замечал какие-нибудь оплошности, говорил об этом не в школе и не во время занятий, а после занятий, вместе с учителями. О недостатках никогда не скажет, что вот это неправильно, а скажет так: «По-моему, это хорошо бы сделать так». Мы понимали и наматывали на ус. В свободное от ревизии время собирал учителей, проводил вечер в беседе, чтении и обсуждении методик и всегда говорил о главных качествах учителя, без которых педагога не бывает: о самообладании, любви к ребенку, сочувствовании с ним, терпении, бодрости духа, чтоб весело работалось. Помню его как сейчас: после обеда не ложится, а сядет за свой журнал и запишет, бывало, что видел за день; чай пил вприкуску, на месте долго не усидит, разговаривает и ходит по комнате, вечером перед сном выйдет на крыльцо и обязательно подышит на ночь свежим воздухом. Система его была такая: чтоб мы, учителя, всегда работали со всем классом, а не с одиночками, чтоб у нас никогда не выпадал класс при ответе одного, чтоб мы умели держать внимание всего класса. Большой упор делал Илья Николаевич на наглядные пособия, на демонстрацию опытов, на то, чтоб каждому ученику дать свою долю участия в общем занятии, а тогда ведь это все были идеи новые и необычные. Ново было и отношение к ребенку. Илья Николаевич учил нас ближе подходить к ученику, знать его не только в школе, но и в семье. Как-то у одного мальчика в моем классе во время чтения не оказалось книги. Илья Николаевич сам дал ему денег и велел тотчас купить книгу, чтоб не пропускал чтения, а мне потом сказал: «Это вы проглядели»...

Рассказ за рассказом встает перед нами облик Ильи Николаевича — педагога и руководителя.

«В 1879 году я заболел тифом. Товарищ мой посылает за врачом в соседнее село Покровское, верст за пятнадцать,

а врач ехать отказывается. Тогда товарищ — что было делать? — дает телеграмму Илье Николаевичу. Тот через земство вызывает врача, который и посещал меня через день, до самого моего выздоровления. Летом приехал к нам и сам Илья Николаевич, дело было в июне, но студено, и, помню, приехал он в шубе. Мы ему говорим: «Что ж это вы, Илья Николаевич, летом да в шубе, лето пугаете», а он засмеялся и пошутил над нашим студенческим летом народной поговоркой: «До святого духа (то есть до троицы) не снимая кожуха, а по святом духе в том же кожухе». Под вечер мы прошли с ним в школу, и он меня спросил, делал ли я дезинфекцию, как питаюсь, как себя чувствую, посоветовал гулять в вакации побольше, «в чем нуждается или затрудняетесь, пишите, — всегда охотно помогу»¹.

Воспоминания *А. А. Волкова* в передаче М. Шагинян. Мариэтта Шагинян. Собрание сочинений, том 3. М., 1956, стр. 421—423.

Илья Николаевич был горячим приверженцем Ушинского, обладал большими и глубокими знаниями педагогики, и его советы были для нас законом. Я от него получил много такого, чего мне не дала семинария. Под его руководством приобрел много знаний и нашел путь к сердцу ребенка. Илья Николаевич привил мне истинные качества педагога: любовь к детям, бодрость духа, терпение, сочувствие, самообладание, энтузиазм...

¹ «Положение народного учителя, — писал И. Н. Ульянов в одном из своих отчетов, — ничем не обеспечено в будущем: не щадя ни сил, ни здоровья при исполнении своих нелегких обязанностей, он к концу своей нередко тридцатилетней службы остается без всяких средств». Илья Николаевич всеми силами старался улучшить материальное положение учителей. Размер жалованья учителей в Симбирской губернии возрастал с каждым годом. Кроме того, И. Н. Ульянов добился открытия в губернии учительской эмеритальной кассы, выдававшей пособия (эмеритуру) учителям во время их болезни и выплачивавшей им в старости небольшие пенсии. Илья Николаевич заботился об обеспечении учителей квартирами, о бесплатном их лечении в больницах. По его многочисленным ходатайствам добросовестно относящиеся к своему делу учителя получали денежные награды и пособия. Чтобы освободить скудный учительский бюджет от затрат на литературу, И. Н. Ульянов создавал в уездах библиотеки, которыми учителя могли пользоваться бесплатно.

Стоял ноябрь (1878 или 1879 г. — не помню) злющий-презлющий. Буйный ветер крутил снег и дождь. Дождевые капли на лету замерзали. Одиннадцать часов ночи. Я сижу за столом в уютной теплой комнате, исправляю ученические тетради и, в минуты отдыха, думаю, как жутко быть в такую погоду «на лоне природы». В это время слышу неистовый стук в дверь, выскакиваю в сени, говоря сам с собой: «И кого это черт несет?» И в ответ из-за двери слышу: «Кто в такую погоду может мыкаться по свету, кроме вашего директора — Ульянова, только без провожающего злого духа».

Я был очень смущен, но смущение мое скоро рассеялось. Мы занялись чаем и разговорами о наших общих делах — о школе, об учителях, о нашей общей школьной работе.

Я неоднократно имел удовольствие заниматься с ребятами в присутствии директора, и заниматься толково, а потому я решил в эту ночь просмотреть и проверить свой конспект занятий на следующий день и, проверив, стал спокоен. Утром Илья Николаевич направился в мой класс. Шустрая, веселая детвора встретила нас, как обычно, радостно, и все мы заняли свои места. Илья Николаевич, как всегда, сел на последнюю парту, а я направился к кафедре, где у меня были уже приготовлены необходимые для урока пособия. На классной доске выставлен был аншлаг — глина и песок.

В столе кафедры находились приготовленные мною в стеклянных банках разных сортов глина и песок, глиняные изделия — посуда, игрушки, кирпич. Урок я начал загадкой из книги Ушинского: «Был я на копанце, был я на топанце, был на пожаре, был на базаре: молод был — семью кормил, стар стал — пеленаться стал, умер — выкинули в поле, там меня ни зверь не ест, ни птица не клюет». Отгадайте-ка, ребята, о чем говорит загадка?

Ребята стали мозговать; вот они, вдумчиво присматриваясь к аншлагу, весело, с улыбкой отвечают: «Это горшок». Тут же пояснили смысл и значение каждого предложения в отдельности и весело засмеялись, когда я им показал горшок с кашей, завязанный тряпкой.

Дальше пошли опыты и наблюдения для сравнения качества глины и песка и рассматривание пособий.

Дежурный ученик записывал на другой доске сущность урока: где находится глина и песок, их образование, их

свойства, для чего нужны. Запись послужила планом для письменного изложения на следующем уроке.

Вечером в этот день Илья Николаевич и я проверяли письменную работу и обсуждали ее качества. Илья Николаевич сказал, что я урок подготовил и провел, как и следовало ожидать, хорошо, что я и дети работали интенсивно и ребята усвоили его непринужденно, но надо бы ребят более подробно познакомить с выработкой кирпича, что, конечно, возможно сделать на следующем уроке: из разговоров детей видно, что это производство им знакомо, есть дети кирпичников, и пообещал выслать в школу коллекцию образцов наших горных пород, что и было исполнено...

Когда Илья Николаевич жил у нас, он довольствовался нашей простой пищей, ел с нами щи да кашу, картошку, калач...

Воспоминания *А. А. Волкова* в передаче А. И. Кондакова. «Советская педагогика», 1939, № 1, стр. 113, 114.

И. Н. Ульянов очень часто посещал наше двухклассное училище и интересовался нуждами его, спрашивал учительниц, довольны ли они учащимися, много ли из них бедных и многие ли желают учиться дальше; советовал учительницам привлекать старших учениц к работе по школе и помогать младшим учащимся. Наши родители были бедны и не имели средств вносить плату за обучение. Илья Николаевич научил нас подать прошение в Городскую управу, чтобы нас приняли в гимназию на городской счет. По его ходатайству за нас перед Управой были приняты в гимназию 10 учениц, в числе которых была и я.

Воспоминания *А. А. Родионовой*. Цит. по кн. А. И. Кондакова «Директор народных училищ И. Н. Ульянов». М.—Л., 1948, стр. 94.

Если кому-либо из учителей приходилось пропускать занятия в школе по болезни, Илья Николаевич нередко заменял их на уроках, а однажды, будучи уже директором народных училищ, в течение полутора месяцев вел заня-

тия в одной школе, учительница которой не могла сама заниматься по болезни.

Своим отношением к делу, чутким, внимательным отношением к учителям, заботами о них (Илья Николаевич немало ратовал, например, за улучшение материального положения) он завоевал среди них большую любовь и уважение...

«В течение своей долгой службы по народному образованию, — рассказывает В. В. Кашкадамова, которая прослужила учительницей более 40 лет, — я видела много начальников — и плохих и хороших — добрых, заботливо и внимательно относящихся к учителю, но педагога, так искренне и горячо любящего свое дело, так беззаветно преданного ему, я не встречала»¹.

А наряду с этим «школы Симбирской губернии были лучшими школами тогдашнего времени — это в Симбирске знали, и за это его (Ульянова) уважали самые прогрессивные и передовые слои симбирской общественности»².

Но реакция, сказывавшаяся уже в середине и конце 70-х годов, стала все более проявлять себя под влиянием все растущей революционной пропаганды и особенно после убийства Александра II 1 марта 1881 г., что не могло не отразиться в первую голову на деле народного образования³.

Метко определил тогдашние опасения правительства Щедрин:

«Наука есть оружие обоюдоострое, — писал он, — с которым необходимо обращаться по возможности осторожно; посему, ежели господа частные пристава не надеются от распространения наук достигнуть благонадежных результатов, то лучше совсем оные истребить, нежели допустить превратные толкования».

¹ В. В. Кашкадамова. Воспоминания. В «Юбилейном сборнике памяти И. Н. Ульянова», стр. 40. — Примечание М. Ульяновой.

² Д. Деларов. Как я познакомился с семьей Ульяновых. «Север» № 1(5), 1924 г., стр. XIV. — Примечание М. Ульяновой.

³ Показательна в этом отношении напечатанная в 1884 году в «Симбирской земской газете» (номера от 21 октября и 18 ноября) статья, безымянный автор которой «главный и основной недостаток существующего порядка ведения нашей народной школы» усматривал в «рабском следовании всем измышлениям новейшей педагогики», иными словами — всему тому, что старались внедрить в народную школу такие передовые педагоги, как К. Д. Ушинский, Н. А. Корф, И. Н. Ульянов и другие.

Деятельность земства в области народного образования все более берется под подозрение. Народному просвещению ставятся в народных школах узкие рамки: обучение лишь чтению и письму, «объяснительное чтение признается излишним», в народных школах рекомендуется «не задаваться побочными целями, например сообщением учащимся разнообразных сведений из окружающего мира (мироведение)».

В соответствии с этим «в 1882/1883 г. комитет министров признал единогласно, что духовно-нравственное развитие народа, составляющее краеугольный камень всего государственного строя, не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведении народными школами». И в 1884 г. были изданы «правила о церковноприходских школах», которые должны были находиться в ведении священников. Это были школы «с кратким курсом, общее образование в которых действительно сводилось к умению читать, писать и считать»¹.

Церковноприходских школ в Симбирской губ(ернии) было в то время лишь 8, но уже к концу того же года число их возросло до 22, в 1885 г. до 59, и в дальнейшем рост их был значительно более, чем рост школ земских. Средства, и без того ограниченные, шли теперь уже в первую голову на церковноприходские школы и школы грамоты, заведенные в то же время. Рост числа этих школ совершался, таким образом, за счет земства. Понятно, что в отчетах уездных земств все чаще стали встречаться сообщения, что «увеличения числа собственно земских школ не замечается, причиной чему служит возникновение новых типов школы, так называемых церковноприходских». Мало того. «Некоторые светские школы должны были закрыться вследствие открытия школ церковных».

М. Ульянова, стр. 55, 56—57.

¹ Церковноприходские школы были одноклассные — с двухлетним курсом и двухклассные — с четырехлетним курсом. В них преподавались: закон божий, чтение церковной и гражданской печати, письмо и начальные арифметические действия, а в двухклассных школах сверх того начальные сведения из истории церкви и отечества. При этом программы церковноприходских школ особенно настаивали на уроках закона божия, церковнославянского языка и церковного пения; самое «русское чтение и письмо должно быть обращено к предметам по преимуществу религиозного содержания» (см. кн. М. Суперанского «Начальная народная школа в Симбирской губернии». Симбирск, 1906, стр. 82).

...К концу жизни Ильи Николаевича... министерство народного просвещения постаралось подорвать работу всей его жизни, но, как ни сильно было в верхах стремление повернуть вспять, это удалось лишь отчасти, и смена новой школы, нового отношения к ней населения дали свои всходы.

М. Ульянова, стр. 45.

...Ввиду весьма печальных соображений я не решился сказать, что он (И. Н. Ульянов.— А. И.) далеко не пользуется вниманием министерства и далеко не благоденствует.

*В. П. Пазарьев — М. М. Стасюлевичу.
«М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», том III. П., 1912, стр. 697.*

...Деятельность И(льи) Н(иколаевича) стала подпадать под подозрение, и, несмотря на его выдающуюся работу, он был оставлен по выслуге 25 лет не на 5 лет, как обычно, а лишь на один год министром нар(одного) просвещения Сабуровым. Это косвенное неодобрение его деятельности было очень тягостно для И(льи) Н(иколаевича). Предстояло быть оторванным от дела всей жизни; тревожила, кроме того, перспектива остаться с большой семьей без заработка. И лишь вследствие того, что сам Сабуров был удален через год, И(лья) Н(иколаевич) был оставлен на пятилетие. Но ему не пришлось дослужить его.

А. Ульянова («Юбилейный сборник», стр. 9).

ОТЕЦ

...В метрической книге Николаевской церкви города Симбирска за тысяча восемьсот семидесятый год в апреле месяце под № 8 записано: Владимир родился 10-го, а крещен 16-го числа апреля. Родители его: коллежский советник Илья Николаев Ульянов и законная жена его, Мария Александровна, оба православного исповедания. Восприемниками ему были: действительный статский советник Арсений Федоров Белокрысенко¹ и вдова коллежского асессора Наталья Иванова Ауновская².

Из метрического свидетельства В. И. Ленина. Центральный музей В. И. Ленина.

Семья, в которой вырос Владимир Ильич, была очень дружна. Он был третьим ребенком, очень шумным, с бойкими, веселыми карими глазами.

Володя и его сестра Оля, которая была на полтора года моложе его, росли очень живыми и бойкими детьми. Они

¹ Арсений Федорович Белокрысенко был управляющим удельной конторой в Симбирске, членом статистического комитета. Вместе с Ильей Николаевичем он состоял также действительным членом комитета Карамзинской библиотеки.

² Наталья Ивановна Ауновская — мать Владимира Александровича Ауновского, учителя-естественника, друга и сослуживца И. Н. Ульянова по Пензе, Нижнему Новгороду и Симбирску (см. стр. 52—53 наст. издания).

Владимир Ильич с сестрой Ольгой
(1874 год).

любили шумные игры и беготню. Особенно отличался этим Володя, который обычно командовал сестренкой.

А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. М., 1955, стр. 6, 8.

Они (Володя и Оля.— *А. И.*) были неистощимы на выдумки различных игр, гоняли по саду и двору, лазали по деревьям, забирались в сарай и на чердак. Однажды, когда все собрались к обеду, отец спросил: а где же Володя и Оля? Мать кивнула наверх и ответила: «Там, на чердаке, играют в индейцев».

Воспоминания М. И. Ульяновой. Цит. по ст. Ю. Махиной и Г. Хаита «В семье». «Пионер», 1960, № 4, стр. 19—20.

Хотя он (Володя.— *А. И.*) и любил пошалить, но был послушным: слово матери и отца для него было законом. Он выполнял все, что они ему говорили. И в семье его очень любили.

А. И. Ульянова-Елизарова в передаче В. Д. Бонч-Бруевича. В. Бонч-Бруевич. Наш Ильич. М., 1962, стр. 10.

...Все семейство (Ульяновых.— *А. И.*) провело в нашем именье «Назарьевка» при селе Ново-Никулино около 6 недель. В их распоряжение предоставили большую канцелярию мужа и его «камеру» мирового судьи, которую на летнее время перевели в пустую школу в Ново-Никулине. Провели время они у нас очень приятно, особенно дети... Старшие дети много читали, а маленькие целыми днями бегали по саду. Утренний чай, по своему желанию, пили они в своем помещении, и дети всегда бывали очень рады, когда им к чаю приносили свежее домашнее печенье.

Воспоминания Г. Назарьевой. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

...С осени 1875 года Ульяновыми было смещено несколько квартир, пока летом 1878 года Илья Николаевич

Дом в Симбирске, в котором жила семья Ульяновых с 1878 по 1887 год. Вид со двора.

не купил дом в конце Московской улицы, ближе к реке Свияге¹.

А. И. Ульянова-Елизарова. Цит. по кн. В. Алексеева и А. Швера «Семья Ульяновых в Симбирске». М.—Л., 1925, стр. 58.

Дом (Ульяновых.— А. И.) был деревянный, одноэтажный, с антресолями, т. е. наверху, непосредственно под

¹ Со Стрелецкой улицы семья Ульяновых в 1875 году переехала на Московскую улицу, в дом Анаксагорова (теперь улица Ленина, 72). В следующем, 1876 году Ульяновы снова сменили квартиру, переехав на Покровскую улицу, в дом Косолапова (теперь улица Льва Толстого, 28). В этом доме они прожили два года. Здесь 6 февраля 1878 года родилась Мария Ильинична. Оба эти дома сохранились до сих пор, почти не изменив своего вида.

2 августа 1878 года Илья Николаевич Ульянов купил дом с усадьбой на Московской улице (теперь улица Ленина, 58), в котором семья Ульяновых жила до 1887 года, то есть до своего отъезда из Симбирска.

крышей, рядом с чердаком, было несколько маленьких комнат, выходявших окнами во двор.

Фасадом дом выходил на Московскую улицу, тогда пыльную и грязную, с деревянными тротуарами. Если идти от центра города (Симбирска.— *А. И.*) на запад, к реке Свияге, дом был с левой стороны улицы. Внизу было пять больших комнат (с востока на запад), зала, кабинет отца, так называемая проходная, мамина комната и столовая, кроме того, было две прихожих (с востока и с запада). Внизу же на запад была кухня, через холодные сени.

Наверху в антресолях были четыре маленькие комнаты: две к западу — Анина и детская, и две к востоку — Саши и Володи. Обе эти половины антресолей имели две внутренние лестницы, связывавшие верх с низом через две прихожие. Летом же обе половины антресолей соединялись между собой также балконом между Аниной и Сашинной комнатами.

Дм. Ульянов. Детские годы Владимира Ильича. «Красная новь», 1938, № 5, стр. 141.

Обстановка (в доме Ульяновых.— *А. И.*) была самая простая, какая вообще часто встречалась у разночинцев средней руки, многое покупалось по случаю, вообще определенного характера не было. Портретов и картин на стенах не было, вообще обстановка носила пуританский характер. Объясняется это отчасти вкусами и образом жизни Ильи Николаевича, отсутствием средств и отчасти художественного образования, вообще в Симбирске того времени не имевшегося.

Так как Мария Александровна была очень хорошая музыкантша, любившая и хорошо понимавшая музыку, то музыка в семье значила многое, но в других отраслях искусства подготовки не было. Были географические карты, отец приобретал их для детей... Для детей выписывались журналы, была коллекция производств шелка, шерсти, бумаги и т. п., был еще зоологический атлас...

В семье большое значение имели книги, их было много...

Протокольная запись выступления А. И. Ульяновой-Елизаровой на заседании комиссии по реставрации дома В. И. Ленина, 16 июня 1929 года. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

Кабинет Ильи Николаевича.

Первая комната... была залой, соседняя с ней небольшая комната — кабинет И(льи) Н(иколаевича) ¹. Кабинет от следующей, 3-й, самой большой... от бывшей столовой,

¹ Кабинет Ильи Николаевича представлял собой небольшую комнату, выходящую двумя окнами на улицу. На окнах занавеси из сурового полотна. В простенке между окон письменный стол, около стола круглое венское кресло. В углу кабинета книжный шкаф, заполненный педагогической литературой. На круглом сто-

отделялся сплошной стеной. В кабинет вели две двери: из залы и проходной комнаты из передней. За этой проходной во двор была другая проходная, в которой за занавеской помещалась Мария Александровна. Особенно мне памятни 2 из этих комнат, в которых мне чаще всего приходилось бывать и которые резко отличались одна от другой по своему характеру и царящей в них атмосфере, — это кабинет И(лья) Н(иколаевича) и столовая¹.

Первая была рабочей деловой комнатой, в ней невольно настраиваешься на серьезный деловой тон. В этой комнате казалось неудобным вести праздные, пустые разговоры. Сам хозяин этой комнаты И(лья) Н(иколаевич) в ней строг и серьезен. Вторая, в которой сосредоточивалась вся жизнь семьи, носила мирный, патриархальный характер.

Хозяйкой этой комнаты была М(ария) А(лександровна), сдержанная, спокойная, приветливая, окруженная детьми. Здесь я видела М(арию) А(лександровну) с доброй, приветливой улыбкой, сидящей за чайным столом. Сам И(лья) Н(иколаевич) в этой комнате казался не хозяином, а гостем — здесь можно было и пошутить и посмеяться.

Воспоминания В. В. Кашкадамовой
(«Юбилейный сборник», стр. 38).

В эту комнату (столовую. — А. И.) семья Ульяновых сходилась к обеду, к чаю. Сюда же она собиралась по вечерам после дневных занятий. Столовая была местом коллективной учебы детей, ручных работ, игр. Это была их, как называется по-немецки, «Wohnzimmer» (жилая комната. — А. И.). Дети учили здесь свои уроки, читали книги, играли в шахматы, а Мария Александровна шила на машинке: она сама обшивала по большей части своих детей. В этой

лике перед кушеткой лежат журналы: «Вестник Европы», «Современник», «Отечественные записки». На стене карта Симбирской губернии.

¹ Столовая — самая просторная комната в доме. Посредине комнаты большой обеденный стол, над ним висячая лампа. В углу шкаф для посуды, на подоконниках и тумбочках цветы. Мария Александровна очень любила цветы и сама их разводила. У окна старинная швейная машинка. На стене часы с гирями и географические карты Европы и Азии (см. путеводитель «Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске», изд. 6. Куйбышев, 1945, стр. 48).

же комнате дети Ульяновых по субботам вечером читали и обсуждали свой журнал «Субботник», который они сами составляли¹.

Из «Путеводителя по Дому-музею В. И. Ленина в г. Ульяновске». Под редакцией А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.—Л., 1931, стр. 32—33.

К обеду мы собирались все вместе и очень весело обедали, рассказывая все, что было днем. Мать и отец с терпеливым вниманием выслушивали все наши детские суждения и принимали близкое участие во всех наших делах.

А. И. Ульянова-Елизарова в передаче В. Д. Бонч-Бруевича. «Семья и школа», 1946, № 10—11, стр. 9.

В столовой во время обеда мама сидела у западного конца стола, папа у восточного. По правую руку папы сидел Саша. Около мамы сидели мы, маленькие,— я и Маня. У остальных постоянных мест не было, я их не помню...

В столовой на стол часто ставился букет цветов; весной, например, всегда стоял букет сирени, и ребята искали в нем «счастье», то есть цветки с пятью и больше лепестками.

Д. И. Ульянов в записи А. Каверзиной. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

Мы, посторонние, садимся (в столовой.— А. И.) обыкновенно за длинную сторону стола, обращенную к окнам, направо от Ильи Николаевича, сидевшего обычно за короткой стороной, на председательском, так сказать, месте. По другую длинную сторону стола располагались подле Марии Александровны, сидевшей за самоваром, дети. Володя занимал крайнее место в углу,— всего ближе к отцу. Так как я садилась, продолжая иногда беседу, тоже к ближайшему от Ильи Николаевича краю, то Володя приходился против меня...

В. Кашкадамова. Мое знакомство с гимназистом Володией Ульяновым. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

¹ О журнале «Субботник» см. подробнее на стр. 197—198 наст. издания.

Столовая (в доме Ульяновых.— *А. И.*) была оклеена темными обоями. Мягкая мебель в гостиной была обита красной материей.

Воспоминания *Л. П.* и *В. П. Дмитриевых.*
Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

Просторная зала с мягкой мебелью, обитой бумажной материей, с роялем, пальмой и т. п. говорит, что здесь жила семья среднего достатка... Никаких приемов гостей и званых вечеров, кроме редких детских праздников, эта зала не видела в своих стенах...

Нахлопотавшись за день по хозяйству, Мария Александровна часы своего отдыха проводила за роялем...

На рояле лежат некоторые ноты (подлинники), принадлежавшие Марии Александровне и Ольге Ильиничне...

На письменном столе (в кабинете.— *А. И.*), за которым работал Илья Николаевич, стоит письменный прибор (подлинник), подаренный Илье Николаевичу его сослуживцами — учителями в 25-летие его служебной деятельности, в 1880 г. Тут же на столе в витрине лежат черновики Ильи Николаевича: его рукой написанные отчеты по народному образованию, о педагогических курсах, об учительских съездах.

На кушетке лежит вышитая подушка (подлинник) работы сестры Владимира Ильича — Ольги Ильиничны.

Илья Николаевич и спал на диване в своем кабинете, который заменял ему и спальню...

Рядом с комнатой Александра Ильича, в угловой, с одним окном во двор, комнатке, расположенной над лестницей, помещался Володя Ульянов¹.

Из «Путеводителя по Дому-музею В. И. Ленина в г. Ульяновске». Под редакцией *А. И. Ульяновой-Елизаровой.*
М.—Л., 1931, стр. 10, 11, 12, 15—16, 25.

Дом был куплен вместе с участком. Во дворе лежало большое дубовое бревно. Решили это бревно использовать на поделки. Оно было распилено на несколько досок. Из

¹ Комната Владимира Ильича была проходной. Убранство ее составляли железная кровать, покрытая белым тканевым одеялом, деревянный стол и два венских стула. На стене самодельная полка с книгами и учебниками, географическая карта.

них отец заказал 12 стульев, их сделали складными из отдельных планок.

Стулья ничем не красились и не лакировались. Дуб оставался в натуральном виде. Они были поставлены в столовой вокруг обеденного стола, но так как эти стулья были малоудобны, то из столовой их убрали, а вместо них поставили венские.

Д. И. Ульянов в записи *А. Каверзиной*.
Дом-музей *В. И. Ленина* в Ульяновске.

При нем (то есть при доме. — *А. И.*) был большой зеленый двор и молодой, но довольно обширный садик, большей частью фруктовый. Все место тянулось на целый квартал, и калитка в заборе сада давала возможность выйти на следующую, Покровскую, улицу¹. Окраинные, заросшие сильно травой улицы, прелестный цветник, которым заведовала мать, изобилие ягод и плодов, а также близость реки Свияги, куда мы ходили ежедневно купаться, делали этот уголок недурным летним пребыванием (конечно, воздух был все же городской, с деревней не могло сравниться). Мы подолгу гуляли в теплые летние вечера или сидели на увитой цветами терраске, а в особенно душные ночи вытаскивали на нее матрацы и спали на ней.

А. И. Ульянова-Елизарова («*А. И. Ульянов*», стр. 57).

Садик был большей частью фруктовый: в нем были яблони, вишни и ягодные кусты различных сортов. Был также хорошенький цветник. Всем этим заведовала мать, очень любившая садоводство. Рабочих рук, кроме нанимаемых иногда для окопки яблонь и тому подобных трудных весенних или осенних работ, не было. Мы все помогали.

Помню летние вечера после сухих, жарких дней и всех нас с лейками, с ведрами, с кувшинами — со всякой посудой, в которую можно было набрать воды, накачивающими воду из колодца и путешествующими в сад к грядкам и

¹ Через сад Ульяновы летом ходили купаться на реку Свиягу, а зимой — кататься на общественном катке, который устраивался на той же реке.

обратно. Помню, как быстро мчался оттуда с пустой лейкой Володя.

Лакомились мы вволю ягодами и фруктами. Но это происходило не беспорядочно, известная дисциплина была и тут. Так, нам разрешалось, когда яблоки поспевали, подбирать и есть так называемую «падаль», то есть упавшие на землю подточенные червем яблоки, но с деревьев мы не срывали. Затем был известный порядок: с каких деревьев есть раньше — скоропортящиеся сорта, — а какие собирать для варенья и на зиму. И в результате мы ели вдоволь в осенние месяцы и у нас хватало на всю зиму.

Помню, как все мы были возмущены одной гостьей-девочкой, которая попыталась показать нам свою удачу тем, что с разбегу откусила от яблока на дереве и промчалась дальше. Нам было чуждо и непонятно такое озорство. Точно так же и с ягодами: нам указывались гряды клубники, или части малинника, или вишневого лесочка, где мы могли «пасться», оставляя нетронутыми более поздно созревающие или предназначенные на варенье части ягодника. Помню, как удивлялись знакомые, видя, что три стройных вишневых дерева близ беседки — место вечернего чая летом — устояли, все осыпанные ягодами, до 20 июля (день именин отца) и что при всей доступности их и обилии ягод никто из детей не тронул их.

— Дети могут кушать ягоды в другой части сада, а эти деревья я просила их не трогать до двадцатого, — говорила мать.

А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. М., 1955, стр. 29—30.

Сослуживцев у отца в первые годы не было. Таковые появились лишь с 1874 г., когда он был назначен директором, а ему в помощь были даны инспектора. С этими помощниками завязались... тесные семейные связи и у меньших (то есть у Володи, Ольги, Дмитрия и Марии. — *А. И.*) были среди их детей приятели.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 42).

Посещали Ульяновых во время жизни их в Симбирске следующие лица:

Романовская — народная учительница.

Кашкадамова — народная учительница.

Назарьев с женой.

Инспектора народных училищ: Стржалковский, Кра-
сев, Фармаковский, Ишерский, Зимницкий¹ (без семьи),
Аммосов (без семьи).

Со слов *А. И. Ульяновой-Елизаровой* за-
писано *А. Медведевой*. Дом-музей *В. И. Ле-
нина* в Ульяновске.

Обычно лечащим врачом в нашей семье в эти годы был *А. А. Кадыян*²... Это был очень знающий и опытный врач, идейный работник и деликатный человек. В Симбирске он пользовался большой популярностью, бывал и в нашем доме. Отец и мать относились к нему очень хорошо.

М. Ульянова, стр. 69.

Доктор Кадыян был выслан в Симбирск под надзор полиции. Никакой революционной организации вокруг него не было. Были знакомые, сочувствующие. *Илья Николаевич*, как ведавший крупным отделом народного образования, не мог, конечно, вести знакомство с поднадзорными, если хотел удержать за собою работу, а в ней, как уже было указано, сосредоточивался главный смысл его жизни. Немногочисленный круг его знакомых состоял как раз из людей, интересующихся тем же делом. *Александр* и *Владимир Ильичи* были очень молоды... В те годы поли-

¹ Инспектор *В. Зимницкий* работал с *И. П. Ульяновым* только один 1874/75 учебный год.

² В Симбирске хирург *Александр Александрович Кадыян (1849—1917)* прожил ряд лет, работая в губернской больнице. Затем уехал в Петербург, где стал приват-доцентом медико-хирургической академии. *Н. С. Таганцев* вспоминает, что он слышал об *И. Н. Ульянове* «от Кадыяна, который знал его и его жену во время своей подневольной высылки в Симбирск после оправдания по процессу 193-х. Отзывы Кадыяна были о них весьма сочувственные» («Пережитое», выпуск II. П. 1919, стр. 32). С 1900 года *А. А. Кадыян* — профессор женского медицинского института в Петербурге.

тические убеждения не определялись так рано. Да вряд ли и Кадьян стал бы принимать зеленую молодежь: он был в то время чересчур на виду в Симбирске, которым заменили ему Сибирь, и не захотел бы рисковать. Как известно, его революционная карьера этой высылкой и кончилась.

Примечание *А. Елизаровой* в кн. В. Алексеева и А. Швера «Семья Ульяновых в Симбирске». М.—Л., 1925, стр. 51.

Бывало, придя к И(лье) Н(иколаевичу) по делу, сидим в кабинете, обсуждаем достоинства и недостатки учебников Евтушевского¹ и Шохор-Троцкого² (только что вышедшие). Дверь кабинета тихо отворяется, и М(ария) А(лександровна) с улыбкой спрашивает: «Илья Николаевич, скоро вы кончите? У нас самовар уже готов». Илья Николаевич встает, потирая руки: «Сейчас, сейчас». «Идемте чай пить», — говорит он мне. Деловые разговоры кончаются, они не выходят из порога директорского кабинета, и мы, весело разговаривая, идем в столовую; там уже собралась вся семья.

И(лья) Н(иколаевич) шутит, говорит о школе часто в ироническом тоне, рассказывает школьные анекдоты, а у него их было много. Все смеются, всем весело.

Тепло и уютно чувствуешь себя в этой дружной семье. Дети болтают, рассказывают события из своей жизни, а бойче всех говорит Володя и вторая сестра его, Оля. Так и звенят их веселые голоса и заразительный смех. Старшего сына, Александра, еще нет в столовой: он не торопится оторваться от своих занятий, и нужно кому-нибудь из детей еще раз напомнить ему, что самовар на столе.

Сойдет, бывало, серьезный. Илья Николаевич подтрунивает над будущим ученым-химиком, над его увлечением

¹ *Евтушевский Василий Андрианович (1836—1888)* — методист-математик, редактор журнала «Народная школа», автор широко распространенных в России сборников арифметических задач и методических трудов: «Руководство для учителей и учительниц к преподаванию начальной арифметики в народных школах» (1875) и «Методика приготовительного курса алгебры» (1876).

² *Шохор-Троцкий Семен Ильич (1853—1923)* — педагог, методист-математик. Его работы посвящены преимущественно вопросам преподавания математики в начальных классах школы («Методика арифметики», «Арифметический задачник для учителей начальных школ», «Арифметический задачник для учеников начальных школ», «Геометрия на задачах» и другие).

наукой¹. Он молча слушает и снисходительно улыбнется. В общем разговоре он мало принимает участия. Выпив свой чай, посидев немножко, отправляется опять наверх.

Иной раз зайдет кто-нибудь из хороших знакомых Ульяновых провести вечер. Обычными посетителями их дома были люди из педагогического мира — семья инспектора нар(одных) уч(илищ), директор чувашского училища Яковлев и преподаватели средних и низших учебных заведений.

Воспоминания *В. В. Кашкадамовой* («Юбилейный сборник», стр. 38—39).

...Разговор между взрослыми касается какого-нибудь серьезного вопроса, и выражение лица сидящего против меня Володи резко меняется: он даже как-то крепче и плотнее усаживается на стуле и, ссутулясь несколько, поглядывая на говоривших как-то исподлобья, причем упрямый завиток падал ему спереди на лоб, весь превращается в слух и внимание. По выражению его лица можно было прочесть его отношение к затронутому вопросу: оно было то одобрительное, то недоумевающее; порою брови его сдвигались. Время от времени слышались его короткие замечания: «Гм», «Ну да!», «Нет», «Почему?» Видно было, что он близко принимал к сердцу то, о чем говорили старшие. Когда речь заходила о какой-нибудь несправедливости, то не только лицо, а вся фигура его выражала негодование.

Илья Николаевич иногда просто усмехался, продолжая разговор, иногда приостанавливался, возражая Володе; но тот не всегда соглашался, а вступал порою в спор с отцом, доказывая горячо свое мнение. Тогда Илья Николаевич тоже серьезно объяснял Володе непонятое им. Вообще в семье Ульяновых дети всегда свободно и просто обращались к родителям и вступали в общий разговор, — от них никогда не отмахивались, им давали всегда ответ или объяснение.

В. Кашкадамова. Мое знакомство с гимназистом Володи Ульяновым. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

¹ «Он у нас живет философом в пустой кухне», — шуточно общал Илья Николаевич В. А. Калашникову, когда Александр из-за ремонта в доме устроил химическую лабораторию в отдельно расположенной кухне, чтобы не отравлять воздух домашним.

Семья Ульяновых пользовалась в Симбирске репутацией идейной, деловой, скромной семьи.

Воспоминания *В. Никифорове*. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

В доме Ульяновых царил дух взаимного доверия, любви и уважения к свободе друг друга. Не было ни споров из-за будничных интересов текущего дня, ни дразг, столь обычных в обывательской среде, ни конкуренции из-за личных благ жизни. В этом смысле семья Ульяновых представляла из себя положительно аристократию духа, и Владимир Ильич в сугубой степени усвоил в своей дальнейшей жизни эту черту щепетильности по отношению к окружающим его людям, боязни скандалов на почве столкновения каких-нибудь обывательских претензий и огромного благородства в элементарно-жизейском смысле этого слова...

Вся эта атмосфера хорошей, пропитанной традициями общественности, разночинной семьи не могла не наложить своей печати на личность юного Ильича...

П. Лепешинский. Жизненный путь Ильича. Л., 1925, стр. 4, 5.

У нас в России в 60-е годы в художественной литературе всячески высмеивался бюрократизм, особенно высмеивали его поэты «Искры» (поэты-чернышевцы). Поэты «Искры» (Курочкин¹, Жулев² и другие) сильно влияли на наше поколение, всячески клеймя бесчисленные проявле-

Курочкин Василий Степанович (1831—1875) — поэт, один из руководителей тайного революционного общества «Земля и воля». Совместно с художником-карикатуристом Н. А. Степановым издавал сатирический журнал «Искра» (1859—1873) революционно-демократического направления.

² *Жулев Гавриил Николаевич (1836—1878)* — поэт-сатирик, актер Александринского театра в Петербурге. С 1860 года печатался в журнале «Искра», с 1865 года — в «Будильнике». Легкие сатирические куплеты и пародийные шутки Жулева — это поэзия городской бедноты с ее презрением к знати.

Семья Ульяновых
(1879 год).

ния бюрократизма, волокиты, взяточничества. Стихи поэтов «Искры», всевозможные анекдоты о бюрократизме были своеобразным интеллигентским фольклором 60-х годов... В семье Ульяновых эта литература была очень в ходу.

И. К. Крупская. Воспоминания о Ленине.
М., 1957, стр. 421.

В доме Ульяновых всегда имелись в изобилии книги отечественных писателей. Илья Николаевич и Мария Александровна были большими любителями литературы.

Илья Николаевич очень любил цитировать Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Рылеева, братьев Курочкиных, Салтыкова-Щедрина, Тютчева... А Мария Александровна (я это знаю со слов моей матери) даже переписывала «Демона» Лермонтова, когда это произведение еще не было напечатано, а только переписывалось от руки¹. Записывала она и стихотворения многих авторов, даже и неизвестных.

И. Веретенников. Что читал Володя Ульянов. «Пионерская правда», 1956, 31 июля.

Марья Александровна среди знакомых дам городского общества пользовалась репутацией большой домоседки. Илья Николаевич — живой, энергичный, с приветливой улыбкой² — заслужил общую симпатию своей простотой в обращении, полной доступностью и искренней готовностью помочь всякому, кто нуждался в его помощи.

В. Калашников («А. И. Ульянов», стр. 276—277).

...Илья Николаевич и его супруга, Мария Александровна, отдавали своим детям все свое внимание и воспитывали их по последнему слову педагогических наук, тогда вдруг вошедших в интеллигентные слои общества после реформ шестидесятых годов, освобождения крестьян, устройства новых судов, учреждения земств и т. п. Состоя

¹ Поэма «Демон» была закончена автором в 1841 году, но впервые полностью напечатана в России лишь в 1860 году в первом томе собрания сочинений М. Ю. Лермонтова под редакцией Дудышкина. В течение долгого времени по рукам ходили многочисленные списки поэмы с резко различавшимися текстами, иногда искусственно комбинировавшимися переписчиками.

² «Фотографические карточки Ильи Николаевича, — говорит Н. Веретенников, — по-моему, хорошо передают его лицо. Роста он был небольшого, худощавый, очень подвижной, с выразительными карими глазами, часто оживляемыми улыбкой» (цит. книга, стр. 33). Хирург и глазной врач Г. И. Суворов, державший у Ильи Николаевича экзамен в Алатырской школе, рассказывает, что по своей внешности он очень напоминал знаменитого Пирогова.

учителем в симбирской чувашской школе, находившейся в ведении Ильи Николаевича, часто бывая в их доме по делам службы, я еще раньше имел случаи наблюдать, как тщательно они следят за развитием своих детей, давая им разумные игры, разумные ответы на детские вопросы и всегда окружая их теплотой родительской ласки.

В. Калашиников («А. И. Ульянов», стр. 276).

Илья Николаевич привил нам чувство любви к трудовому народу, которому он отдавал все свои силы и знания. Он был для нас авторитетом, примером высокой культуры, образованности, трудолюбия, честности, благородства чувств. Огромное влияние на нас оказала мать, Мария Александровна, сочетавшая в себе лучшие качества матери-педагога: безграничную любовь к детям, большой ум, организованность, жизнерадостность, чуткость и такт, твердость воли и силу характера.

В нашей семье был единый фронт воспитания. Дружба и взаимопомощь сказывались во всем: в учении, в физическом труде, в играх и забавах, в «художественной самодеятельности», в физкультурных занятиях.

Воспоминания Д. И. Ульянова в записи А. Кондакова. «Семья и школа», 1960, № 4, стр. 16.

Илья Николаевич был образцовым семьянином, и между ним и матерью, к которой он был глубоко привязан, дети никогда не видели никаких ссор и семейных сцен. Они жили всегда очень дружно. Не было между ними и споров или несогласий в вопросах воспитания... и дети видели всегда перед собой «единый фронт»...

Но в то же время своим веселым общительным нравом, горячей любовью к детям, стремлением порадовать и повеселить детей, не стеснять без нужды их свободы отец и мать привили им большую жизнерадостность, крепкую любовь к жизни. Счастливое детство, полное самоотверженной любви и внимания, оказало благотворное влияние на всю их дальнейшую жизнь.

М. Ульянова, стр. 63, 64—65.

Чувствуя искреннюю любовь, видя, что их интересы всегда на первом плане у родителей, дети и сами приучились отвечать тем же. Дружной, спаянной была наша семья. Жила она очень скромно... но все же ни в чем необходимом дети не нуждались, и их духовные запросы, по возможности, удовлетворялись.

Мы видим, таким образом, что семейная обстановка и условия воспитания были очень благоприятны для развития ума и характера детей. Детство Владимира Ильича и его братьев и сестер было светлое и счастливое.

А. И. Ульянова-Елизарова («Воспоминания о В. И. Ленине», 1, стр. 12).

Неоднократно бывая у него (то есть у Володи.— *А. И.*) в доме, я видел серьезную и культурную работу всей семьи Ульяновых: отец Илья Николаевич был занят беседами с народными учителями о повышении их квалификации и об улучшении хозяйственного положения начальных школ г. Симбирска и всей губернии; писал отчеты по народному образованию, о педагогических курсах и об учительских съездах. В его кабинете находилась карта Европы, которой мы пользовались при подготовке уроков географии. Мать Вл(адимира) Ильича, Мария Александровна, очень образованная и добрая женщина, всецело была занята воспитанием своих детей и хлопотами по хозяйству. В доме Ульяновых был установлен полный порядок дня; каждый занимался своим делом, разгильдяйству и расхлябанности не было места.

М. Ф. Кузнецов. Юношеские годы Вл(адимира) Ильича Ульянова-Ленина. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

Не могу не указать, как мне вспоминается, в детстве, когда мне было 5—7 лет, вечер в нашем доме. Везде и на всем лежит отпечаток рабочей обстановки. Отец сидит за работой в своем кабинете. Наверху, в антресолях, каждый у себя в комнате, сидят за книгами братья Саша и Володя. Внизу, в столовой, за большим столом сидит за шитьем или другой работой мать. Тут же около нее с книгами и тетрадями сидят сестры Аня и Оля, здесь же и мы, мень-

ние (Митя и Маня), тихо чем-нибудь занимаемся. Шуметь и мешать старшим строго запрещается. Бывало, только кто-нибудь из нас запищит или Володя, кончив занятия, сбежит вниз и начнется шум, сейчас же является отец и строго говорит: «Что это за шум? Чтобы я больше этого не слышал!» — и все опять стихнет. В крайнем случае отец берет провинившегося к себе в кабинет и усаживает при себе за какую-нибудь работу.

Порядок в общем был строгий.

Дм. Ульянов. Детские годы Владимира Ильича. «Красная новь», 1938, № 5, стр. 145.

Ярко характеризует семейную обстановку в нашем доме и стремление родителей всячески поощрять развитие детей, их отношение к опыту издания старшими из них еженедельного рукописного журнала. Журнал этот под названием «Субботник» (он выходил по субботам) возник по инициативе старшего брата Александра, который привлек к участию в нем, кроме Анны, также Владимира и Ольгу.

Журнал иллюстрировался карикатурами из наиболее забавных случаев семейной жизни, в нем помещались ребусы, загадки и пр., что лежало на Александре Ильиче.

М. Ульянова, стр. 65.

Особенно яркое впечатление оставила одна его (Александра Ильича.— *А. И.*) затея: выпускать еженедельный журнал, редактором которого он взялся быть. Журнал этот получил название «Субботник», потому что должен был появляться по субботам. Скажу мимоходом, что суббота была нашим любимым днем: уроки можно было отложить на воскресенье, а в субботний вечер дать себе некоторый отдых в семейном кругу. Каждый из нас должен был за неделю написать что-нибудь на свободно выбранную тему; все эти листки передавались Саше, который вкладывал их без всяких изменений в приготовленную им обложку, добавлял что-нибудь от себя. И вот номер был готов и читался вечером в присутствии отца и матери, принимавших самое живое участие в нашей затее, к которой они отнеслись чрезвычайно сочувственно.

Помню их оживленные, довольные лица; помню какую-то особую атмосферу духовного единения, общего дела, которая обволакивала эти наши собрания. Теперь, когда я гляжу назад, мне кажется, что эти вечера были апогеем коллективной близости нас, четверых старших, с родителями. Такое светлое и радостное оставили они воспоминание!

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 51—52).

Конечно, сложное и серьезное дело позволяет человеку, строго относящемуся к своим обязанностям, да еще и любящему это дело, уделять семье немного сравнительно времени, но из этого не следует еще, чтобы он (Илья Николаевич.— *А. И.*) совсем забывал о ней. Может быть, тем больше придется удивляться его энергии и неутомимости, но факт тот, что воспитание детей проходило под его главным и неусыпным надзором. И как мог бы, с другой стороны, такой горячий и верующий педагог, каким выставляется мой отец в статье г. Назарьева, оставить без внимания воспитание собственных детей?!¹

¹ В статье «Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета» («Симбирские губернские ведомости», 1894, 7, 11, 14 и 18 мая) В. Назарьев, между прочим, писал: «Что делалось в семье, как велось домашнее хозяйство, откуда явился новый вицмундир на месте пришедшего в совершенную негодность старого вицмундира, каким образом в карман попадал носовой платок, как и чем занимались дети — ничего этого Ульянов не знал благодаря заботливости своей деятельной жены».

Против замечания В. Назарьева, что Илья Николаевич «не знал, что делалось в семье, как и чем занимались дети», и возражает А. Ульянова.

«Мне приятно было прочесть,— пишет она в цитируемой статье,— верную действительности оценку общественной деятельности отца моего, не изгладившейся еще, надеюсь, из памяти и еще многих симбиряков, его сослуживцев и сотрудников».

Но если такую характеристику ближе всего сделать людям, на глазах у которых проходила эта неутомимая деятельность или которые хоть отчасти, хоть временно являлись пособниками в ней, то оценку человека с точки зрения его отношений к семье и к детям можно также делать только лицам, действительно близко знавшим его с этой стороны.

Г. Назарьев бывал довольно редко у нас в доме, мало видел отца в семье и, как видно из указанной статьи, мало знал отношения его к нам, его детям,— и в эту-то, правда, небольшую часть его статьи я и считаю долгом внести свою поправку».

Разве это не внутреннее противоречие, если бы даже он не был таким любящим отцом? А его и как отца и семьянина помнят еще в Симбирске, наверное, многие. Помнят, наверно, и бывшие по очереди в нашей семье домашними учителями Калашников, Лукьянов и Кабанов. Отец выбирал нам в первоначальные учителя лучших из питомцев своих педагогических курсов. И они помнят, конечно, беседы и советы отца и постоянный интерес его к нашим занятиям. Позднее эти беседы и совещания происходили с учителями гимназии, со многими из которых у отца были самые дружественные отношения.

А. Ульянова. К статье г. В. Назарьева «Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета». «Симбирские губернские ведомости», 1894, 15 октября

Когда я... бывала у них в доме и познакомилась со всеми детьми, то увидела, что с детьми он (Илья Николаевич.— *А. И.*) много занимался сам, хотя они учились в учебных заведениях и все дети были с прекрасной подготовкой, идя всегда впереди класса, в котором находились.

Воспоминания *Е. О. Педенко.* Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

И небольшие его (Илья Николаевича.— *А. И.*) досуги, которые он всего охотнее проводил в семье, давали детям очень много. А затем он и непосредственно руководил занятиями детей, главным образом двух старших сыновей в первые годы их школьной жизни, приучая их к исполнительности в уроках. Авторитет его в семье и любовь к нему детей были очень велики...

Обычно в семейном воспитании, как в музыкальной мелодии, доминирует одна нота. Равное отношение к детям не позволяет ослаблять ее для некоторых, а перегруженность своей работой не дает возможности с раннего детства определять уклон характера каждого с соответствующим ему особым педагогическим подходом. Но отец разбирал все-таки наши темпераменты. Помню, что он говорил как-то, что у брата Володи темперамент холерический, у Оли — сангвинический, а у меня — меланхолический.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 33, 49).

Илья Николаевич любил разделять своих детей на пары. В каждой паре было по мальчику и девочке.

— Плохих детей у меня нет, — говорил И(лья) Н(иколаевич), — но все-таки каждая пара совершенно отличается от других пар.

— Первая пара — Александр и Анна — люди способные и талантливые, и из них в будущем выйдет большой толк. Вторая пара — Владимир и Ольга — самая любимая, эти, пожалуй, будут получше старших и пойдут еще дальше. Третья пара — Дмитрий и Мария — народ тоже довольно способный, но сказать про них ничего еще нельзя.

В. В. Кашкадамова. Семейство В. И. Ульянова-Ленина в Симбирске. «Бакинский рабочий», 1926, 21 января.

Его (Ильи Николаевича. — *А. И.*) высокое иерархическое положение в губернской администрации заставляло его сдерживать проявление либеральных симпатий. А личность их для меня стала несомненна, когда я от Александра Ильича и Анны Ильиничны узнал, как их воспитывали, какова была их домашняя — скромная, трудовая — обстановка, занятия наукой, музыкой и систематическим чтением лучшей русской и мировой литературы.

И. И. Чеботарев («А. И. Ульянов», стр. 240).

Всех русских классиков мы прочли в средних классах гимназии. Отец рано дал их нам в руки, и я считаю, что такое раннее чтение сильно расширило наш горизонт и воспитало наш литературный вкус. Нам стали казаться неинтересными и пошлыми разные романы, которыми зачитывались наши одноклассники. Помню, как я начала «Петербургские трущобы»¹, которыми бредили в моем классе, и бросила скоро, ибо они вызвали во мне лишь скуку и отвращение.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 59).

¹ «Петербургские трущобы» В. В. Крестовского (1840—1895) — типичный авантюрный роман, в котором описания великосветской роскоши и разврата, нищеты и преступлений деклассированных низов столичного города избылуют мелодраматическими эффектами.

Брали нам также книги в Карамзинской библиотеке¹, имевшиеся детские и разные школьные хрестоматии. Так, помню сборник Гербеля «Русские поэты», который мы читали и перечитывали, из которого заучивали наизусть отрывки. У нас было в обычае готовить отцу и матери какие-нибудь сюрпризы к именинам и к праздникам... В раннем детстве мы могли самостоятельно выучить только стихи да разве еще переписать их покрасивее и вложить в конверты...²

Помню также, что из сборника Гербеля мы читали с увлечением «Дурочку» Майкова. Читали роман Вальтер Скотта «Айвенго» — по тогдашнему переводу «Ивангое» — и очень увлекались им.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 39, 40).

Любимым поэтом Ильи Николаевича был Некрасов. Он переписывал в юности из журналов некоторые стихотворения и старшему сыну (то есть Александру Ильичу. — *А. И.*) еще в детские годы отмечал те, в которых преобладали гражданские мотивы, как-то: «Песня Еремушке»³, «Размышления у парадного подъезда».

А. И. Ульянова-Елизарова. В. И. Ульянов (Н. Ленин). М.—Л., 1934, стр. 13.

¹ Семья Ульяновых имела в Карамзинской библиотеке три абонемента на имя Ильи Николаевича с залогом 15 рублей. По этим абонементам члены семьи Ульяновых брали книги в течение всех лет жизни в Симбирске. Библиотека помещалась в нижнем этаже здания «дворянского собрания». Сейчас здесь Дворец книги — областная библиотека имени В. И. Ленина.

² Некоторые из этих подарков хранятся в Доме-музее В. И. Ленина в Ульяновске. В преподнесенном Анной Ильиничной отцу голубом конвертике с надписью «Моему милому папе» вложено аккуратно переписанное ею стихотворение К. И. Коренева о Симбирске (см. стр. 79—80 наст. издания). В другом таком же конвертике — ее собственное стихотворение «Пастух». Александр Ильич подарил матери выпиленную им дощечку для хлеба. 1 апреля 1882 года маленькие Митя и Маня преподнесли Марии Александровне свою совместную фотографию.

³ О воспитательном значении «Песни Еремушке» Н. А. Добролюбов писал своему другу И. И. Бордюгову в сентябре 1859 года: «...Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить песню Еремушке Некрасова, напечатанную в сентябрьском «Современнике»... Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости...» (см. кн. В. Жданова «Николай Александрович Добролюбов». М., 1951, стр. 474).

У нас была в руках книжечка отца, — ранние стихотворения Некрасова, изд(ание) 1863 года¹. Помню, что одиннадцатилетним мальчиком, в третьем классе гимназии, Саша обратил мое внимание в этой книжке на «Песню Еремушке» и «Размышления у парадного подъезда». «Мне их папа показал, — сказал он, — и мне они очень понравились». И, не охотник до декламации вообще, Саша эти любимые свои стихотворения читал с большой силой выражения.

Таким образом, отец, одушевленный лучшими идеями конца шестидесятых и начала семидесятых годов, рано направлял в смысле общественных идеалов Сашу — своего старшего сына, лучшую надежду и несомненного любимца. Да характер его был таков, что его и нельзя было не любить. Со мною отец говорил на такие темы меньше, — я была больше в обществе матери и впитывала в себя лишь то, что слышала от Саши, и то, что было разлито вокруг.

Помню только, что в Кокушкине во время прогулок по полям отец любил петь положенное на музыку студентами его времени запрещенное стихотворение Рылеева²:

¹ Принадлежавшая И. Н. Ульянову книга «Стихотворения Н. Некрасова» (изд. 3, Спб., 1863, части первая и вторая) хранится сейчас в Доме-музее В. И. Ленина в Ульяновске. В ней много подчеркиваний, пометок, вписанных строк, которые не пропустила царская цензура. Многие из этих пометок сделаны Ильей Николаевичем. Так, например, в стихотворении «Поэт и гражданин» (часть вторая, стр. 79) после слов «Умрешь не даром» вписаны вычеркнутые цензурой слова: «...Дело прочно, когда под ним струится кровь». В том же стихотворении (стр. 82) вписаны вычеркнутые цензурой четыре строки, в которых говорится о декабристах:

...Но молчу. Хоть мало
И среди нас судьба являла
Достойных граждан. Знаешь ты
Их участь. Преклони колени.

Очевидно, при восстановлении изъятых цензурой строк использовались ходившие по рукам рукописные сборники произведений Некрасова, а также собственная тетрадь Ильи Николаевича, в которую он переписывал из «Современника» некоторые стихотворения своего любимого поэта. Таким образом, члены семьи Ульяновых имели возможность читать стихи Некрасова без пропусков.

² Стихотворение «По чувствам братья мы с тобой...» в течение долгого времени приписывалось то Рылееву, то Добролюбову, хотя еще в 1863 году в печати называлось имя подлинного автора — поэта-петрашевца Алексея Николаевича Плещеева (1825—1893).

...По духу братья мы с тобой,
Мы в искупление верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется
И, верю, тотчас отзовется
На неподкупный голос мой.

Мы невольно чувствовали, что эту песню отец поет не так, как другие, что в нее он вкладывает всю душу, что для него она что-то вроде «святая святых», и очень любили, когда он пел ее, и просили запеть, подпевая ему. Помню, что раз и по возвращении в Симбирск, на нашем дворе, я напевала ее,— мне было тогда лет 13—14,— и что мать подозвала меня и сказала, что я не должна здесь, в городе, петь эту песню, так как могу повредить отцу,— враги у всех есть, скажут: «вот какие запрещенные песни распеваются на дворе директора народных училищ». Ясно запомнила я эти слова матери: ведь это было первое мое знакомство с запрещенным.

Эта песня и, главное, то, как отец пел ее, показывает, что восхождение по чиновной лестнице не помешало ему сохранить до пожилых лет верность чему-то вроде клятвы, что заключалось в словах: «будем питать до гроба вражду к бичам страны родной»...

Любимым нашим поэтом был в то время Некрасов. Отец приобрел нам полное посмертное издание, и мы читали и перечитывали его¹. Особенно увлекались мы тогда «Дедушкой» и «Русскими женщинами»,— вообще интерес к декабристам был большой...

В последних классах гимназии прочли мы с Сашей от доски до доски всего Писарева, который имел тогда большое влияние на нас. Так, я отказалась брать уроки музыки: ведь Писарев подсмеивался над тем, что каждую барышню учат обязательно игре на фортепиано, хотя бы у ней было больше способности шить башмаки; ведь он

Первая и предпоследняя строки стихотворения здесь цитируются в ином варианте. Сравни (соответственно): «По чувствам братья мы с тобой...» и «И, верно, отзыв в нем найдется...» (см. А. Н. Плещеев. Избранное. М., 1960, стр. 78).

¹ Имеется в виду посмертное издание собрания сочинений Н. А. Некрасова в четырех томах, вышедшее в 1879 году под редакцией А. А. Буткевича, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. З. Елисеева и М. М. Стасюлевича.

говорил очень определенно, что, читая меньше 50 (или 100) страниц в день, никогда не будешь начитанным человеком, — а я с ужасом видела, что не успеваю выполнить этот минимум. Наконец, он указывал, что каждый молодой человек или девушка должны стремиться встать скорее на свои ноги и не висеть на шее у родителей.

Это последнее требование надало на подготовленную почву: ведь в нашем воспитании никакого барства, с которым боролся Писарев, не было. Наоборот, мы были склонны перегибать в этом вопросе палку. Так, я в первый год самостоятельного заработка не хотела разрешить матери шить мне что-нибудь из костюма не на мои деньги. Припоминаю еще такой факт. Летом 1882 г. в Москве открылась всероссийская выставка, и отец сказал мне, что думает поехать туда со мной и Сашей. И вот я, которая никогда не была в Москве, да и по Волге выше Казани не ездила, которая так любила наши ежегодные путешествия с отцом и с Сашей, вдруг отказалась от этого из ряда вон выходящего удовольствия, заявив решительно: «Нет, нам обоим через год придется в Петербург ехать учиться, сколько это будет стоить; не надо теперь на поездку в Москву тратить». Даже мать сказала мне: «Но если папа сам предлагает». Я стояла на своем. Саша, когда я сказала ему о мотивах отказа, поддержал меня, но мне показалось, что я подметила оттенок сожаления в его глазах. И можно себе представить, как много вынес бы из такой поездки он.

Теперь, когда я вспоминаю об этом случае, мне так досадно, что я лишила такого удовольствия отца, себя и, главное, Сашу, жизнь которого и без того была так коротка и так бедна радостями!..

Брали мы Писарева, запрещенного в библиотеках, у одного знакомого врача, имевшего полное собрание его сочинений¹. Это было первое из запрещенных сочинений, прочитанное нами.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 53—54, 57—58).

Илья Николаевич был крупным общественным деятелем, беззаветно борющимся с народной темнотой, с по-

¹ Этим знакомым врачом был очень популярный в Симбирске специалист по детским болезням Иван Сидорович Покровский, к которому в случае необходимости обращались члены семьи Ульяновых.

следствиями рабства, но он был сыном своей эпохи, и то, что так волновало его сыновей — Александра и Владимира, — то, о чем говорил Чернышевский, — характер реформы 1861 г., проведенной так, как того хотели помещики, выкупные платежи, отрезка у крестьян лучших земель — меньше волновало его: для него Александр II оставался царем-освободителем.

И. К. Крупская. О Ленине. М., 1960, стр. 30.

...Отец, не бывший никогда революционером, в эти годы, в возрасте за 40 лет, обремененный семьей, хотел уберечь нас, молодежь. Поэтому же, вероятно, следующим детям он никакого подчеркивания в смысле общественных идеалов не делал. По крайней мере, я не слыхала о них, а думаю, что неизвестным для меня это бы не осталось. Что же касается отношения к террору, то помню его в высшей степени взволнованным по возвращении из собора, где было объявлено об убийстве Александра II и служилась панихида (это было 16 марта 1881 года. — *А. И.*). Для него, проведшего лучшие молодые годы при Николае I, царствование Александра II, особенно его начало, было светлой полосой, и он был против террора. Он указывал потом с мрачным видом на более суровую реакцию при Александре III, — реакцию, сказавшуюся и на его деле.

Забегая вперед, скажу, что при разговоре отца по возвращении из собора Саша не присутствовал. Припоминаю, что мне не удалось завязать с ним разговор на эту тему, он больше отмалчивался. Но я тогда как-то не остановила на этом своего внимания. Теперь я думаю, что отец, говоривший на эту тему со мной, не мог не говорить с братом, с которым он вообще с детства больше беседовал по общественным вопросам. Тот факт, что я об этой беседе ни от одного из них не слыхала, показывает, что либо Саша определенно не согласился с отцом, либо он о своем, может быть, не вполне сложившемся мнении (ему не минуло еще в то время 15 лет) умолчал. И тогда либо он молчал со мной по той же причине, что и с отцом, либо, не согласившись с отцом, он молчал об этом по указанию отца, что говорить о своем несогласии ни дома, ни в гимназии не следует.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 55—56).

Любимым собеседником Анны Ивановны¹ был Илья Николаевич Ульянов (отец Владимира Ильича Ленина). Говорили они о литературе, о Глебе Успенском, цитировали Щедрина, и часто, отставая от группы гуляющих или присаживаясь на отдаленной скамейке в цветнике, они вели нескончаемые беседы. Их соединяла общность интересов, деревня, работа в земстве, школа, врачебная помощь населению — все это было так близко им обоим!

Воспоминания *Н. И. Веретенникова*, «Новый мир», 1956, № 3, стр. 205.

Особенно пленил меня образ одной сельской учительницы, о которой рассказывала отцу в Кокушкине, во время прогулки по полям, моя двоюродная сестра, студентка медицинских курсов (Анна Ивановна Веретенникова... *А. И.*). Она говорила о своей приятельнице, идейной народнице, которая, очевидно, не ограничивалась преподаванием грамоты ребятам, а собирала по вечерам крестьян, читала, беседовала с ними, сильно подняла их сознательность и вызвала большую любовь среди них к себе. В результате донос, обыск, допросы крестьян и удаленные, кажется, даже арест учительницы, к общему горю всей деревни.

Помню горячий, возмущенный тон рассказчицы, рисуемый ею идеальный образ учительницы, с подчеркиванием, что ничего антиправительственного в ее деятельности не было; помню отца — молчаливого, сосредоточенного, с опущенной головой. Помню, что и на мои позднейшие расспросы об этой учительнице он больше отмалчивался.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 54—55).

¹ *Веретенникова Анна Ивановна (1855—1887)* — одна из первых женщин-врачей в России, двоюродная сестра Владимира Ильича Ленина. Закончив в 1882 году высшие медицинские курсы в Петербурге, она поехала работать в глухой Белебеевский уезд, Уфимской губернии, видя в этом не только свой врачебный, но и гражданский долг. Для А. И. Веретенниковой были характерны страстная увлеченность своей профессией, самоотверженность, горячее стремление принести пользу родному народу. Ее «Записки земского врача» опубликованы в 1956 году в мартовском номере журнала «Новый мир».

Вечно занятый, горя на работе на благо своему любимому делу, отец и детям старался привить то сознание долга, которое было так сильно развито у него, выработать у них характер, волю, трудоспособность, развить

Необузданную, дикую
К лютой подлости вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду¹.

М. Ульянова, стр. 64.

Сознание необходимости образования для каждого, усиленной работы над собой для достижения его, почти благоговейное отношение к науке отличали Илью Николаевича всю жизнь и были с детства внушаемы детям...

Огромным фактором в воспитании было то, что отец являлся не чиновником, как подавляющее большинство служащих того времени, а идейным работником, не жалевшим трудов и сил на борьбу за свои идеалы. Дети, не видя его часто по неделям во время его разъездов, рано научались понимать, что дело — это нечто высшее, чему все приносится в жертву. Его оживленные рассказы об успехах строительства в его деле, о новых школах, возникавших по деревням, о борьбе, которой это стоило, и с верхами (власть имущими, помещиками), и с низами (темнотой и предрасудками массы), живо впитывались детьми.

А. И. Ульянова-Елизарова. В. И. Ульянов (Н. Ленин). М.—Л., 1934, стр. 13, 14.

У нас никогда не было репетиторов, и отец рано приучил нас обходиться без них и заниматься самостоятельно; но все же в меньших классах приходилось следить за исполнением наших уроков, что он и делал сам непосредственно, и сам начал одним летом изучать со старшим братом первые основания греческого языка, который в его

¹ М. Ульянова цитирует «Песню Еремушке» Н. А. Некрасова. Во второй строке по цензурным соображениям была допущена «опечатка» (выражение Н. А. Добролюбова, см. его письмо И. И. Бордюгову в сентябре 1859 года): вместо «лютой подлости» следует читать «угнетателям» (*Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, том II. М., 1948, стр. 58*).

время не был еще введен в гимназиях; кроме этого, он постоянно во всех классах разъяснял нам уроки по физике и математике, его специальным предметам, преподавателем которых он состоял более десяти лет и которые излагал очень хорошо. Мы обращались обыкновенно со всем непонятным в уроках к отцу (кроме новых языков, которые мы проходили под руководством матери), и помню, как я нередко сожалела по этому поводу о его отлучках по губернии. Помню, что он подолгу толковал мне написанную варварским языком грамматику Говорова¹ и имел терпение просматривать в планах или в готовом виде все мои сочинения, — я не подавала ни одного из них, не посоветовавшись сначала с отцом.

Едва только вернется он, бывало, из разъездов и сядет усталый за самовар, как мы уже окружим его, и он расширяет нас о занятиях, обо всем из нашей школьной жизни. И ничем нельзя его было порадовать так, как нашими успехами.

Но не только занятия в самом тесном смысле слова: отец следил за нашим чтением, он помечал нам лучшие произведения русской литературы, познакомив нас со всеми выдающимися писателями, чем развил, несомненно, наш вкус, так что нас уже просто не интересовали многие из глупых романов, которыми зачитывались тайком наши сверстники.

И все в нем: его речи, сама его личность, проникнутая верой в силу знания и добра в людях, — действовало, несомненно, развивающим и гуманизирующим образом и на детские души, и мы рано научились признавать необходимость и важность знания².

А. Ульянова. К статье г. В. Назарьева «Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета». «Симбирские губернские ведомости», 1894, 15 октября.

¹ Имеется в виду грамматика К. Г. Говорова «Опыт элементарного руководства при изучении русского языка практическим способом», вышедшая в 1862—1917 годах 26 изданиями.

² В этой же статье А. Ульянова пишет: «Я хотела только сказать, что мои детские и ученические воспоминания тесно связаны с образом отца, которого я, чем больше живу, тем больше начинаю ценить и уважать, не только как общественного деятеля, но и как семьянина — так же было и по отношению к другим детям...»

Отец стоял за раннее определение в школу, чтобы дети, особенно мальчики, привыкали к труду и втягивались в дисциплину, проходя гимназический курс с первых классов. Отличавшийся сам строгим выполнением долга и чрезвычайной исполнительностью, он считал важным привить эти качества и детям. Следя за уроками обоих старших сыновей (Александра Ильича и Владимира Ильича.— А. И.), он и до гимназии и во время прохождения ими младших классов приучал их к щепетильно точному, отчетливому выполнению всех уроков. Он боялся изнеживающего домашнего баловства, считал полезным поставить мальчиков раньше под мужское влияние. Кроме того, отец и не мог бы, при большой семье, иметь отдельных учителей для нас, даже помещать всех нас в платные школы было бы для него трудно: семья возрастала, а жить приходилось исключительно на небольшое жалованье отца. Я не раз слыхала от него в детстве, что только благодаря исключительному хозяйственному уменью и экономии матери мы сводим концы с концами. Министерские гимназии вследствие того, что отец был чиновником мин(истерства) нар(одного) просвещения, были бесплатны для его детей. За дочерей в маринской гимназии приходилось платить. Затем отец, бывший всегда слабого здоровья, не надеялся дослужить до пенсии, и судьба семьи все время очень заботила его. Он внушал нам, старшим, что, окончив гимназический курс, мы должны будем учить, ставить на ноги меньших братьев и сестер...

Тяжела была Саше гимназическая ляжка. Все время прохождения курса он не видел в гимназии ничего положительного, а смотрел на нее только как на необходимый мост в университет. Первые же годы были прямо тягостны для него. Несомненно, что этот девятилетний искус¹ еще больше закалил его и без того твердый характер, но больно подумать, насколько тягостен был он в первые годы для ребенка, выросшего в культурном семейном уголке. Убежденный в необходимости этой ляжки, он не жаловался и не заикался о возможности какого-либо иного выхода. Он только еще больше замкнулся в себе, а его всегда грустные глаза стали еще грустнее. Т. е. он не скрывал, конечно, от

¹ Александр Ильич начал занятия в Симбирской гимназии в 1874 году, с пригготовительного класса. Таким образом, весь гимназический курс длился для него не восемь, а девять лет.

домашних, что ему тяжело и все в гимназии не нравится, но он вел себя с самого начала как мужчина.

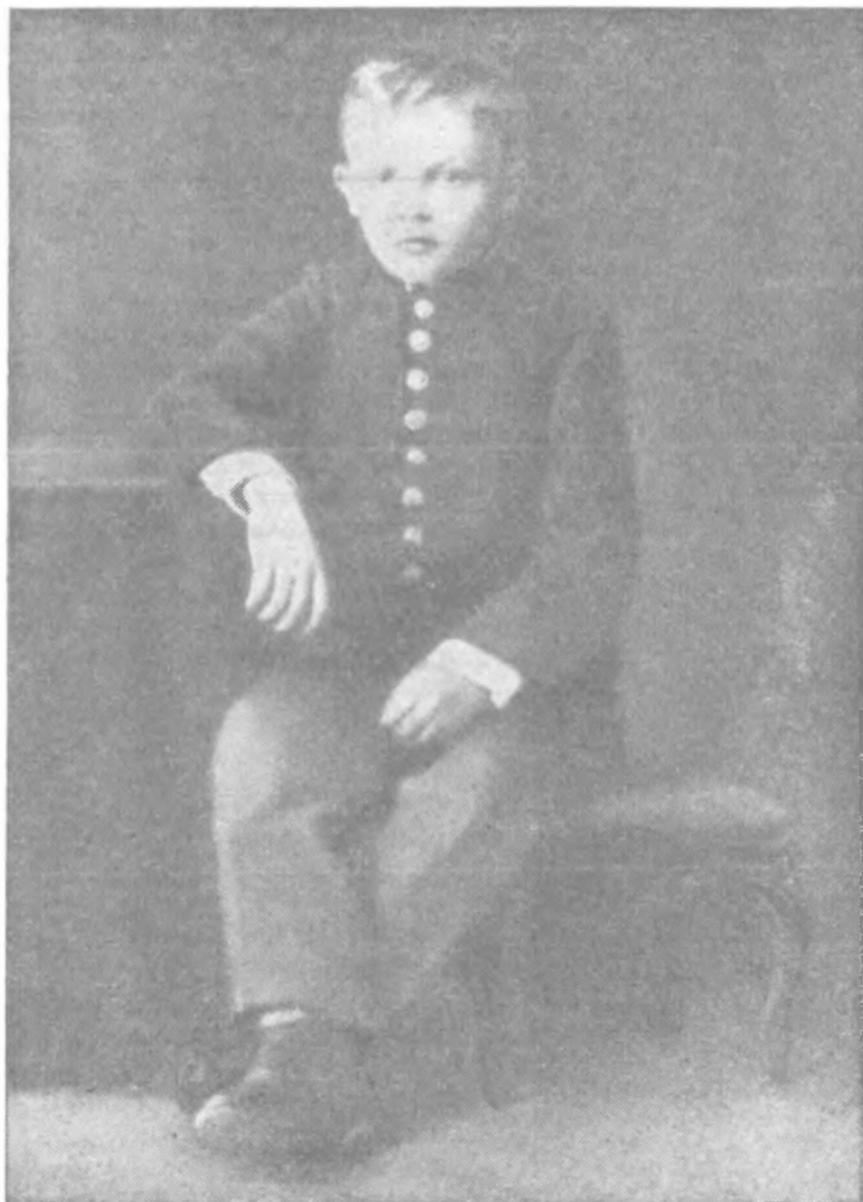
Не то я, которая годом позже¹ неоднократно с горькими слезами просила мать взять меня из гимназии, уверяя ее, что дома с нею пройду больше, и вымаливала иногда разрешение пропускать посещение школы, усаживаясь тогда с большим рвением за работу. Очень болезненно ощущала я, что отец смотрит на это как на проявление лени. Я чувствовала, что это несправедливо, но объяснить толком не могла, да и не смела говорить об этом с отцом. Мать рассказывала о том, что она не знала, как быть, особенно ввиду моих частых головных болей и бессонницы, но отец был решительно против всяких потачек...

Ко времени поступления в гимназию следующего брата (то есть Владимира Ильича.— *А. И.*)², Саша — ребенок двенадцати лет — заявил с той решительностью, которой отличались все его редкие заявления, что не следует отдавать Володю в подготовительный класс, а надо подготовить его к первому. Брат Владимир начал действительно школу с первого класса; вероятно, отец с матерью и сами убедились, что лучше по возможности миновать хотя подготовительный класс, но заявление Саши имело, несомненно, значение...

Отец мой не стоял за классическое образование: он смотрел на него лишь как на необходимый мост к университету. Я слышала, как он говорил кому-то уже позднее, когда стали открываться реальные училища, что ничего не поделаешь, приходится отдавать детей в классическую гимназию, ибо без нее нет доступа в университет и способный мальчик потом может упрекнуть родителей, что они закрыли для него эту дорогу. Особенно был он против обязательности греческого языка, в его время в гимназии был обязательным только латинский. Таким образом, при первых шагах отец мог направлять только в латинском, но не в греческом. Да перегруженность самого отца работой, его частые разъезды по губернии позволяли ему лишь в самых общих чертах направлять брата (*Александра Ильича.— А. И.*). Его личный пример постоянной добросовест-

¹ Анна Ильинична поступила в Симбирскую мариинскую гимназию в 1875 году.

² Владимир Ильич стал заниматься в Симбирской гимназии в 1879 году, девяти с половиной лет.

**Владимир Ильич, гимназист 1-го класса
(1879 год).**

ной работы воспитывал в этом смысле. Сам чрезвычайно скромный и строгий к себе, считавший, что его напряженная идейная работа есть выполнение долга, не больше, он и нас воспитывал в этом духе. Он был против «захваливания», как он выражался, считая вредным чересчур высокое мнение о себе.

Теперь, когда я гляжу назад на наше детство, я думаю, что было бы лучше, если бы эта в общем правильная педагогическая линия не проводилась так неуклонно. Вполне правильной она была только для брата Владимира, большой самоуверенности которого и постоянным отличиям в школе представляла полезный корректив. Ничуть не ослабив его верной самооценки, она, несомненно, сбавила той заносчивости, к которой склонны бывают выдающиеся по способностям захваливаемые дети, и приучила его, не смотря на эти похвалы, упорно трудиться. Для всех нас, — особенно для девочек, страдавших потом от некоторого недоверия к своим силам, — были бы полезны в небольшой дозе и похвалы. Помню, например, что для меня имела большое значение переданная мне Сашей похвала отцом моему первому сочинению, отличенному и в школе. Но я узнала о ней случайно, отец дал свой отзыв матери в моем отсутствии.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 45, 47, 48—49).

...И(лья) Н(иколаевич) настолько ценил меня как учителя, что в свое время приглашал меня заниматься с своими детьми; и я, кажется, по русскому языку подготовлял в гимназию его дочку Аню, сына Саню и сына Володю. Впрочем, с последним я занимался недолго¹.

В. А. Калашников («Юбилейный сборник», стр. 47).

¹ В статье «Домашний учитель Ильича» В. А. Калашников писал: «...Так как он (Володя.— А. И.) выразил желание учиться у того учителя, у которого учились его старший брат Александр и сестра Аня, то отец не хотел отказать ему брать уроки у меня» («Огонек», 1926, № 7, стр. 6). В другой статье («Из воспоминаний домашнего учителя детей Ильи Николаевича Ульянова») В. А. Калашников уточняет, что «эти занятия продолжались лишь несколько недель...» («А. И. Ульянов», стр. 277).

Ульяповы жили в центре города, а я у Волги, почти у пристани, ходить для меня было слишком далеко и трудно подниматься по крутому венцу, который возвышался над Волгой. Кроме того, Илья Николаевич, желая удовлетворить просьбу своего домашнего доктора — дать опытного учителя его сыну, предложил мне урок у доктора, который имел своих лошадей, а Володя стал заниматься у того учителя, у которого начал учиться и я, у Ивана Николаевича Николаева.

В. А. Калашников. Домашний учитель Ильича. «Огонек», 1926. № 7, стр. 6.

Рад он (Александр Ильич. — *А. И.*) был окончанию гимназии чрезвычайно. Как-то даже просветлел весь, видя перед собой свободу от обязательной учебы и желанный университет, возможность заниматься тем, к чему влекло призвание. Он выбрал Петербургский университет, ибо там естественный факультет был поставлен наилучшим образом и блистал такими светилами, как проф(ессор) Бекетов¹, Бутлеров², Вагнер³ и другие.

Отец, очень серьезно и бережно относившийся ко всем стремлениям брата, гордившийся им, не возражал, хотя обом им с матерью было грустно отпускать так далеко его, такого еще юного, хотя они предпочитали бы, если бы он выбрал более близкую Казань, где и родственники были⁴. Но Саша не дал себе много праздновать по оконча-

¹ *Бекетов Андрей Николаевич (1825—1902)* — ботаник, почетный член Петербургской академии наук; профессор Петербургского университета в 1863—1897 годах.

² У Александра Михайловича Бутлерова учился еще Илья Николаевич во время пребывания своего в Казанском университете (см. сноску на стр. 31 наст. издания). Заняв в 1868 году кафедру органической химии в Петербургском университете, А. М. Бутлеров вместе с тем принял активное участие в деятельности Русского химического общества, в организации Высших женских курсов, а также в работе Петербургской академии наук.

³ *Вагнер Николай Петрович (1829—1907)* — русский зоолог, а также писатель-беллетрист; профессор зоологии — сначала в Казанском (с 1860 года), а позднее (с 1871 года) в Петербургском университете.

⁴ Помню разговор отца с кем-то о том, почему Саша выбрал естественный факультет.

— Приложения к жизни никакого нет; кем быть? Только учителем? — заявил собеседник отца.

нии курса. Его тяготило быть на шею отца, обремененного семьею, и он принял приглашение поехать на лето 1883 г. на урок в деревню, в семью купца Сачкова. Но мать, которую мысль о разлуке с ним угнетала с самой весны, воспротивилась тому, чтобы он уехал на последнее лето, и отец стал убеждать его, что в состоянии посылать нам обоим¹ и чтобы он просто отдохнул летом дома. Саша уступил настойчивому желанию матери, видимо, против убеждения, ибо несколько дней был угрюм, но уже, раз решив, не поминал об этом больше...

Забежав на год вперед, остановлюсь на одной мелочи, чрезвычайно характерной для брата. Он говорил отцу, что ему совершенно достаточно 30 руб(лей) в месяц. Отец стал все же посылать нам по 40 руб(лей), несмотря на возражения Саши в письме. Тогда брат замолчал, он стал систематически откладывать по 10 руб(лей) в месяц, без которых, как он заявил отцу, он может обойтись, привез за 8 месяцев, проведенных в Петербурге, 80 руб(лей) и отдал их отцу. Отец с удивлением и восхищением рассказал мне об этом факте, оставшемся для меня неизвестным, так как брат ни словом не проговорился мне за всю зиму в Петербурге, не желая, очевидно, повлиять на меня.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 63—64).

Отец получал всю новую детскую литературу, которая переживала тогда пору некоторого расцвета, журналы «Детское чтение»², «Семья и школа»³ и др.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 39).

— Можно профессором,— сказал отец, просто и скромно, как всегда, но гордость сыном светилась в его глазах.

— Да, если так, конечно,— сбавив тон, с видимым уважением ответил тот.

(Примочание А. И. Ульяновой-Елизаровой.)

¹ Анна Ильинична в 1883 году поступила на Высшие женские курсы в Петербурге.

² «Детское чтение» — выходивший в 1869—1906 годах ежемесячный журнал для детей дошкольного и младшего школьного возраста. В журнале, вокруг которого объединялись прогрессивные педагоги и писатели своего времени, публиковались небольшие повести и рассказы из народной жизни, статьи на естественно-исторические темы, популярные статьи по промышленности и технике. По воспоминаниям подруги Ольги Ильиничны А. Ф. Щербо, журнал «Детское чтение» в семье Ульяновых читали вслух.

³ «Семья и школа» — ежемесячный иллюстрированный педаго-

Наш отец, Илья Николаевич Ульянов, в бытность свою в Симбирске директором народных училищ, выписывал из Москвы или из Петербурга различные наглядные учебные пособия.

Так, например, он выписал астрономический прибор, состоящий из лампы, которая играла роль солнца и освещала землю и луну — маленький глобус (земля) и серебряный шарик (луна). Глобус приводился в вращательное движение вокруг собственной оси и по эклиптике (то есть по воображаемой линии движения земли.— *А. И.*) вокруг солнца при помощи особого часового механизма. В определенных фазах луны прибор демонстрировал солнечное или лунное затмение, полное или частное, в зависимости от того, в тень или полутень входила земля.

Прежде чем демонстрировать прибор в школах, он показывал его своим детям у себя на квартире. Он выписывал также из Москвы или из Петербурга политехнические выставки, например хлопчатобумажное производство, производство из льна, шелковичные коконы, веревочное производство из пеньки и т. д. и т. п.

Дм. Ульянов. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

...Отец наш очень не любил хвастовства и, несмотря на постоянные отличия в школе всех нас, — и особенно Володи, — никого не хвалил и, радуясь нашим успехам, старался поощрять нас на большие...

Отец говорил в те годы матери, что Володе все слишком легко дается и он боится, что в нем не выработается трудоспособность. Мы знаем теперь, что опасения эти оказались излишними, что Володя сумел выработать в себе исключительную трудоспособность.

А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. М., 1955, стр. 21, 22.

Владимир Ильич уже с молодых лет отличался необыкновенной работоспособностью. Он очень настойчиво

гический журнал, издававшийся в Петербурге в 1871—1888 годах. Журнал стремился дать детям разнообразные занятия: «не хочется читать — рисуйте, надоело рисовать — возьмите опыты, игры». «Семья и школа» представлял собой одно из лучших педагогических изданий того времени.

работал над собою, и поэтому он уже в молодые годы был вылитый из стали Владимир Ильич, с готовыми, продуманными меткими ответами на устах.

М. Ульянова («Первая годовщина». М., 1925, стр. 12).

С ранних, еще школьных лет работал он (Владимир Ильич.— *А. И.*) и вообще проводил день по строгому расписанию, им самим составленному. Сюда входило и учение, и приготовление уроков, и чтение книг, и отдых, и гуляние, и игры. В расписании точно указывалось, с какого до которого часа должно продолжаться то или другое занятие. Никакие силы и убеждения не могли его заставить изменить им самим установленного распорядка работы. Только лишь разумные доводы вновь возникших, от него не зависящих важных обстоятельств могли подвинуть его на изменение установленной последовательности в занятиях.

Владимир Ильич всегда был очень вежлив и учтив в обращении с другими. Единственный раз он, будучи в шестом классе гимназии, сильно рассердился на пришедших товарищей, пристававших к нему, чтобы он принял участие в каком-то увеселении, в то время когда по расписанию он должен был читать. Несколько раз поблагодарив за приглашение, рассказывала мне его мать, и решительно отказавшись нарушить свои занятия, на восклицание одной гимназистки — подруги сестры: «Что же нам теперь делать?» — «Не мешать мне», — сказал он и сейчас же сел за стол и углубился в занятия. Пришедшие смущенно, тихо вышли из комнаты, и более никто никогда не решился уговаривать его нарушить порядок дня.

Влад. Бонч-Бруевич. Юношеские годы Владимира Ильича. «Комсомольский работник», 1945, № 2—3, стр. 8.

Он (Владимир Ильич.— *А. И.*) страшно любил читать, книги захватывали его, увлекали, говорили о жизни, о людях, ширили горизонт, а учеба в гимназии была скучная, мертвая, приходилось брать себя в руки, чтобы заучивать всякий ненужный хлам, но у него был заведен такой порядок: сначала уроки выучит, потом за чтение

возьмется. Держал себя в руках. Время экономил. Когда читал, очень сосредоточивался и потому читал очень быстро. Делал для себя выписки из книг, старался тратить на запись поменьше времени. Кто видел почерк Ильича, знает, как он своеобразно сокращал слова. Благодаря этому он мог записывать то, что ему надо, очень быстро.

И. К. Крупская. О Ленине. М., 1960, стр. 29.

Гимназия, руководимая Ф. М. Керенским (отцом бывшего главы Временного правительства), была далека от всяких свободлюбивых веяний, — да и годы обучения в ней Владимира Ильича (1879—1887) относились к тому времени, когда школа была взята под строгий надзор, когда все сколько-нибудь свободомыслящие учителя сурово изгонялись из нее и оставлялись, кроме низкопоклонных, лишь те, более бледные, которые более или менее приспособлялись к режиму и налагали строгую печать молчания на уста свои.

Таким образом, интерес к общественным вопросам питался лишь товарищескими беседами в своей среде, где Владимир Ильич, по воспоминаниям некоторых однокурсников, играл, как оно и должно было быть, первую скрипку, а не испытывал на себе чьего-либо влияния. Сторонних революционных влияний, на которые ошибочно указывают некоторые биографы, — вроде кружков высланных под надзор или неблагонадежных, — у него в это время не было.

А. И. Ульянова-Елизарова. Ленин (Ульянов) Владимир Ильич. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат, изд. 7, том 41, часть 1, вып. 4—5, стр. 306—307.

Ученне давалось ему (Владимиру Ильичу. — *А. И.*) легко: шел он все время лучшим учеником, переходил из класса в класс с первой наградой. Характерна была для него большая внимательность на уроках, вследствие которой он еще в классе хорошо усваивал всякий новый урок, и при хороших способностях ему почти не приходилось повторять его дома. Во все время прохождения гимназических наук он оставался все тем же живым и жизнерадостным, любившим спорт и прогулки мальчиком. Любил

подмечать смешные стороны, подразнить и посмеяться. Охотно делился он своими познаниями с товарищами, приходя часто раньше в школу, чтобы объяснить им трудные уроки по математике или древним языкам. Последние давались ему особенно легко. Хорошо писал он также сочинения, выходявшие за предел обычных гимназических; в последних классах он порядком подчитывал для них, интересуясь работой гораздо больше, чем требовалось для ученических сочинений. Писал он также сочинения и для некоторых товарищей, стараясь, чтобы и работа вышла хорошей и чтобы не похоже было на его сочинение. А последние два года в гимназии он подготовлял еще к выпускному экзамену для поступления в университет одного способного учителя-чуваша (Н. М. Охотникова.— А. И.)¹, занимаясь бесплатно, так как платить последнему было нечем, и добился того, что ученик его сдал экзамен. Владимир Ильич пользовался любовью товарищей, хотя особенно близких друзей у него не было...

Гимназия не дала Владимиру Ильичу какого-либо положительного влияния в смысле общественных идеалов, так как все сколько-нибудь свободомыслящие педагоги изгонялись из нее. Все, что он получил в этом смысле в свои детские и юношеские годы, он получил от семьи, где, кроме влияния отца и матери, очень большое и благотворное влияние имел на него его старший брат Александр Ильич.

А. И. Ульянова-Елизарова. В. И. Ульянов (Н. Ленин). М.—Л., 1934, стр. 17—18.

Илья Николаевич Ульянов имел большое влияние на Ильича. И Ильичу было чему поучиться у отца.

Н. К. Крупская. В. И. Ленин и вопросы народного образования. «Юный коммунист», 1938, № 1, стр. 41.

То строгое отношение к себе и своим обязанностям... которое отличало всегда Владимира Ильича, было в значительной степени заложено у него с ранних лет примером и влиянием отца.

М. Ульянова, стр. 64.

¹ Об этом см. также на стр. 228 наст. издания.

Добролюбов покори́л и честное сердце Ильи Николаевича, и это определило работу Ильи Николаевича как директора народных училищ Симбирской губернии и как воспитателя своего сына — Ленина — и других своих детей, которые все стали революционерами.

П. К. Крупская («Воспоминания родных о В. И. Ленине». М., 1955, стр. 174).

О крепкой воле писал Добролюбов. Методами Добролюбова воспитывал Ильича отец...

Илья Николаевич, обращая внимание на то, чтобы Владимир Ильич хорошо и упорно учился, все же старался воспитать в нем, как того требовал Добролюбов, сознательное отношение к тому, чему и как учили его в школе...

Илья Николаевич учил Ильича всматриваться в жизнь, но в то же время, когда Ильич позволял себе насмешки в классе над учителями, например над учителем французского языка Пором¹, Илья Николаевич сдерживал его, говорил о недопустимости грубого отношения к учителям, даже имсющим серьезные недостатки в преподавании. И Владимир Ильич сдерживал себя.

И еще одну черту воспитало в Ильиче добролюбовское отношение к детям: это уменье и к себе, к своей деятельности подходить с точки зрения интересов дела. Это застраховало Ильича от мелочного самолюбия.

Кроме строгого отношения к себе, Илья Николаевич, как это видно и из воспоминаний Зайцева², особенно ценил в детях искренность, старался воспитывать ее в ребятах.

¹ Адольф Иванович Пор, по воспоминаниям современников, был франтоватый, недалекый и с большим сомнением человек. Не получив педагогического образования, он не имел права преподавать в гимназии и лишь в 1884 году с трудом сдал экзамены на звание учителя. Преподавал Пор скверно, с учениками был груб и несправедлив, зато по отношению к начальству проявлял себя как подхалим и службист. Пора бесило подчеркнуто ироническое отношение к нему Ульянова. Вконец разобиженный, он настоял на четверке за поведение дерзкому ученику в четверть. «Ввиду того, — пишет Анна Ильинична, — что брат был уже в седьмом классе, это происшествие пахло серьезным. Отец рассказал мне о нем зимой 1885 года, когда я приехала на каникулы, добавив, что Володя дал ему слово, что этого больше не повторится» («Воспоминания о В. И. Ленине», 1, стр. 17).

² См. стр. 136—138 наст. издания.

О важности воспитания искренности писал Добролюбов. Одной из особенно характерных черт Ильича была искренность.

И. Крунская. Детство и ранняя юность Ильича. «Большевик», 1938, № 12, стр. 68.

«Деликатность и такт — свойства трудные и более редкие, чем талант. Их нельзя представить или разыграть, не сорвавшись. Их нужно иметь, — и тогда они скажутся сами собой в тысяче пустяков... Илье Николаевичу было свойственно почти физически чувствовать чужое бытие, — характер, натуру, настроение ученика, — чувствовать с подлинным внутренним равенством, главным условием деликатности... И в классе тотчас почувствовали, что в каждом из них он видит и уважает равного себе человека»¹.

Глубоко правильно! *Это свойство было полностью унаследовано от отца Владимиром Ильичем и в значительной степени содействовало успеху его дела* (выделено Дм. Ульяновым. — *А. И.*)...

«Как только стало известно место его (Ильи Николаевича. — *А. И.*) нового назначения — Симбирск, он стал прочитывать о Симбирске все, что под руку попадало...

И где ни встретит в обществе человека из тех мест, непременно подойдет к нему и прислушивается... Попался ему и настоящий купец-симбиряк, его Илья Николаевич завел к себе в опустелую квартиру поить чаем и чуть не шесть часов выспрашивал подряд, что там и как»¹. Эта особенность Ильи Николаевича разузнать все досконально о том ближайшем новом, что его ждет, была свойственна в полной мере и Владимиру Ильичу. Что можно — прочитать, где можно — расспросить живых людей о тех местах, куда предстояло ехать. И это было весьма характерно для него.

Дм. Ульянов. Роман о семье Ульяновых. «Известия», 1938, 24 марта.

Лицом и сложением Владимир Ильич был в отца. От него же унаследовал он веселый, общительный нрав,

¹ Дм. Ульянов цитирует роман Мариэтты Шагинян «Семья Ульяновых».

склонный к юмору и шуткам, а также вспыльчивость. Но проявлялся он у Владимира Ильича, конечно, более смело, в более свободных, чем у отца, условиях детства.

А. И. Ульянова-Елизарова. В. И. Ульянов (И. Ленин). М.—Л., 1934, стр. 17.

Хотя открытый, задумчивый смех и у Володи и у Ильи Николаевича был одинаково заразителен, но в смехе их было и резкое различие: Илью Николаевича смех как бы одолевал, он не в силах был остановиться, смеялся безудержно, иногда до слез, отмахиваясь руками, даже если они были чем-нибудь заняты: зонтиком, корзинкой с грибами, тростью и т. п.

Володя же, хохоча так же увлекательно и искренне, как бы владел смехом: он мог оборвать его и перейти, смотря по обстоятельствам, к серьезной или даже негодующей речи.

И. Веретенников, стр. 35.

Когда Илья Николаевич оживлялся, шутил и острил, его глаза так же загорались и блестели, как глаза Владимира Ильича, когда он бывал в ударе и оживленно беседовал с товарищами.

Вообще физически Владимир Ильич был очень похож на отца. Он унаследовал его рост, его широкие скулы и черты лица, несколько монгольский разрез глаз, большой лоб. Он обладал таким же, как отец, живым характером... Много общего было у них и в чертах характера и в привычках. Сила воли, энергия, способность целиком и безраздельно отдаваться своему делу, гореть на нем, крайне добросовестное отношение к своим обязанностям, а также большой демократизм, внимательное отношение к людям — эти черты были общи для Ильи Николаевича и Владимира Ильича...

Обще для них было и умение ограничиваться самым необходимым, не тратить лишних денег на себя и, помимо этого, как у Ильи Николаевича, так и у Владимира Ильича был своего рода консерватизм по отношению к вещам, платью и пр.; привыкнув к чему-нибудь, они потом неохотно с ним расставались.

М. Ульянова, стр. 63, 66.

Большая семья, воспитание детей поглощали весь его (Ильи Николаевича.— *А. И.*) заработок, на себя он тратил очень мало, не любил большого общества и удовольствий.

А. И. Ульянова-Елизарова («Воспоминания о В. И. Ленине», 1, стр. 11).

Володя был всегда очень непрактичен в житейских обыденных вещах,— он не умел и не любил покупать себе что-нибудь, и обычно и позже эту задачу брали на себя мать или я. В этом он напоминал всецело отца, которому мать заказывала всегда костюмы, выбирала материал для них и который, как и Володя, был чрезвычайно безразличен к тому, что надеть, привыкал к вещам и по своей инициативе пикогда, кажется, не сменил бы их. Володя и в этом, как и во многом другом, был весь в отца.

А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче. М., 1934, стр. 45.

Кроме прекрасных способностей, лучшим учеником его (Володю.— *А. И.*) делало серьезное и внимательное отношение к работе. Отец приучал к этому с ранних лет его, как и его старших брата и сестру, следя сам за их занятиями в младших классах. Большое значение имел также для маленького Володи пример отца, матери, постоянно занятых и трудящихся...

А. И. Ульянова-Елизарова («Воспоминания о В. И. Ленине», 1, стр. 13).

...Он (Володя.— *А. И.*) удивительно хорошо, сознательно читал. Это их семейная традиция. Родители подбирали книги и руководили чтением детей. Страсть к чтению у В(ладимира) И(льича) сохранилась до конца. Через чтение дети очень рано получили разнообразные знания и общее развитие.

В. А. Калашников. Домашний учитель Ильича. «Огонек», 1926, № 7, стр. 6.

...Владимир Ильич при выборе книг по беллетристике особенно любил те книги, в которых ярко отражались в художественном произведении те или иные общественные идеи.

...Книги Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Герцена, Некрасова, произведения поэтов «Искры» — та литература, те стихи, которые с детства слышал Ильич от отца, от старшей сестры и старшего брата; нужно показать то презрение к обывательщине, к власти вещей, к бюрократизму, к подхалимству, ту ненависть ко всякому угнетению, которые характерны были для передовой интеллигенции 70-х годов. Эта литература имела громадное влияние на Ленина с очень ранних лет.

Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1960, стр. 67, 83.

Все почти вечера мы с ним (то есть с Владимиром Ильичем.— *А. И.*) проводили за чтением книг, больше беллетристики; читали «Анну Каренину» и др(угие) произведения Л. Н. Толстого.

Илья Николаевич, заходя к нам и часто заставляя нас за чтением Толстого, беседовал с Володей и со мной о прочитанных книгах.

Воспоминания В. Л. Персиянинова¹. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

Читали мы с ним (то есть с Володей.— *А. И.*) «Детство и отрочество» Л. Н. Толстого, «Дон Кихота» Серван-

¹ Вячеслав Львович Персиянинов был сыном мирового судьи, врача-терапевта по специальности, Л. В. Персиянинова, жившего постоянно в своем имении в селе Чилим. Илья Николаевич хорошо знал Л. В. Персиянинова как попечителя местной начальной школы и члена Буинского уездного училищного совета. Двое сыновей Персиянинова прожили с Владимиром Ильичем в одной комнате первый семестр 1883/84 учебного года, до января. По воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой, «Илье Николаевичу не понравились балованные и бездельные мальчики Персияниновы (кроме Вячеслава, жил пансионером и его младший брат, Борис), и он, под благовидным предлогом болезни жены, попросил родителей взять их» (см. кн. В. Алексеева и А. Швера «Семья Ульяновых в Симбирске». М.—Л., 1925, стр. 41).

теса, романы Шпильгагена в журнале «Отечественные записки», но больше всего зачитывались мы Гоголем и Тургеневым.

И. Веретенников. Что читал Володя Ульянов. «Пионерская правда», 1956, 31 июля.

Когда Ильичу было 14—15 лет, он много и с увлечением читал Тургенева. Он мне рассказывал, что тогда ему очень нравился рассказ Тургенева «Андрей Колосов», где ставился вопрос об искренности в любви. Мне тоже в эти годы очень нравился «Андрей Колосов». Конечно, вопрос не так просто разрешается, как там описано, и не в одной искренности дело, нужна и забота о человеке и внимание к нему, но нам, подросткам, которым приходилось наблюдать в окружающем мещанском быту еще очень распространенные тогда браки по расчету, очень большую нескрепность,— нравился «Андрей Колосов».

И. К. Крупская. О Ленине. М., 1960, стр. 30.

...Мы ходили в Киндяковскую рощу, к обрыву, описанному Гончаровым (в романе «Обрыв». — *А. И.*). Роман Гончарова появился впервые в «Вестнике Европы» в 1869 г. (книги 1—5. — *А. И.*). В Симбирске увлекались этим романом как раз в годы нашей гимназической жизни.

Гимназисты, под свежим впечатлением романа, ходили в Киндяковку¹ посмотреть на знаменитые места. Я был там в компании с Ульяновым (Володей. — *А. И.*) и Сердюковым.

До Киндяковки нас провожал отец Володи. Он хорошо знал окрестных помещиков и рассказывал нам, кого Гончаров описывал в своих романах. У Киндяковки отец Ульянова сел в ехавший за нами тарантас и отправился дальше по делам...

Д. М. Андреев. В гимназические годы. «Звезда», 1941, № 6, стр. 9.

Вспоминается, как Ильич рассказывал, как он слушал рассказы отца о его поездках по деревням, о беспомощности крестьянства, его темноте.

И. К. Крупская. О Ленине. М., 1960, стр. 83.

¹ В настоящее время Киндяковка является частью города Ульяновска.

Жадно слушал рассказы отца о деревне Ильич...
Это заставляло Ильича с детства внимательно вглядываться в жизнь деревни...

И. Крупская. Детство и ранняя юность Ильича. «Большевик», 1938, № 12, стр. 66.

Летом Владимир Ильич ездил с семьей в деревню Кокушкино, Казанской губернии. В этой деревне провела юность его мать, у которой сохранились очень сердечные отношения с местными крестьянами, и Владимир Ильич имел случай близко наблюдать быт и психологию захудалой русской деревни. Слышал он там жалобы на малоземелье, слышал высказываемое отцом и матерью сожаление, что кокушкинские крестьяне, несмотря на горячие убеждения его деда, отца его матери, предпочли оброку¹ дарственный надел².

А. П. Ульянова-Елизарова. В. И. Ульянов (Н. Ленин). М.—Л., 1934, стр. 18.

Ильич рано думал о политических вопросах, о чем я сужу по его рассказам. Например, он рассказывал, как его, 11-летнего мальчика, поразило то, что отец очень был

¹ Оброк — принудительный ежегодный побор деньгами или продуктами, взимаемый помещиком с крепостных крестьян. В России до отмены крепостного права оброк являлся одной из основных форм феодально-крепостнической эксплуатации крестьян. Величина оброка зависела от произвола помещика и часто достигала непосильных для крестьянского хозяйства размеров. Нередко крестьянам приходилось уходить из деревни в поисках заработка для уплаты оброка.

² Дарственный надел — крайне незначительный участок земли, который могли получить крестьяне в личную собственность согласно статье 123 Положений 19 февраля 1861 года о выходе крестьян из крепостной зависимости. Многие из крестьян, не желая оставаться в зависимости от помещика, соглашались на получение такого мизерного надела, рассчитывая впоследствии прикупить себе земли. В результате, не имея возможности прокормиться с ничтожного дарственного надела, крестьяне окончательно обезземеливались или попадали в кабальную зависимость от помещика.

расстроен убийством Александра II, одел мундир и пошел к обедне...

Н. Крупская. Письмо в редакцию журнала «Молодая гвардия», 28 марта 1938 года. «Исторический архив», 1958, № 4, стр. 78.

За вечерним чаем у Ульяновых зашел разговор о вражде между гимназией и (кадетским.— *А. И.*) корпусом. О последней драке говорил уже весь город. Илья Николаевич¹, Володин отец, спросил:

— Чего вы хотите добиться этими бессмысленными драками? Только синяки да шишки заработаете и наказание в карцере!

Володя горячо возразил:

— Это не просто драка! Их надо было проучить за низость,— четверо на двоих напали!

— Кулаками вы ничего не докажете! — сказал Саша, приехавший из Петербурга на зимние каникулы.

— Что же тогда делать? — запальчиво спросил Володя.

— Есть разные пути в борьбе, а главное, бороться надо не только с кадетами... — задумчиво проговорил старший брат.

— И раньше всего надо кончить гимназию и думать только об учении! — оборвал этот разговор Илья Николаевич.

Д. М. Андреев. В гимназические годы. «Костер» (Ленинград), 1957, № 4, стр. 12—13.

Зимним днем я шла из (Симбирского епархиального женского.— *А. И.*) училища к себе, на квартиру. Помнится, мороз был настолько сильным, что я в своей легкой одежонке чуть не окоченела. И вот на одной из улиц мне повстречалась группа гимназистов. Один из них посмотрелся ко мне и сказал:

¹ Симбирская военная гимназия была преобразована в кадетский корпус на основании положения, утвержденного 14 февраля 1886 года, то есть уже после смерти И. Н. Ульянова. Если мемуарист не ошибается и Илья Николаевич участвовал в этом разговоре, то речь могла идти не о кадетях, а об учащих военной гимназии.

— Девушка, вы щеки отморозили.

А сам взял снег и принялся оттирать мои щеки, а потом говорит:

— Придете домой, скажите отцу, чтобы купил вам теплое пальто. И с меховым воротником.

Я ответила, что у меня нет отца, и мать живет далеко и слишком бедна, чтобы покупать мне пальто. Гимназист расспросил меня, как и где я учусь, а под конец записал мою фамилию и ушел. Кто он — этот гимназист, так я и не спросила, хотя хорошо запомнила его лицо, встречала на улице еще несколько раз.

Недели через две после этого меня внезапно вызвала начальница училища, с укором спросила:

— Лавровская, почему ты ходила жаловаться к Илье Николаевичу Ульянову?

Я оторопела, сказала ей, что никуда и никому не жаловалась.

— Ладно оправдываться! — посмотрела на меня начальница. — Вот Илья Николаевич распорядился назначить тебе стипендию.

Не помня себя от радости, я вышла от начальницы. Еще бы! Теперь я смогу окончить училище, смогу стать учительницей!..

Шли годы. И однажды, уже после смерти Владимира Ильича Ленина, один из моих бывших учеников, приехав в отпуск из Красной Армии, привез мне в подарок этот альбом (имеется в виду альбом «Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске». — *А. И.*). Взяла я его, стала рассматривать семейную фотографию Ульяновых и обомлела: на ней я узнала того гимназиста, который помог мне, — это был Владимир Ильич.

Воспоминания *А. П. Лавровской* в записи В. И. Беззубова. «Литературная Мордовия» (Саранск), 1957, № 13, стр. 168—169.

Илья Николаевич заботился о детях чувашей, мордвин, об их учебе. Сам Ильич в школе чутко относился к детям других национальностей.

Н. К. Крупская. Как и что рассказывать школьникам о Ленине. «Учительская газета», 1938, 22 января.

Была еще одна черта, которую подчеркивали как заслугу И. Ульянова, — это его любовь и особенно сильная забота о постановке школы и развитии грамотности среди чувашей. И. Ульянов, как директор народной школы, особенно много сделал для забитой, бедной инородческой чувашской школы. Это мнение было подчеркиваемо симбирской общественностью, оно особенно ярко осталось у меня в памяти до сего времени... Эту черту я считаю долгом отметить, т(ак) к(ак) любовь, внимание и понимание *угнетенных* народностей унаследована от отца и Владимиром Ильичем.

Д. Деларов. Как я познакомился с семьей Ульяновых. «Север» (Вологда), 1924, № 1, стр. XVI.

Такое отношение Ильи Николаевича к нацменам не могло не повлиять на Ильича, который слушал, что говорил отец, что говорили другие. Владимир Ильич рассказывал мне как-то об отношении симбирских обывателей к нацменам: «начнут говорить о татарине — скажут презрительно «князь», говорят о еврее — непременно скажут «жид», о поляке — «полячишка», об армянце — «армяшка»».

Ильич шел по стопам отца: в старшем классе гимназии он целый год занимался с товарищем чувашом (Н. М. Охотниковым. — *А. И.*), отстававшим по русскому языку, чтобы подготовить его к поступлению в университет, и подготовил.

Но и на всю революционную деятельность Ильича повлияло это отношение Ильи Николаевича к нацменам: все знают, какую громадную работу проделал Ленин, закладывая основы дружбы народов СССР.

Ш. К. Крупская. О Ленине. М., 1960, стр. 28.

Сын его (то есть Ильи Николаевича. — *А. И.*) Владимир унаследовал от него, между прочим, и математические способности...

Запись воспоминаний *Ш. Я. Яковлева*, сделанная А. В. Лиркевичем. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

Когда отец бывал дома, он приходил обычно на выручку к нам, старшим (которым Володя, первым закончив приготовление уроков, мешал заниматься.— *А. И.*), уводил Володю к себе в кабинет и проверял его уроки. Обычно Володя знал все. Тогда отец начинал спрашивать его старые латинские слова по всей тетради. Но Володя отвечал их без запинки. И если у отца не было досуга занять его чем-нибудь другим, например шахматами, то тишина в столовой водворялась ненадолго.

А шахматы любил наш отец¹, и любовь эта передалась всем братьям. Для каждого из них была радость, когда отец звал его к себе в кабинет и расставлял шахматы. Шахматы эти, которые отец очень берег и которыми все мы восхищались в детстве, были выточены им самим на токарном станке еще в Нижнем Новгороде, до переезда в Симбирск. Мы все выучились играть...

Володя играл в шахматы с отцом и с братом Сашей. Мы, девочки, играли меньше. Помню только одну осень, когда отец и мы, трое старших, очень увлекались четверными шахматами и просиживали за ними поздно по вечерам. Но когда начались регулярные занятия, пришлось, конечно, оставить эту игру, которая обычно очень затягивалась.

А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. М., 1955, стр. 16—18.

Играть (в шахматы.— *А. И.*) Владимир Ильич начал лет восьми-девяти. Играл с отцом, который был первым его учителем, со старшим братом Александром Ильичем, затем впоследствии с нами меньшими — сестрой Олей и со мной...

¹ Анна Ильинична вспоминает, что «партнеров в те времена (для Ильи Николаевича.— *А. И.*) было немного в Симбирске. Главным партнером его был старик Белокрысенко, управляющий удельной конторой. Из сослуживцев И(льи) Н(иколаевича) в шахматы никто не играл, а все любили игру в карты» (Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). М. Ульянова пишет, что «Белокрысенко принимал участие и в деле народного просвещения в качестве члена училищного совета, и общая работа создавала, вероятно, у отца с ним особенную близость. Белокрысенко приходил к нам обычно по субботам, и они проводили с отцом время за шахматным столом, играя в шахматы... Белокрысенко умер на несколько месяцев раньше отца, и я помню, как Илья Николаевич сказал однажды с грустью: «Вот и суббота, а поиграть в шахматы не с кем» (цит. книга, стр. 67).

Пятнадцать лет Владимир Ильич стал обыгрывать отца. Помню, как Илья Николаевич (зимой 1885—1886 г.), войдя в столовую, сказал: «Володя, ты стал меня побивать в шахматы, тебе уже нужно познакомиться с NN и с ним играть» (помнится, некий Ильин, считавшийся лучшим игроком в Симбирске. У нас он не бывал).

Д. Ульянов («Воспоминания о В. И. Ленине», 1, стр. 62, 63).

«Сначала отец нас обыгрывал, — рассказывал Владимир Ильич, — потом мы с братом достали руководство к шахматной игре и стали отца обыгрывать. Раз — мы наверху жили — встретил отца, идет из нашей комнаты со свечой в руке и несет руководство по шахматной игре. Затем за него засел».

И. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 33.

Для отдыха от дела (Илья Николаевич. — *А. И.*) любил разговоры с людьми, которых это дело интересовало, любил отдыхать в семье, следя за воспитанием детей... Требовательный к себе и к другим во время работы, он умел быть увлекательным, веселым собеседником во время отдыха, шутил с детьми, рассказывал им сказки и анекдоты.

А. И. Ульянова-Елизарова («Воспоминания о В. И. Ленине», 1, стр. 11—12).

Когда отец купил крокет, помню, как мы под руководством Володи взялись правильно устанавливать его. Между красным и черным колышками Володя туго натянул бечевку и потом, вымеривая точно расстояния молотком, намечал места для установки дужек, и как особенно тщательно он устанавливал потом мышеловку.

Игрой в крокет одно время увлекались мы все, — играла и Аня, и ее подруга, молодая учительница, и даже папа, только Сашу очень редко удавалось оторвать от серьезной книги. Играли, строго придерживаясь установленных правил, из-за толкования которых иногда возни-

кали горячие споры (как вообще часто случается в этой игре). Помню, что Володя играл лучше других и бывал непреклонен к нарушителям правил, но в то же время беспристрастным судьей в спорах.

Когда партия затягивалась до темноты, прибегали к помощи бумажных фонариков, которыми освещали дужки. Употреблялись специальные выражения в соответствии с папиной службой, — шар отправился в уезд, или угнать этот шар подалеже в губернию.

Дм. Ульянов. Детские годы Владимира Ильича. «Красная новь», 1938, № 5, стр. 145.

Охотно принимал Илья Николаевич участие и в детских играх (например, в игре в крокет и пр.) и при этом «держал себя с детьми по-товарищески, увлекаясь не меньше их»... В обращении с детьми, в умение завязать с ними быстро приятельские отношения и поднять шум и беготню, в способности увлекаться играми совсем по-детски Владимир Ильич очень напоминал отца.

М. Ульянова, стр. 66.

Я... стала бывать у Ульяновых. Время там протекало незаметно. Когда собирались мы, детвора, И(лья) Н(иколаевич) всегда принимал живое участие в наших играх, играл с нами — и в жмурки, и в кошки-мышки. Дав нам наиграться, он вел нас в свой кабинет или комнату, наполненную всевозможными пособиями и картинами по изучению географии, этнографии и естествоведения. Там он давал нам объяснения по картинам и картам... В наших играх принимали участие как двое младших детей — Митя и Марья, так и В(ладимир) И(льич) (тогда еще Володя). Он был ровесник мне по годам, но, конечно, был неизмеримо развитее и серьезнее нас... Когда мы переходили в научную комнату (так я называла ее)... он оживлялся, внимательно слушал объяснения И(льи) Н(иколаевича) и сам попутно с ним объяснял нам картины, гербарии и т. п.

Ек. Арнольд. Мои воспоминания о семье Ульяновых. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

Каждый вечер мы отправлялись с папой на Свягу купаться. Отец абонировал на весь сезон определенные часы в купальне некоего Рузского. Помню, что фамилия владельца общественной купальни была Кох, и вот бывало отец, увидев издали идущего туда купаться учителя немецкого языка Штейнгауера¹, кричит ему в виде приветствия: «Немец идет к немцу, а русский к Рузскому».

Дм. Ульянов. Детские годы Владимира Ильича. «Красная повесть», 1938, № 5, стр. 145.

В летние вакации, когда отец пользовался хотя сравнительным отдыхом (бывали съезды или отчеты), он мог посвящать нам еще больше времени и каждый год брал нас, старших, прокатиться по Волге, что было лучшим нашим удовольствием и предметом далеких планов и разговоров. Всегда любящий и добрый — слишком добрый, как чувствуется теперь, в более зрелые годы, — во время этих путешествий он бывал особенно заботлив о нас, баловал нас особенно. У меня остались в памяти от того времени некоторые мелочи, полные такой тонкой предусмотрительности, на какую не всякая мать была бы способна. И, доставляя нам массу удовольствия, поездки эти всегда еще теснее сближали нас с ним.

А. Ульянова. К статье г. В. Назарьева «Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета», «Симбирские губернские ведомости», 1894, 15 октября.

На лето мы уезжали в Кокушкино — деревню Казанской губ(ернии), имение деда по матери (Александра Дмитриевича Блашка.— *А. И.*), к которому съезжались по летам его замужние дочери с детьми. До 1875 г. поездки эти были ежегодными и были огромной радостью для нас. Задолго начинали мы мечтать о них, готовиться к ним.

¹ А. И. Ульянова-Елизарова («Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове». М.—Л., 1931, стр. 44—45) рассказывает, что Штейнгауер обучал еще Илью Николаевича. У Я. М. Штейнгауера на протяжении всего гимназического курса учились Александр Ильич и Владимир Ильич.

Лучше и красивее Кокушкина — деревеньки действительно очень живописной — для нас ничего не было. Впрочем, кроме двух, довольно неудачных поездок, — в имение Симбирской губ(ернии), к Назарьеву, и в Ставрополь¹ по Волге, к тете С. А. Лавровой, — мы никуда больше не ездили. Думаю, что любовь к Кокушкину, радость видеть вновь эти места передались нам и от матери, проводшей там свои лучшие годы.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 43).

Еще зимой, в письмах, мы выясняли, когда и кто из Ульяновых приедет летом в Кокушкино...

Ульяновы приезжали в Кокушкино каждое лето, но иногда не все вместе.

Отец Володи, Илья Николаевич, был директором народных училищ. Нередко случалось, что он то задерживался дольше в Симбирске, то отлучался из Кокушкина в Казань на день-два по делам службы.

Обычно к приезду Ульяновых мы были уже в деревне. Семья у нас была большая. Моя мать работала стенографисткой, и если работа ей позволяла, то, как только у нас, младших, кончались занятия и начинались каникулы, мы переселялись в Кокушкино; в Казани оставалась только старшая сестра Люба, служившая на телеграфе.

Ехать надо было на лошадях. Еще накануне отъезда, бывало, бежишь во двор посмотреть, тут ли ямщики, и вертишься возле лошадей, сгорая от нетерпения.

Илья Николаевич и тетя Маша с детьми, приехав из Симбирска на пароходе, останавливались у нас в Казани и затем, уже на лошадях, отправлялись в Кокушкино. Ни в Казани, ни в Симбирске железной дороги тогда не было.

Володя садился обычно на козлы и шутил с ямщиком:

— А что, дядя Ефим, был бы кнут, а лошади пойдут?

Он вообще любил шутки, и крестьяне называли его «забавником».

¹ Город Ставрополь, о котором здесь идет речь, оказался в зоне затопления Куйбышевским морем и в связи с этим в 1955 году был перенесен на новое место — в 109 километрах северо-западнее Куйбышева.

Один ямщик нюхал табак. Его спрашивают:

— Зачем нюхашь?

— Это, — отвечает ямщик, указывая на тавлинку¹ с нюхательным табаком, — мозги прочищает.

Так как за понюшкой следует чиханье, то Володя говорил одно время, услышав какую-нибудь глупость: «чихни», то есть почисть мозги.

Мы знали всегда заранее день, когда должны были приехать Ульяновы в Кокушкино, и старались угадать час их приезда. Целым обществом отправлялись пешком встречать их километра за два на перекресток, к постоянному дворику. Иной раз мы не угадывали время приезда и выходили два-три раза в день. Встретив, всей компанией, радостные и веселые, возвращались домой.

С приездом Ульяновых в Кокушкино наступал для нас настоящий праздник. Отменялись занятия иностранными языками, подготовка к переэкзаменам, и общий тон детского веселья повышался. Мы, ребята, все время висли на плечах у Ильи Николаевича и буквально ловили каждое его слово. Называли мы его «Илья-и-Николаич», считая, что у него два имени.

Он очень любил детей и никогда не отстранял их. Только взрослые останавливали нас, оберегая спокойствие нашего любимца...

На крутом берегу реки стоял так называемый «большой», или «старый», дом, а в нескольких метрах от него, через дорогу — флигель...²

Недалеко от флигеля раскинулась маленькая деревня с мельницей.

О деревне Кокушкине соседние крестьянки говорили так: «Смотрю я на вашу деревнюшку и думаю: что за чуда — така она махонька, да така развеселая», разумея,

¹ Тавлинка — табакерка из бересты.— Примечание Н. Веретенникова.

² В статье «В. И. Ленин в Кокушкине» Н. Веретенников пишет: «Флигель был построен Александром Дмитриевичем (Бланком.— А. И.) для размещения приезжавших к нему гостей четырех дочерей с семьями. Для его пятой, самой любимой дочери, Марии Александровны Ульяновой, была предназначена комната в мезонине старого дома. Эта комната так и называлась — «ульяновской» («Иллюстрированная газета», 1940, 21 января). «Большой» (или «старый») двухэтажный дом с балконом не сохранился. Флигель в настоящее время реставрирован и превращен в Дом-музей В. И. Ленина.

вероятно, ее довольно красивое расположение на высоком берегу реки Ушни.

В болоте, окаймлявшем пруд у дома, в теплые летние вечера задавали концерты лягушки. В саду, расположенном рядом с флигелем, и на деревьях по берегу реки заливались соловьи.

В Кокушкине все было ветхо: в большом доме нечи испорчены — не топились, крыша протекала, лодка дырявая, купальня тонула, мостки к ней проваливались. Не было средств поддерживать все в порядке...

Даже то, что из Казани надо было ехать сорок километров по плохой грунтовой дороге, нравилось нам. Поездки в деревню переносили в другой мир, далекий от обыденной жизни и надоевшего за зиму города...

Еще при жизни деда было принято, чтобы все его дочери приезжали в Кокушкино...

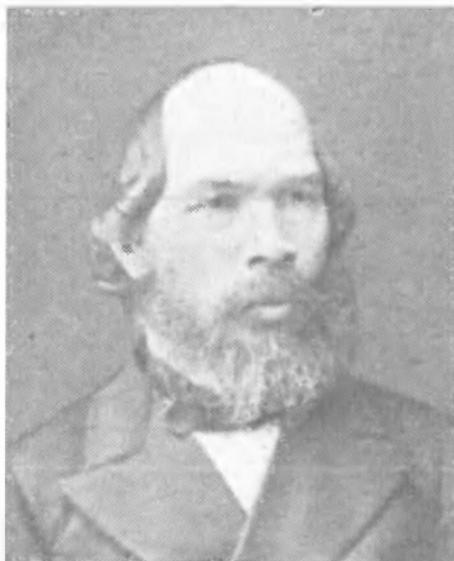
Эти летние «съезды» продолжались и после смерти деда, и тогда размещались так: тетя Маша с мамой — в угловой комнате большого дома, Илья Николаевич — в кабинете, Володя со мной — в соседней комнате.

Н. Веретенников, стр. 8, 9—10, 12, 13.

Вставал Илья Николаевич рано и один уходил купаться. Мы очень любили его сопровождать, но купальня была настолько плоха, что под тяжестью оравы ребят тонула и зачастую платье и обувь всплывали. Вот почему он и старался уйти пораньше, без нас. Вообще же он очень любил общество детей и всегда рассказывал смешные и веселые истории, шутил и напевал.

Выходя из купальни, приговаривал шуточную пародию на слова Лермонтова, сочиненную Анечкой, старшей дочерью его: «Отец, отец, возьми калоши, в купальне их не оставляй». Часто вслух вспоминал щедринских мальчиков «в штанах и без штанов»¹, рассказывал характеристику

¹ Имеются в виду персонажи из цикла очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» (см. Н. Щедрин. Полное собрание сочинений, том XIV. Л., 1936, стр. 86—94). В разговоре «мальчика в штанах» и «мальчика без штанов» Салтыков-Щедрин иносказательно противопоставил два мира: мир развитых капиталистических отношений и мир русского полуфеодалного бескультурья — и поднял вопрос о путях развития России.

Илья Николаевич Ульянов.

двух семинаристов — неблагоправного и благоправного — первый извлекал из каши запеченного таракана, а второй, благоправный, «памятуя скудоденежье бурсы и сугубо памятуя изречение писания «все сотворено на потребу человека», съедал кунно с кашей и сего запеченного инсекта¹, именуемого тараканом». Тут же Илья Николаевич забавлял нас рассказом, как некто, когда ему подали кушанье, в котором было много мух, просил подать ему мух отдельно на блюдечке и он сам их возьмет, сколько потребуется. Шутки Ильи Николаевича вызывали гомерический смех и восторженный визг ребят. Будучи сам шутником и любя шутки, Илья Николаевич, однако, никогда не позволял нам смеяться над людьми.

И. И. Веретенников. Детские годы В. И. Ульянова (Ленина) в Кокушкине. «Красная новь», 1938, № 5, стр. 152.

Помню, был такой случай.

В Кокушкине пускали самодельные ракеты; они взлетали очень высоко. И вот присутствовавший при этом один знакомый, считавший себя культурным и образованным человеком, обратился к Илье Николаевичу с вопросом:

— А что, я думаю, некоторые из высоко взлетающих ракет долетают до звезд?

Мы, ребята, расхохотались, услышав такое предположение от человека, так много о себе мнившего. Но Илья Николаевич остановил наш бестактный смех только взгля-

¹ Инсект (insectum) — латинск. — насекомое.

дом и серьезно и просто объяснил всю нелепость такого предположения.

Позднее, уже когда этот знакомый ушел, Илья Николаевич очень мягко и ласково разъяснил нам неуместность нашего смеха, указав, что одно только незнание — совершенно недостаточный повод для насмешки и нельзя оскорблять человека пренебрежением.

Это наставление Илья Николаевич сумел сделать в такой форме, что оно никого из нас не обидело и осталось в памяти на всю жизнь.

Мария Александровна Ульянова.

И. Веретенников, стр. 34—35.

Мать мою крестьяне очень любили: предпоследняя дочь Александра Дмитр(иевича) Бланк, она позже всех сестер вышла замуж и всех дольше поэтому прожила в Кокушкине. Кроме того, и по характеру своему она была общей любимицей как в семье, так и среди окружающих... Лекаршей она никогда не была, но забирала с собою на лето побольше общепотребительных лекарств и охотно давала советы крестьянам. Отец мой, большой демократ по натуре... заходил запросто к крестьянам, а главное, при всех встречах, — в поле, на дороге, — дружески и непринужденно беседовал с ними... Деревенские женщины заходили после нашего приезда поговорить с матерью или она, гуляя через деревню, останавливаясь у той или иной избы, демонстрировала нас, а ей свою молодежь показывали и о пережитом рассказывали.

А. Елизарова. Примечания к статье т. Табейко. «Пути революции» (Казань), 1923, № 3, стр. 48—49.

...Во время своего пребывания там (то есть в Кокушкине. — *А. И.*) Илья Николаевич предпринимал далекие прогулки по окрестным полям и лесам. При этом они с Марией Александровной забирали большую компанию ребят — племянников и племянниц — и уходили на прогулку на целое утро.

М. Ульянова, стр. 66.

Илья Николаевич и тетя Маша с нами, ребятами, очень часто ходили в лес за грибами и ягодами. Илья Николаевич шутил: «Нужно ягод насбирать и детей не растерять».

Ходили километра за полтора, два от дома — на Бутырскую мельницу, у сосновой рощи на высоком берегу реки, или в Черемышевский сосновый лес, который мы называли «Шляпа». Он был виден издали. Круглой формой, высокой серединой и низкими краями он напоминал громадную шляпу, брошенную среди желтых полей. Ходили и в «Задний» лес, через овраг, любимой дорогой тети Маши. Здесь она часто гуляла по вечерам.

Во время прогулок декламировали любимых поэтов — Некрасова, Пушкина, Лермонтова, пели хором запрещенные песни, студенческие, «Песню Еремушке», «Утес Стеньки Разина» и другие.

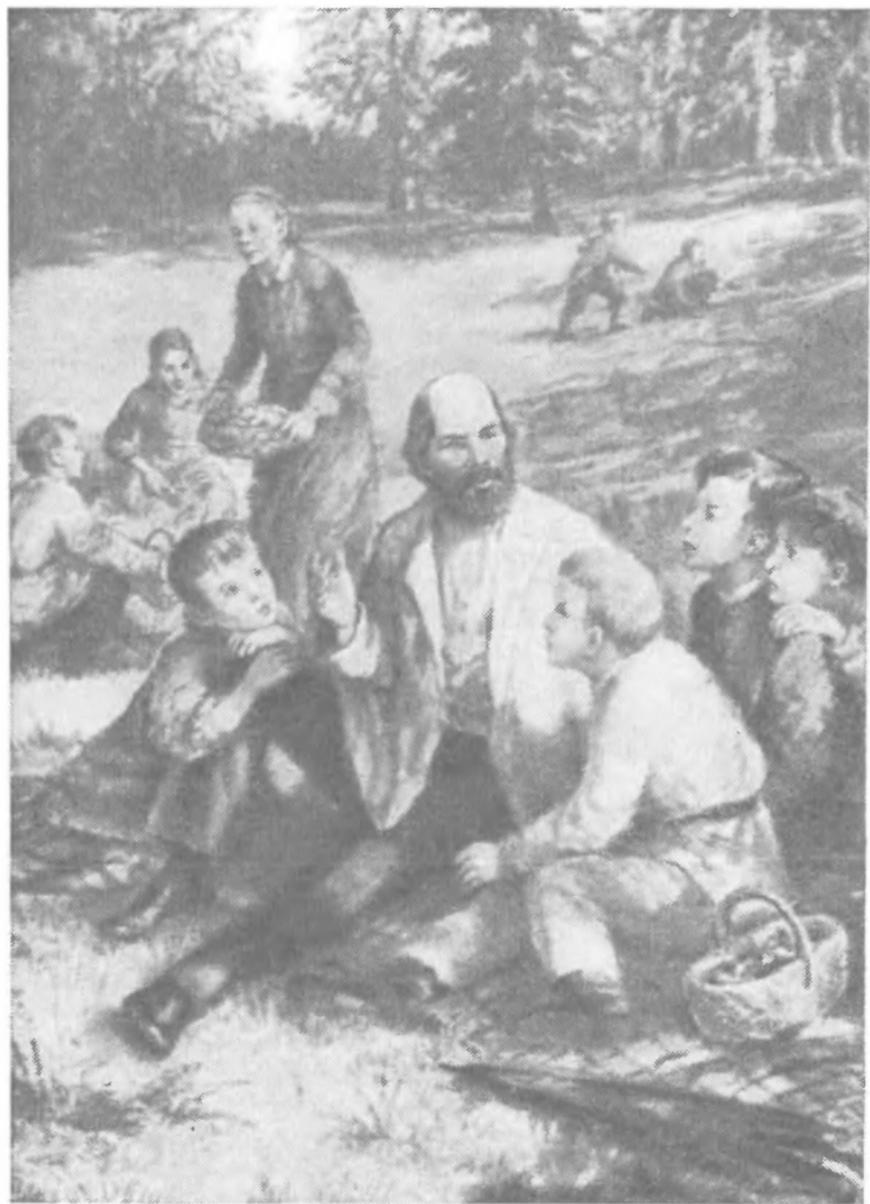
Проходя по деревне, тетя Маша приветливо разговаривала со встречавшимися крестьянками. У нее везде были старинные приятельницы. Они дружески называли тетю Машу и мою маму Машенькой и Аннушкой.

У тети Маши сохранились с ними очень теплые отношения, и она всегда привозила им гостинцы.

Илья Николаевич тоже часто беседовал с крестьянами, присаживаясь на завалинки у изб.

На прогулки Илья Николаевич, по настоянию тети Маши, брал пальто или плед, называя их «наслоениями». Он легко поддавался простуде.

Ездили мы и в соседний, так называемый «Передний», лес с самоваром. В этом лиственном лесу на полянке росла одна-единственная сосна и две дикie яблоньки. Здесь мы располагались и разводили костер. Если находили яблоки, то пекли их вместе с картошкой, хотя они, как сырые, так и печеные, были совершенно несъедобны...

**Семья Ульяновых на прогулке
(рисунок худ. А. Давыдовой).**

После захода солнца все обитатели Кокуникша, и старый и малый, собирались обыкновенно на балконе большого дома и на скамейке в цветнике.

И тетя Маша и мама — большие любительницы цветов. Флоксы, резеда, левкой, душистый горошек, никотяна, настурция и другие цветы наполняют воздух ароматом. Георгины и мальвы возвышаются в середине клумб.

Дети, предвкушая удовольствие игры со взрослыми, бегут в дом за стульями и табуретками для старших; сами усаживаются на ступеньках балкона. Начинаются так называемые «сидячие игры».

Илья Николаевич зовет Шуру, Анечку и мою сестру Машу, уединившихся на прохладном, северном верхнем балконе.

Кто-то из младших предлагает играть в «синонимы».

— Ну что ж! Хотя эту игру и неправильно так называть, — говорит Илья Николаевич, — следовало бы назвать «омонимы», но раз уж это название укоренилось, пусть так. А теперь воспользуемся запозданием Оли и живо придумаем, что ей загадать.

Останавливаемся на слове «поля»: ни разу не загадывали.

— Первое: поля, по которым гуляют, — засеянные знаками.

— Второе: поля, под которыми гуляют, — поля шляпы.

— Есть и третье, — замечает Володя.

— Что же? Не приходит в голову.

— А поля, по которым гуляет перо учителя, исправляющего работу ученика, — разъясняет Володя.

Приходит Оля и быстро разгадывает слово по данным тетей Машей трем определениям его: первое — побитые градом, второе — поломанные и третье — залитые чернилами.

Загадав еще несколько созвучных слов, переходим к другой игре — «в пословицы», посящей опять-таки неточное название, так как нередко загадывали стихи вместо пословиц. В этой игре отгадывающий задает любые вопросы всем играющим по очереди. В свой ответ играющий должен вставить назначенное ему слово из стихотворения или пословицы.

У крутой тропинки, сбегавшей к пруду, растут старые липы, посаженные в кружок, и образуют беседку. Сюда удаляется тот, кто должен отгадывать.

**«Сидячие игры» в Кокункине
(рисунок худ. А. Давыдовой).**

Уходит Шура. Со всех сторон сыплется предложения.

— «Вот парадный подъезд!» — кричат ребята.

— Не годится: много трудных слов — «парадный», «торжественным»...

— «В тот год осенняя погода» — из «Евгения Онегина», — предлагает моя сестра Маша.

— Некрасова и Пушкина Саша сразу отгадает — надо что-нибудь потруднее, мало известное, — возражает Володя.

Наконец останавливаемся на шуточных стихах Саши Веретенникова:

Во тьме ночной
Пропал пирог мясной,
Пропал бесследно,
Безвозвратно,
Куда и как девался — непонятно.

— Хорошо, пусть наш Саша отгадывает то, что выдумал ваш Саша, — шутит Илья Николаевич, обращаясь к маме.

— Володе дадим слово «тьме» — в этом падеже его не так легко вставить.

Но Володя с честью выходит из трудного положения.

На вопрос Шуры, почему он за коленку держится, Володя, не моргнув глазом, отвечает:

— Вчера вечером ушиб ногу: без света, во тьме крошечной, спать ложился и наскочил на табуретку.

Нужное слово «тьме» было вставлено в ответе так естественно, что отгадать его было трудно.

Однако на слове Ильи Николаевича Шура, к удовольствию ребят, отгадал стихи, и пришлось удаляться Илье Николаевичу, так как строгое правило — уходить тому, на чьем слове отгадано, — было непреложно.

Впрочем, старшие, например Анечка, отгадав ранее, нарочно доводила разгадку до того, кого она хотела отправить «в уезд» (это выражение взято в соответствии с поездками Ильи Николаевича по службе).

Н. Веретенников, стр. 30—32, 42—46.

Илья Николаевич был также искренне и глубоко верующим человеком и воспитывал в этом духе детей. Но его религиозное чувство было, так сказать, вполне «чистым», чуждым всякой партийности и какой-либо приспособляемости к тому, что «принято». Это было религиозным

чувством Жуковского, поэта любимого отцом, религиозным чувством гораздо более любимого Некрасова, выразившимся, например, в поэме «Тихина», отрывки из которой отец любил цитировать, именно то место, где говорится о «храме божием», пахнувшем на поэта «детски чистым чувством веры»¹.

В гимназии, правда, требовали посещения церкви, говения. Но дома дети видели искренне убежденного человека, за которым шли, пока были малы. Когда же у них складывались свои убеждения, они просто и спокойно заявляли, что не пойдут в церковь (помню такой случай с братом Александром), и никакому давлению не подвергались.

А. Елизарова. О жизни Владимира Ильича Ульянова-Ленина в Казани (1887—89 гг.). «Пути революции» (Казань), 1922, № 2, стр. 5—6.

Надо сказать, что даже Добролюбов в 1856 г. не порвал еще окончательно с религией, а Илья Николаевич так и остался верующим до конца жизни, несмотря на то, что был преподавателем физики, метеорологом. Его волновало, что его сыновья перестают верить. Александр Ильич главным образом под влиянием Писарева перестал ходить

¹ В поэме «Тихина» Некрасов говорит о своей любви к России, ко всему тому, что в его сознании связано с родной землей. Обращаясь к родине, поэт восклицает:

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отизны —
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиление посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозой выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенок тишину,
И нив широкие размеры...
Храм божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.

(Н. А. Некрасов. Сочинения в трех томах, том 1. М., 1959, стр. 200).

в церковь. Анна Ильинична вспоминает, что одно время Илья Николаевич спрашивал за обедом Сашу: «Ты нынче ко всенощной пойдешь?», тот отвечал кратко и твердо: «Нет». И вопросы эти перестали повторяться.

И. К. Крупская. О Ленине. М., 1960, стр. 31—32.

...Ильич рассказывал, что, когда ему было лет пятнадцать, у отца раз сидел какой-то педагог, с которым Илья Николаевич говорил о том, что дети его плохо посещают церковь. Владимира Ильича, присутствовавшего при начале разговора, отец уснул с каким-то поручением. И когда, выполнив его, Ильич проходил потом мимо, гость с улыбкой посмотрел на Ильича и сказал: «Сечь, сечь надо». Возмущенный Ильич решил порвать с религией, порвать окончательно; выбежав во двор, он сорвал с шеи крест, который носил еще, и бросил его на землю.

И. Крупская. Детство и ранняя юность Ильича. «Большевик», 1938, № 12, стр. 70.

Действительно, в семье Ульяновых не культивировали атеизм, и маленький Володя сначала рос под знаком тех религиозных внушений, которые не могла не оказывать на него окружающая среда. Но гимназическое начальство, охотно выставляя оканчивающему гимназисту жирную пятачку по закону божью, и не подозревало, что в голове юноши давно уже совершился процесс эмансипации (то есть освобождения.— *А. И.*) его мысли от религиозных предрассудков... По рассказу одного из приятелей Ильича (его товарища по революционной работе 1895 г.)¹, сам Владимир Ильич так характеризовал момент этой эмансипации. Однажды, когда в его сознании ясно отобразилась мысль, что никакого бога нет, он порывисто снял со своей шеи крест, с презрением плюнул на «священную реликвию» и бросил на землю. Словом, освободился от религиозных предрассудков по-своему,— чисто «по-ильичи-

¹ Гл(еба) М(аксимилиановича) Крайжановского.— Примечание П. Ленинского.

чески», революционно, без длительных колебаний и робких примериваний к своему уму «духа отрицанья и сомненья».

И. Лепешинский. Жизненный путь Ильича. М., 1925, стр. 9—10.

И певольно встает вопрос о том, знал ли отец о революционном настроении старшего брата (Александра Ильича. — *А. И.*). Несомненно знал, не мог не знать. Слишком велика была их любовь друг к другу, слишком тесная дружба связывала их, и нельзя допустить, чтобы Александр Ильич не высказывал отцу, хотя бы в общей форме, своих взглядов.

М. Ульянова, стр. 60.

Это было в Симбирске летом 1885 г., за полгода до смерти отца. Все семейные куда-то уехали, остались дома только отец, Александр Ильич и я. Мне было тогда 11 лет.

Отец с братом гуляли по средней аллее сада. Гуляли очень долго и говорили о чем-то тихо и чрезвычайно сосредоточенно. Лица их были как-то особенно серьезны, и они настолько ушли в свой разговор, что совершенно не обращали внимания на мои попытки вмешаться и перейти к чему-нибудь общему и веселому. Иногда говорили горячо, но больше тихо, чуть внятно. Я взгляделся в их лица и понял, что обсуждается что-то очень важное и я не должен им мешать. Этот момент мне резко врезался в память.

О чем они говорили? Тогда я ровно ничего не понял, меня поразило только самый характер необычного и слишком длительного разговора. Значительно позже, уже после трагической гибели старшего брата в полицейском застенке, мне вспомнился этот разговор и смутно увязался с событиями и почему-то с телеграммой Александра Ильича в январе 1886 г.: «Телеграфируйте подробнее о смерти папы».

В настоящее время я совершенно убежден, что описанный разговор был на политические темы и, несомненно, он был не единичный и случайный. Иначе и не могло быть в те годы, когда только что завершилась героическая борьба народолюбцев с самодержавием. Если принять во внимание, что у отца с Александром Ильичем были — судя

по всем данным — самые близкие товарищеские отношения, что отца чрезвычайно интересовали все переживания брата, нельзя допустить ни в коем случае, чтобы он мог скрыть от отца свои политические убеждения. Другой вопрос, насколько оформился у него к тому времени взгляд на террор.

Мои предположения вполне подтверждаются словами отца, сказанными Анне Ильиничне, уезжавшей в Петербург: «Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас»¹.

Из воспоминаний *Д. И. Ульянова*. Цит. по кн. М. Ульяновой, стр. 60—61.

Небогатое здоровье Ильи Николаевича заметно пошатнулось в последние годы. Обремененный довольно сложными делами дирекции, требовавшими более пребывания на месте, в Симбирске, он при первой свободе от канцелярских дел спешил к своим любимым училищам в город и села. Так, чуть не в последние дни жизни своей (7—19 декабря) он произвел ревизию во многих школах Карсунского и Сызранского уездов.

К. М. Аммосов. Илья Николаевич Ульянов. Циркуляр по Казанскому учебному округу, 1886, № 1, стр. 51.

В декабре 1885 г., будучи на третьем курсе (на Высших женских курсах в Петербурге.— *А. И.*), я приехала опять на рождественские каникулы домой, в Симбирск. В Сызрани я съехала с отцом, возвращавшимся с оче-

¹ С этим вполне согласуются и такие строки из письма Александра Ильича к отцу от 6 октября 1884 года: «Ты, вероятно, успокоился, читая о беспорядках в Киевском и Московском университетах. У нас (то есть в Петербургском университете.— *А. И.*) пока все спокойно; никаких признаков возбуждения не заметно» (см. сб. «Семья Ульяновых». Ульяновск, 1960, стр. 49). В другом письме Александр Ильич пишет: «Посылаю папе брошюру «Математические софизмы», которую он очень желал иметь. Володе, я думаю, она может быть очень полезна, если он станет самостоятельно разбирать эти софизмы. Получил ли он те немецкие переводы, которые я ему послал?» (там же, стр. 50). Из этих писем видно, с какой заботливостью и чуткостью относился Александр Ильич к отцу и брату.

редной поездки по губернии, и сделала вместе с ним путь на лошадях. Помню, что отец произвел на меня сразу впечатление сильно постаревшего, заметно более слабого, чем осенью, — это было меньше чем за месяц до его смерти. Помню также, что и настроение его было какое-то подавленное, и он с горем рассказывал мне, что у правительства теперь тенденция строить церковноприходские школы, заменять ими земские. Это означало сведение насмарку дела всей его жизни. Я только позже поняла, как тягостно переживалось это отцом, как ускорило для него роковую развязку.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 84).

6 января 1886 года у нашего инспектора Стржалковского, друга и ближайшего помощника Ильи Николаевича, была вечеринка, на которой я... видела Илью Николаевича.

В этот вечер он, как всегда, был весел, сыпал шутками и остротами и, как всегда, искрились его глаза (эти искры были и в глазах Володи).

В. В. Кашкадамова. Семейство В. И. Ульянова-Ленина в Симбирске. «Бакинский рабочий», 1926, 21 января.

Конец декабря и начало января были, как всегда, заполнены для него (Ильи Николаевича.— *А. И.*) лихорадочной работой по составлению ежегодных отчетов. Около 10 января отец заболел. По мнению врача и его самого, это было только желудочное расстройство. Достаточного внимания на болезнь не было обращено: отец был на ногах, продолжал заниматься, к нему ходили его сотрудники инспектора.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 84).

За день до смерти И(льи) Н(иколаевича) я была вечером у Ульяновых, и хотя И(льи) Н(иколаевич) чувствовал себя лучше, однако за обычным чаепитием его не было.

Мы сидели в столовой и тихо разговаривали о его болезни и предстоящем отъезде Ан(ны) Ил(ьиничны) в Петроград (тогда еще Петербург.— *А. И.*) на курсы, после зимних каникул, и прислушивались к его покашливанию в кабинете, отделявшемся от столовой тонкой стеной.

Никому и в голову не приходило, что через день его уже не будет в живых.

В. В. Кашкадамова («Юбилейный сборник», стр. 39).

Ночь на 12-е он (Илья Николаевич.— *А. И.*) провел почти без сна. Я находилась при нем, и он поручал мне читать какие-то бумаги; при этом я заметила, что он начинает немного путать и заговариваться, и я убедила его прекратить чтение.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 84).

За полтора часа (до смерти И. Н. Ульянова.— *А. И.*) я был у него и долго с ним говорил¹.

И. Я. Яковлев — П. П. Пльминскому, 13 января 1886 года. *А. И. Яковлев*. Иван Яковлевич Яковлев. 1848—1930, изд. 2. Чебоксары, 1958, стр. 42.

В самый день смерти отец продолжал часов до 2 дня работать вместе с одним из своих помощников инспекторов (*В. М. Стржалковским.— А. И.*). От обеда он отказался, сказав, что ляжет отдохнуть. Но когда мы все собрались за столом², Илья Николаевич вышел в столовую и, остановившись около двери, обвел всех нас долгим взглядом. Что-то особенное было в этом взгляде, как будто он чувствовал, что с ним творится что-то неладное. «Точно проститься приходил», — говорила позднее мать. Глу-

¹ И. Я. Яковлев и его жена Екатерина Алексеевна пришли к Илье Николаевичу поздравить его с получением награды — ордена Станислава 1-й степени.

² *А. И. Ульянова-Елизарова* вспоминает, что в день смерти Илья Николаевича «из всей семьи один Саша был не с нами» («А. И. Ульянов», стр. 85).

боко запал в памяти этот его взгляд, такой сосредоточенный и серьезный. Потом отец повернулся и ушел к себе в кабинет. Когда мать после обеда заглянула к нему, она увидела, что отец лежит на диване и дрожит от озноба. Испугавшись, мать накрыла его потеплее и тотчас же послала за врачом...

М. Ульянова, стр. 68.

...Часу в пятом мать позвала в тревоге меня и Володю. Отец был, очевидно, уже в агонии: содрогнулся пару раз всем телом и затих. Приехавший врач (Лекгер.— *А. И.*) определил кровоизлияние в мозг. Несомненно, в болезни его не разобрались: в ней были и мозговые явления, если она не была всецело мозговой.

А. И. Ульянова-Елизарова («А. И. Ульянов», стр. 84—85).

От какой болезни умер отец? Вскрытие, которое могло бы точно установить причины смерти, не было произведено. Может быть, сердце не выдержало напряженной работы, а возможно, как высказывались потом предположительно врачи, у отца было кровоизлияние в мозг, которое и свело его в могилу на 55-м году жизни¹.

М. Ульянова, стр. 69.

Морозный лунный вечер 12 января 1886 года. На окраине тогдашнего Симбирска (ныне Ульяновск) мертвая тишина, только изредка услышишь визг железного поезда по крепко накатанному и промороженному снегу да долетит скрип шагов из переулка. Пользуясь лунным вечером, мы досыта накатались с Дмитрием Ульяновым (тогда одиннадцатилетним мальчиком) на салазках с кру-

¹ Доктор Лекгер, который лечил отца, в ответ попечителю Казанского округа писал, что точно причина смерти отца установлена не была. «Я могу только предположительно, хотя с громадной вероятностью, сказать, что ближайшей причиной смерти было кровоизлияние в головной мозг» (apoplexia cerebri).— Примечание М. Ульяновой.

той горы, спускающейся к Свяиге, и занялись борьбой в большой комнате, в окна которой льется поток лунного света. Неожиданно хлопает входная дверь, и в передней раздается голос Владимира Ильича, тогда ученика 7-го класса Симбирской классической гимназии, как она называлась в отличие от уничтоженной гимназии — военной.

Владимир Ильич не раздевается, как обычно, а остается в передней и быстрым шепотом что-то говорит моему отцу (И. Я. Яковлеву. — А. И.). Лицо его бледно, губы сжаты, глаза опущены. Обращаясь к брату, он спокойно, но голосом, не допускающим возражений, говорит ему:

— Митя, одевайся, поедем домой.

Прервать игру раньше времени было неприятной неожиданностью. Странен был приезд на извозчике Владимира Ильича, несмотря на небольшое расстояние, отделявшее дом Ульяновых от нашей квартиры: это было не в обычаях у живших со спартанской простотой Ульяновых.

Не понимая, в чем дело, но уже тревожно настроенный, Митя спешно одевается и следует за братом. Владимир Ильич прощается молча, с сумрачным лицом; его курчавые, рыжеватые волосы, когда он поворачивается, чтобы выйти из комнаты, отливают золотистым блеском.

Когда братья ушли, я подбегаю к своему отцу и спрашиваю, почему Митю понадобилось увезти так рано. Отец смахивает слезу и говорит:

— Илья Николаевич скончался.

А. Яковлев. Четыре встречи с В. И. Лениным. «Исторический журнал», 1942, № 1—2, стр. 160.

О смерти И(льи) Н(иколаевича) я узнала только на другой день утром. Весть эта, как громом, поразила меня, да, вероятно, и все учительство. Не вполне доверяя известию, я побежала к Ульяновым и увидела нашего дорогого директора лежащим в обычном вицмундире, спокойного и будто улыбающегося. Глядя на него, не верилось, что он мертв. Казалось, вот-вот он встанет, засмеется и скажет, что он пошутил. И не помню, какое впечатление произвела его смерть на старших детей, помню только, что маленьких детей — Митю и Маню — старались удержать наверху. По отношению Мити это плохо удавалось. Он

то и дело сбегал вниз: очевидно, эта необычайная суматоха в доме, толпа народу, панихиды школьных законоучителей производили на него большое впечатление.

«А у нас уже 5-ю панихиду сегодня служат», — объявил он.

Только живо запомнилась мне Мария Александровна, бледная, спокойная, без слез, без жалоб стоящая у гроба. Смерть И(льи) Н(иколаевича) глубоко поразила меня...

Я не могла себе представить школу и работу в ней без И(льи) Н(иколаевича).

В. В. Кашкадамова («Юбилейный сборник», стр. 40).

Он (И. Н. Ульянов. — А. И.) очень много потрудился на пользу народного образования, поставив его как в Симбирске, так и в губернии едва ли не лучше, чем оно поставлено в других местностях России. О преждевременной смерти его должны горько пожалеть друзья и приверженцы начального образования.

«Некролог». «Новь», 1886, том VIII, № 8, стр. 393.

Неутомимая деятельность Ильи Николаевича Ульянова, продолжавшаяся ровно 16 лет¹, дала нашей губернии 434 хороших народных училища с 20 000 учащихся. Легко сказать это, но нелегко вынести на своих плечах такой громадный труд...

В. Назарьев. Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета. «Симбирские губернские ведомости», 1894, 18 мая.

Тот отклик, который смерть его (Ильи Николаевича. — А. И.) нашла в Симбирске, то огромное число народа, — сослуживцев, учащихся и учащихся, — а также представ-

¹ И. Н. Ульянов руководил народным просвещением в Симбирской губернии с сентября 1869 года по январь 1886 года, то есть 16 лет и 4 месяца.

телей другого населения, которое пришло проводить его, лучше всяких слов указывало на сложившееся к нему отношение, на оставленную им по себе память.

А. Ульянова («Юбилейный сборник», стр. 9).

В местном обществе Илья Николаевич заслужил редкое внимание и уважение. Весть о его кончине быстро облетела город и все отдаленные концы Симбирской губернии. Начиная с высшего представителя власти в губернии, г. губернатора, и представителей всех отдельных учреждений в губернии, все спешили в дом покойного поклониться его праху и помолиться об упокоении души при ежедневно совершавшихся панихидах до дня погребения. Ко дню же погребения 15 января собрались все ближайшие его сотрудники, инспекторы (из Сызрани, Карсуна, Алатыря и Ардатова) оплакать горячо любимого и уважаемого ими директора...

Отрадно было видеть при гробе покойного это общее выражение внимания и уважения к его личности и заслугам; это значительно облегчило скорбь близких к нему по деятельности людей о потере такого полезного деятеля. Но ничем не умерялось грустное чувство при виде многочисленной, нежно любимой им и в свою очередь безгранично любящей его, осиротелой семьи... Дети находятся еще в таком периоде возраста и воспитания, в котором лишение родителя является... утратой не только ничем не заменимого нравственного руководителя и покровителя, но и источника материальных средств. Покойный был образцовым семьянином, полагавшим в семье всю свою отраду, и счастье, и утешение. В свою очередь и семья по своему... высоконравственному строю вполне оправдывала нежную любовь родителя. Всем известна в Симбирске прекрасная семья Ильи Николаевича...

Нет нужды говорить, что этот неутомимый труженик не только по своим нравственным наклонностям и убеждениям, но и по самому положению своему и крайне скромным, единственно приобретенным службой, средствам жизни не мог сберечь для семьи никакого денежного и материального обеспечения.

Вынос тела Ильи Николаевича и погребение происхо-

дило 15 января. К 9 часам утра все сослуживцы покойного, учащие и учащиеся в городских народных училищах, г. вице-губернатор, директор и многие учителя гимназии, кадетского корпуса и духовной семинарии и все читатели памяти покойного (а кто в Симбирске не знал и не уважал его) и огромное число народа наполнили дом и улицу около квартиры покойного. Вышние лица симбирского духовенства во главе с о. ректором духовной семинарии совершили краткую литию при гробе покойного в квартире, после которой одним из учителей приходских училищ г. Симбирска сказана была речь. Затем началось печальное шествие. Гроб с останками покойного был принят на руки его вторым сыном (то есть Владимиром Ильичем.— А. И.), ближайшими сотрудниками и друзьями. Процессия направилась в приходскую церковь покойного, Богоявленскую, очень близкую к его квартире. Впереди процессии резко выдавались прекрасные венки, несомые учениками городских училищ: от сослуживцев его, от симбирской гимназии, от симбирского трехклассного городского училища и от приходских учителей и учительниц города Симбирска. Украшавшие их надписи ясно свидетельствовали о чувствах, питаемых к покойному его почитателями. Таковы: «от приходских учителей и учительниц города Симбирска, пораженных безвременной утратой руководителя и отца», «от симбирского трехклассного городского училища незабвенному начальнику».

По внесению гроба во храм началась божественная литургия, которую совершал искренний друг семьи покойного соборный священник и преподаватель духовной семинарии С. С. Медведков, в сослужении двух священников. Пение на правом клиросе исполнилось прекрасным хором, составленным из учеников трехклассного городского училища и управляемым г. Маториным, учителем пения во всех городских училищах. На левом клиросе пел хор учеников Симбирской центральной чувашской школы¹...

При погребении сказано было глубокопрочувствованное слово о. С. Ст. Медведковым и речь одним из сослуживцев покойного инспектором А. А. Красевым. Эти

¹ Покойный принимал, до учреждения особой должности инспектора чувашских школ, близкое участие в судьбах этой школы и вообще немало по своему положению потрудился в организации чувашских школ, число которых довольно значительно в Симбирской губернии.— Примечание К. М. Аммосова.

надгробные речи в живых, искренних словах обрисовали светлую, честную и благородную личность Ильи Николаевича и его исполненную неутомимых трудов жизнь и деятельность. Тем же порядком, по окончании отпевания, совершенно было перенесение тела на могилу, при Покровском монастыре. Все расстояние от церкви до монастыря гроб с останками покойного несен был на руках его сослуживцам, учителями и друзьями. Последнее слово, так сказать, «последнее прости» сказано было Илье Николаевичу учителем городского трехклассного училища М. И. Зыковым пред опущением гроба в могилу¹.

К. М. Аммосов. Илья Николаевич Ульянов (Некролог). Циркуляр по Казанскому учебному округу, 1886, № 1, стр. 51—54.

Илью Николаевича Ульянова хоронили в ограде Покровского мужского монастыря, около каменной стены с южной стороны².

Перед тем как опустить его в могилу, учителя городских школ произносили речи.

Учителя искренне оплакивали его, уважаемого и любимого своего начальника и руководителя в педагогическом деле.

Для них смерть Ильи Николаевича была большой скорбью — все сознавали, что лишились не только справедливого начальника, но и гуманнейшего человека-педагога.

Воспоминания *В. Никифорева.* Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

Илья Николаевич оставил после себя яркий след своей неутомимой деятельностью в своих учениках, в том кадре

¹ Некролог подписал попечитель Казанского учебного округа П. Н. Масленников.

² Впоследствии на могиле И. Н. Ульянова Мария Александровна поставила памятник с надписью: «Здесь покоится прах Ильи Николаевича Ульянова. Родился 14 июля 1831 года. Скончался 12 января 1886 года». В течение полутора лет, прожитых в Симбирске после смерти Ильи Николаевича, на его могилу часто приходили члены семьи Ульяновых, в том числе и Владимир Ильич. В настоящее время недалеко от могилы И. Н. Ульянова воздвигнут памятник работы скульптора М. Г. Манизера.

пародных учителей и учительниц, в тех «ульяновцах», которых он выпестовал в духе лучших идей 60-х и 70-х годов, в тех своих современниках, которые, живя в «ульяновское время», заражались его неутомимостью и преданностью делу.

М. Ульянова, стр. 5—6.

Как-то разговорились мы о деятельности и личности нашего покойного директора народных школ Ильи Николаевича Ульянова. Припомнили огромные заслуги перед обществом как И. Н. Ульянова, так и ближайших его питомцев, и мы были поражены тем, как глубоко, беззаветно всего себя может отдать человек на служение идее; мы и мечтать не могли приблизиться к тому идеалу человека и гражданина, какой воплощал в себе И. Н. Ульянов и его ближайшие питомцы; чуть не клятвенное слово дали мы хоть в слабых чертах печатно указать на их деятельность... И я вполне глубоко сознаю и понимаю благоговение и преклонение перед обаятельной личностью Ильи Николаевича Ульянова.

Да, редко дарит и балует нас мачеха-судьба такими выдающимися деятелями, возможными и понятными только в то время, о котором идет речь.

В. И. Анненков. Воспоминания. Цит. по кн. М. Ульяновой, стр. 72.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1831

Июль, 14 (26). В Астрахани родился Илья Николаевич Ульянов.

1838

Умер отец И. Н. Ульянова — Николай Васильевич Ульянов (родился в 1763 году).

1843

Сентябрь, 7 (19). И. Н. Ульянов поступил в Астраханскую 1-ю мужскую гимназию.

1847

Гимназист И. Н. Ульянов представил сочинение «Объяснение некоторых синонимов».

1848

За хорошую успеваемость гимназист И. Н. Ульянов получил денежную награду (25 рублей).

1849

За успехи в науках педагогический совет гимназии наградил И. Н. Ульянова денежной премией (25 рублей).

1850

Гимназист И. Н. Ульянов представил сочинение «О сатирическом направлении в русской литературе», получившее одобрение профессора Казанского университета.

Июнь, 10 (22). И. Н. Ульянов окончил Астраханскую 1-ю мужскую гимназию.

Июль, 19 (31). И. Н. Ульянову выдано свидетельство об окончании Астраханской 1-й мужской гимназии.

Сентябрь, 30 (октябрь, 12). И. Н. Ульянов условно зачислен на 1-й курс физико-математического факультета Казанского университета.

Декабрь, 2 (14). Астраханская городская дума выдала И. Н. Ульянову увольнительное свидетельство от Общества мещан.

1851

Февраль, 3 (15). И. Н. Ульянов утвержден в числе студентов Казанского университета.

1853

Июнь, 20 (июль, 2) — июль, 22 (август, 3). Поездка студента И. Н. Ульянова в Астрахань к матери и старшему брату. Студент И. Н. Ульянов написал диссертацию «Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса».

1854

Сентябрь, 16 (28). Физико-математический факультет Казанского университета удостоил И. Н. Ульянова ученой степени кандидата наук.

Ноябрь, 5 (17). Астраханская казенная палата исключила И. Н. Ульянова из мещанского сословия.

Ноябрь, 18 (30). Попечитель Казанского учебного округа утвердил И. Н. Ульянова кандидатом Казанского университета.

Декабрь, 13 (25). И. Н. Ульянову выдан диплом об окончании Казанского университета.

1855

Май, 7 (19). И. Н. Ульянов назначен исправляющим должность старшего учителя математики и физики в высших классах Пензенского дворянского института.

Май, 25 (июнь, 6). Распоряжением помощника попечителя Казанского учебного округа Н. И. Лобачевского И. Н. Ульянов допущен к производству метеорологических наблюдений в Пензенском дворянском институте.

Начало июня. И. Н. Ульянов приехал в Пензу.

Ноябрь, 11 (23). И. Н. Ульянов утвержден в должности старшего учителя математики и физики Пензенского дворянского института.

Конец декабря — январь 1856. Находясь в краткосрочном отпуске, И. Н. Ульянов посетил Казань.

1857

И. Н. Ульянов держал экзамен на звание старшего учителя математики и физики.

Сентябрь, 21 (октябрь, 3). И. Н. Ульянову выдано свидетельство о том, что он удостоен звания старшего учителя математики и физики в гимназиях.

1858

За «усердие в преподавании» в институте И. Н. Ульянов получил денежную награду (150 рублей).

- Июль, 28 (август, 9).** И. Н. Ульянов присутствовал на заседании педагогического совета института, на котором обсуждался вопрос о преподавании естественной истории и русской словесности.
- Сентябрь, 23 (октябрь, 5).** И. Н. Ульянов подал рапорт директору института о состоянии аппаратуры для метеорологических наблюдений.
- Ноябрь, 8 (20).** И. Н. Ульянову «за добросовестное исполнение обязанностей изъявлена признательность начальства округа».

1861

- Январь, 9 (21).** И. Н. Ульянов присутствовал на заседании педагогического совета института, на котором было осуждено дерзотическое обращение с учениками учителя Р. Рейнаха.
- Ноябрь, 23 (декабрь, 5).** На торжественном акте института И. Н. Ульянов прочел свою научную работу «О грозе и громоотводах».

1862

- Ревизор Постельс, обследовавший институт, отметил, что «преподаватель Ульянов с усердием занимается своим предметом».

1863

- Июнь, 22 (июль, 4).** И. Н. Ульянов назначен старшим учителем математики и физики Нижегородской мужской гимназии (преподавал в ней до 31 августа (12 сентября) 1869 года).
- Июль, 6 (18).** И. Н. Ульянов назначен учителем планиметрии на землемерно-таксаторских курсах при Нижегородской мужской гимназии.
- Август.** И. Н. Ульянов женился на Марии Александровне Бланк.
- Осень.** И. Н. Ульянов с женой переехал в Нижний Новгород.
- Сентябрь, 1 (13).** И. Н. Ульянов по совместительству стал воспитателем в пансионе при дворянском институте.
- Октябрь, 14 (26).** И. Н. Ульянов начал по совместительству преподавать физику в женском училище 1-го разряда.

1864

- Август, 14 (26).** Родилась старшая дочь И. Н. Ульянова — Анна Ильинична.
- Ноябрь, 14 (26).** И. Н. Ульянов отказался от работы воспитателя в пансионе дворянского института.

1865

- Сентябрь, 10 (22).** И. Н. Ульянов перестал работать преподавателем физики в женском училище 1-го разряда.

1866

- Март, 31 (апрель, 12).** Родился старший сын И. Н. Ульянова — Александр Ильич.

Август, 31 (сентябрь, 12). И. Н. Ульянов перестал преподавать планиметрию на землемерно-таксаторских курсах при мужской гимназии в связи с их закрытием.

1867

Сентябрь, 25 (октябрь, 7). И. Н. Ульянов выступил на заседании педагогического комитета Нижегородской военной гимназии при обсуждении пробного урока по естествознанию, данного одним из экстернов.

Ноябрь, 15 (27). И. Н. Ульянов выступил на заседании объединенного педагогического совета Нижегородской гимназии и пансиона дворянского института.

1868

Февраль, 24 (март, 8). Педагогический совет Нижегородской гимназии рассмотрел и утвердил составленные И. Н. Ульяновым программы по арифметике, физике, алгебре, геометрии, тригонометрии, математической и физической географии.

1869

Сентябрь, 1 (13). И. Н. Ульянов назначен на должность инспектора народных училищ Симбирской губернии.

Сентябрь, 6 (18). Приказом управляющего министерством народного просвещения И. Н. Ульянов утвержден инспектором народных училищ Симбирской губернии.

Конец сентября. И. Н. Ульянов вместе с семьей приехал в Симбирск.

Осень. Семья Ульяновых поселилась во флигеле во дворе дома Прибыловского, на Стрелецкой улице.

Осень. И. Н. Ульянов избран действительным членом Симбирского губернского статистического комитета.

Ноябрь, 11 (23). И. Н. Ульянов разослал всем штатным смотрителям уездных училищ указание о недопустимости применения в школах физических мер наказания.

Ноябрь, 12 (24). И. Н. Ульянов в докладе Симбирской губернской земской управе выступил за введение в учебные программы обучения «знаниям практическим, необходимым в жизни».

1870

Февраль. И. Н. Ульянов хлопотал об открытии чувашского училища в селе Ходарах, Курмышского уезда.

Март, 6 (18). Под руководством И. Н. Ульянова состоялось заседание педагогического совета учителей курсов при Симбирском городском уездном училище.

Апрель, 10 (22). Родился сын Ильи Николаевича Владимира Ильич Ульянов (Ленин).

Апрель, 11, 21, 25 (апрель, 23, май, 3, 7). В «Симбирских губернских ведомостях» опубликована статья-отчет И. Н. Ульянова «О состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1869 год».

Июль — август. И. Н. Ульянов руководил учительским съездом в Сызранском уезде.

Осень. Семья Ульяновых перебралась в верхний этаж дома Прибыловского, на Стрелецкой улице.

Ноябрь, 24 (декабрь, 6). В «Симбирских губернских ведомостях» за подписью И. Н. Ульянова опубликован «Список законоучителей, учителей и учительниц начальных народных училищ Симбирской губернии, награжденных его сиятельством г. министром народного просвещения за истекший 1869 год по представлению г. инспектора народных училищ Симбирской губернии».

Ноябрь, 28 (декабрь, 10). В «Симбирских губернских ведомостях» опубликовано сообщение о том, что инспектором народных училищ И. Н. Ульяновым и директором классической гимназии И. В. Вишневым принимаются пожертвования на содержание «учеников из чуваш, приготовляемых в учителя инородческих сельских школ».

Декабрь, 15 (27). И. Н. Ульянов сообщил в Казанский учебный округ об открытии чувашского училища в селе Ходарах, Курмышского уезда.

В письме попечителю Казанского учебного округа И. Н. Ульянов внес свои предложения об устройстве школ для детей нерусских национальностей.

Во втором томе «Симбирского сборника» опубликована статья-отчет И. Н. Ульянова «О состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1869 год».

1871

Январь, 26 (февраль, 7). И. Н. Ульянов направил письмо мировому посреднику 1-го участка Курмышского уезда о предоставлении помещения для Ходаровского чувашского училища.

Апрель, 8 (20). И. Н. Ульянов присутствовал в здании городской думы на открытии Симбирского ремесленного училища графа В. В. Орлова-Давыдова.

Август, 31 (сентябрь, 12). И. Н. Ульянов заключил договор на постройку дома для чувашского училища в деревне Кошки, Буинского уезда.

Сентябрь, 3 (15). И. Н. Ульянов лично проверил доброкачественность строительных материалов, предназначенных для Кошкинского чувашского училища.

Сентябрь, 6 (18). И. Н. Ульянов запросил согласие Симбирской губернской земской управы на назначение В. А. Калашникова учителем в г. Симбирске.

Сентябрь, 19 (октябрь, 1). И. Н. Ульянов просил Буинскую уездную земскую управу назначить стипендии ученикам Симбирской чувашской школы.

Сентябрь, 23 (октябрь, 5). И. Н. Ульянов направил письмо попечителю Казанского учебного округа П. Д. Шестакову по поводу Симбирской чувашской школы.

Октябрь, 11 (23). И. Н. Ульянов открыл чувашское училище в деревне Кошки, Буинского уезда.

Октябрь, 28 (ноябрь, 9). И. Н. Ульянов открыл занятия в Симбирском народном училище, переведенном из здания, находившегося вблизи реки Свяги, в дом Щеглова, на Лисиней улице.

- Ноябрь, 4 (16).** Родилась дочь И. Н. Ульянова — Ольга Ильинична.
- Ноябрь, 6, 9, 13 (18, 21, 25).** В «Симбирских губернских ведомостях» опубликован составленный И. Н. Ульяновым «Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1870 год».
- Декабрь, 12 (24).** И. Н. Ульянов открыл татарскую школу в деревне Петряксе, Курмышского уезда, и дал в ней первый урок.
- Декабрь, 15—16 (27—28).** И. Н. Ульянов ревизовал Четаевское чувашское мужское училище, Курмышского уезда.
- Декабрь, 17 (29).** И. Н. Ульянов посетил Ходаровское чувашское училище, Курмышского уезда.
- Декабрь, 20 (1872, январь, 1).** И. Н. Ульянов посетил Убеевскую чувашскую школу.
- Декабрь, 21 (1872, январь, 2).** И. Н. Ульянов посетил чувашскую школу в деревне Кошки, Буинского уезда.
- Декабрь.** И. Н. Ульянов проверял ход обучения в Раскильдинской чувашской школе.
- Умерла мать И. Н. Ульянова Анна Алексеевна (родилась в 1788 году).
- И. Н. Ульянов внес свои замечания по 15 параграфам проекта правительственной инструкции инспекторам народных училищ.
- И. Н. Ульянов предпринял сбор сведений от уездных училищных советов о состоянии школьных библиотек.

1872

- Февраль, 12 (24).** В письме штатному смотрителю Курмышских училищ И. Н. Ульянов потребовал улучшения комплектования школьных библиотек.
- Март, 2 (14).** И. Н. Ульянов обратился к попечителю Казанского учебного округа с просьбой об ассигновании средств на постройку дома для чувашского училища в селе Ходары, Курмышского уезда.
- Март.** И. Н. Ульянов ходатайствовал об открытии образцового двухклассного училища в селе Порецком, Алатырского уезда.
- Апрель, 11 (23).** И. Н. Ульянов возбудил ходатайство об открытии образцового одноклассного училища в деревне Атянкиной, Буинского уезда.
- Май, 2 (14).** И. Н. Ульянов обратился к председателю Курмышского училищного совета с просьбой ассигновать из земских сумм средства на постройку дома для чувашского училища в селе Ходары.
- Май, 8 (20).** И. Н. Ульянов доложил попечителю Казанского учебного округа о состоянии учебно-воспитательной работы в «иностранческих» начальных народных школах Симбирской губернии.
- Май.** И. Н. Ульянов ревизовал начальные народные училища Сызранского уезда.
- Июнь, 3 (15).** И. Н. Ульянов возбудил ходатайство об открытии образцового одноклассного училища в селе Усолье, Сызранского уезда.

- Июнь, 8 (20).** И. Н. Ульянов осмотрел Тойсинское чувашское женское училище.
- Июнь, 11 (23).** И. Н. Ульянов проводил годовые испытания учеников в Ходаровском чувашском училище.
- Июнь, 13 (25).** И. Н. Ульянов посетил татарскую школу в деревне Петряксе, Курмышского уезда.
- Июнь, 21 (июль, 3).** И. Н. Ульянов проводил испытания 17 учеников Симбирской чувашской школы.
- Июль, 1 (13).** И. Н. Ульянов арендовал на один год у жителя Симбирска И. Поникарова верхний этаж его дома на Ново-Казанской улице для Симбирской чувашской школы.
- Июль.** И. Н. Ульянов ездил в Москву на политехническую выставку, открытую во время Первого Всероссийского съезда учителей.
- Октябрь, 5 (17).** В письме попечителю Казанского учебного округа И. Н. Ульянов просил увеличить ассигнования на содержание Симбирской чувашской школы.
- Ноябрь, 5 (17).** И. Н. Ульянов просил Симбирскую земскую управу выдать ему заимообразно 1000 рублей для выписки книг и учебных пособий для школ.
- Ноябрь, 15 (27).** В письме в Симбирскую губернскую земскую управу И. Н. Ульянов поднял вопрос о введении стипендий в открываемой Порецкой учительской семинарии, об организации библиотек в уездах и о предоставлении общежитий для приходящих учеников.
- Ноябрь, 19 (декабрь, 1).** По инициативе И. Н. Ульянова открыта учительская семинария в селе Порецком, Алатырского уезда.
- Декабрь, 1 (13).** И. Н. Ульянов присутствовал на ежегодном годовом собрании членов комитета Карамзинской библиотеки и сделал внос в пользу библиотеки.
- Декабрь, 2 (14).** В письме в редакцию «Симбирских губернских ведомостей» И. Н. Ульянов просил опубликовать статью об открытии Безводовского училища в Сенгилеевском уезде.
- Декабрь.** И. Н. Ульянов возбудил ходатайство об открытии образцового одноклассного училища в селе Печерском, Сызранского уезда.

1873

- Февраль, 22 (март, 6).** В письме к студенту Казанского университета И. Я. Яковлеву И. Н. Ульянов сообщал о положении Симбирской чувашской школы.
- Февраль, 22 (март, 6).** И. Н. Ульянов написал письмо И. И. Пльминскому с просьбой принять нескольких юношей в Казанскую учительскую семинарию.
- Апрель, 5 (17).** В письме к И. Я. Яковлеву И. Н. Ульянов сообщал о строительстве сельских начальных школ.
- Июль, 1—15 (13—27).** Под руководством И. Н. Ульянова проходил съезд учителей Карсунского уезда.
- Сентябрь, 1—16 (13—28).** В г. Симбирске под руководством И. Н. Ульянова проходил съезд учителей Симбирского и Сенгилеевского уездов.
- Сентябрь, 7 (19).** И. Н. Ульянов присутствовал в Доме городского

общества на открытии учебного курса Симбирской военной гимназии.

Сентябрь, 28 (октябрь, 10). И. Н. Ульянов обратился в Симбирское агентство Российского страхования с просьбой застраховать дом Ходаровского училища, Курмышского уезда.

Конец сентября. И. Н. Ульянов помог сыну батрака И. Я. Зайцеву поступить в Симбирскую чувашскую школу.

Октябрь, 3 (15). И. Н. Ульянов обратился с письмом в Муратовское волостное правление по поводу заготовки материалов для строительства училища в селе Малые Кармалы, Буинского уезда.

Декабрь, 26 (1874, январь, 7). И. Н. Ульянов ходатайствовал перед попечителем Казанского учебного округа об открытии училища для мордвы и чувашей в селе Малые Кармалы, Буинского уезда.

В Казани издан составленный И. Н. Ульяновым «Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1872 год».

В Казани издана написанная И. Н. Ульяновым «Вступительная статья к отчету о занятиях съезда учителей и учительниц начальных народных училищ Симбирской губернии в 1873 г.».

1874

Январь, 21 (февраль, 2). И. Н. Ульянов обратился в Симбирскую уездную земскую управу с просьбой выделить средства на содержание 12 крестьянских мальчиков в Симбирской чувашской школе.

Март, 11 (23). И. Н. Ульянов повторно ходатайствовал перед попечителем Казанского учебного округа об открытии училища в селе Малые Кармалы, Буинского уезда.

Май, 2 (14). В связи с отказом Казанского учебного округа выделить средства на постройку училища в селе Малые Кармалы И. Н. Ульянов возвратил на места все «приговоры» сельского общества по этому поводу.

Июль, 1 (13). И. Н. Ульянову передано управление всеми народными училищами Симбирской губернии.

Июль, 11 (23). Приказом управляющего министерством народного просвещения И. Н. Ульянов назначен директором народных училищ Симбирской губернии.

Август, 4 (16). Родился младший сын И. Н. Ульянова — Дмитрий Ильич.

Август, 6 (18). В письме штатному смотрителю Симбирского уездного училища И. Н. Ульянов указал на необходимость ежемесячного проведения педагогических советов «для обсуждения именно педагогических вопросов».

Сентябрь, 1—14 (13—26). В г. Симбирске под руководством И. Н. Ульянова проходил второй съезд учителей Симбирского и Сенгилеевского уездов.

Октябрь, 1 (13). И. Н. Ульянов открыл одноклассное народное училище в селе Усолье, Сызранского уезда.

Октябрь, 16 (28). И. Н. Ульянов в письме к попечителю Казанского учебного округа ходатайствовал об открытии новых «инородческих» школ.

- Октябрь, 19 (31).** И. Н. Ульянов послал 53 книги для пополнения библиотеки Симбирской чувашской школы.
- Ноябрь, 30 (декабрь, 12).** В «Симбирских губернских ведомостях» за подписью И. Н. Ульянова напечатано сообщение об открытии одноклассного народного училища в селе Печерском, Сызранского уезда.
- Декабрь, 1 (13).** И. Н. Ульянов присутствовал на ежегодном торжественном собрании членов комитета Карамзинской библиотеки и сделал взнос в пользу библиотеки.
- В г. Симбирске издан составленный И. Н. Ульяновым «Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1873 год».
- В г. Симбирске издана написанная И. Н. Ульяновым «Вступительная статья к отчету о занятиях съезда законоучителей, учителей и учительниц начальных народных училищ Симбирской губернии и уезда в 1873 г.».

1875

- Январь, 6 (18).** И. Н. Ульянов открыл в слободе Канаве (Симбирск) два городских начальных народных училища: мужское и женское.
- Февраль, 28 (март, 12).** И. Н. Ульянов сообщил попечителю Казанского учебного округа, что в ряде сельских школ Симбирской губернии введено обучение «ремеслам и мастерствам, необходимым в их местности».
- Март, 2 (14).** И. Н. Ульянов в письме попечителю Казанского учебного округа поднял вопрос об упрощении оформления передачи земли крестьянами для строительства школ.
- Март, 22 (апрель, 3).** И. Н. Ульянов ходатайствовал перед попечителем Казанского учебного округа о выдаче единовременного пособия вдове учителя Ефима Смирнова, оставшейся с пятью малолетними детьми.
- Июнь, 4 (16).** И. Н. Ульянов составил «Записку» об изменениях и дополнениях в инструкции для одноклассных и двухклассных училищ.
- Лето.** И. Н. Ульянов вместе с семьей провел шесть недель в имении В. Н. Назарьева в селе Ново-Никулине, Симбирского уезда.
- Осень.** И. Н. Ульянов вместе с семьей переехал в дом Анаксагорова, на Московской улице.
- В г. Симбирске издан составленный И. Н. Ульяновым «Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1874 год».
- В г. Симбирске издана написанная И. Н. Ульяновым «Вступительная статья к отчету о занятиях съезда законоучителей, учителей и учительниц начальных народных училищ Симбирского и Сенгилеевского уездов в 1874 г.».

1876

- Февраль, 17 (март, 11).** В «Симбирских губернских ведомостях» напечатано объявление И. Н. Ульянова о предстоящих работах на ремонт помещения Ардатовского уездного училища.
- Май, 11 (23).** В «Симбирских губернских ведомостях» опубликована

составленная И. Н. Ульяновым «Ведомость о числе учеников и учениц начальных народных училищ Симбирской губернии, окончивших курс в 1875 году».

- Лето.** И. Н. Ульянов выступил с речью на выпускном акте Порецкой учительской семинарии.
- Лето.** И. Н. Ульянов организовал при Порецкой учительской семинарии курсы для учителей Алатырского, Курмышского и Ардатовского уездов.
- Октябрь, 5 (17).** В «Симбирских губернских ведомостях» напечатано объявление И. Н. Ульянова об открытии двухклассного училища в селе Береговые Сырсы, Ардатовского уезда.
- Октябрь, 9 (21).** В «Симбирских губернских ведомостях» напечатано объявление И. Н. Ульянова об открытии «иноподчешского» училища в деревне Новые Чувашские Чукалы, Буинского уезда.
- Октябрь, 13 (25).** И. Н. Ульянов открыл в г. Симбирске, на Петропавловском спуске, два приходских училища: мужское и женское.
- Декабрь, 1 (13).** И. Н. Ульянов присутствовал на заседании комитета Карамзинской библиотеки и сделал взнос в пользу библиотеки.
- Декабрь, 24 (1877, январь, 5).** И. Н. Ульянов ходатайствовал перед попечителем Казанского учебного округа об открытии в г. Симбирске временных учительских курсов.
- Семья Ульяновых поселилась в доме Косолапова, на Покровской улице.

1877

- Январь, 29 (февраль, 10).** В «Симбирских губернских ведомостях» напечатано сообщение И. Н. Ульянова о распределении инспекторов народных училищ по районам Симбирской губернии.
- Август, 14 (26).** И. Н. Ульянов в письме попечителю Казанского учебного округа высказал свое мнение о необходимости учреждения женских городских училищ.
- Сентябрь, 1 (13).** И. Н. Ульянов доложил попечителю Казанского учебного округа итоги проверки качества преподавания учителями, окончившими учительские семинарии.
- Декабрь, 1 (13).** И. Н. Ульянов присутствовал на заседании комитета Карамзинской библиотеки и сделал взнос в пользу библиотеки.

1878

- Январь, 15 (27).** В письме Атаевскому волостному правлению, Курмышского уезда, И. Н. Ульянов указал на необходимость благоустройства Штанашского училища.
- Февраль, 6 (18).** Родилась младшая дочь И. Н. Ульянова — Мария Ильинична.
- Март, 12 (24).** И. Н. Ульянов избран в члены Симбирского епархиального комитета.
- Апрель, 12 (24).** Умер старший брат И. Н. Ульянова — Василий Николаевич (родился в 1820 году).

- Август, 2 (14).** И. Н. Ульянов купил дом с усадьбой на Московской улице, куда и переехал вместе со своей семьей.
- Август, 28 (сентябрь, 9).** В письме в Сызранскую городскую управу И. Н. Ульянов настаивал на предоставлении Сызранскому 1-му мужскому училищу лучшего помещения.
- Сентябрь, 12 (24).** В письме смотрителю Буинского уездного училища И. Н. Ульянов анализировал качество преподавания учителей Мельникова и Бубнова.
- Октябрь, 6 (18).** В письме Буинскому училищному совету И. Н. Ульянов просил училищный совет «подтвердить всем учителям об аккуратном ведении документальных книг и о своевременной записи содержания преподаваемых уроков в классных журналах».
- Октябрь, 6 (18).** И. Н. Ульянов направил письмо Муратовскому волостному правлению, Буинского уезда, с предложением сделать ремонт в Шераутской чувашской школе.
- Октябрь, 18 (30).** В письме заведующему Берегово-Сыресеvским двухклассным училищем, Ардатовского уезда, И. Н. Ульянов указал на недостатки в преподавании в 1-м и 2-м классах.
- Октябрь, 20 (ноябрь, 1).** И. Н. Ульянов в письме к штатному смотрителю Алатырского уездного училища указал на необходимость улучшения учебы в училище.
- В г. Симбирске изданы составленные И. Н. Ульяновым отчеты о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1876 и 1878 годы.

1879

- Январь, 15 (27).** В письме штатному смотрителю Ардатовского уездного училища И. Н. Ульянов потребовал улучшения библиотеки и приобретения новой мебели.
- Март, 3 (15).** И. Н. Ульянов выступил перед руководством Казанского учебного округа в защиту учительницы М. П. Тазиной, обвиненной в «политической неблагонадежности».
- Сентябрь, 22 (октябрь, 4).** В «Симбирских губернских ведомостях» опубликовано сообщение И. Н. Ульянова о том, что учительнице Старо-Ерыклинского сельского училища, Сенгилеевского уезда, М. А. Карповой объявлена благодарность.
- Октябрь, 10 (22).** И. Н. Ульянов обратился с письмом к директору Порецкой учительской семинарии, в котором указывал на необходимость повышения качества подготовки учителей.
- Ноябрь, 7 (19).** И. Н. Ульянов вел протокол заседания Симбирского губернского училищного совета, а также выступил в защиту учителя И. Волкова, оскорбленного священником.
- Декабрь, 1 (13).** И. Н. Ульянов был на ежегодном торжественном собрании членов комитета Карамзинской библиотеки и сделал взнос в пользу библиотеки.

1880

- Январь, 14 (26).** И. Н. Ульянов направил попечителю Казанского учебного округа составленный им отчет о состоянии учебных заведений Симбирской дирекции за 1879 год.

- Март, 15 (27).** В «Симбирских губернских ведомостях» объявлена благодарность И. Н. Ульянова учителю Иваньковского сельского училища, Алатырского уезда, Сурову «за устроенный им из учеников хор».
- Май, 12 (24).** И. Н. Ульянов осмотрел Алатырские городское и волостное училища.
- Май.** В «Журнале министерства народного просвещения» опубликована статья И. Н. Ульянова «Начальное народное образование в Симбирской губернии с 1869 по 1879 г.».
- Июль, 25 — август, 2 (август, 6—14).** Под председательством И. Н. Ульянова проходил съезд инспекторов народных училищ Симбирской губернии.
- Сентябрь, 10 (22).** И. Н. Ульянов в письме учителю-инспектору Сызранского городского трехклассного училища указал на необходимость более продуманно составлять недельное расписание уроков.
- Сентябрь, 14 (26).** И. Н. Ульянов открыл второе начальное народное училище в селе Шумовка, Симбирского уезда.
- Октябрь, 7 (19).** И. Н. Ульянов открыл в г. Симбирске два приходских училища: мужское и женское.

1881

- Февраль, 15, 22 (февраль, 27, март, 6).** В «Симбирской земской газете» опубликовано извлечение из составленного И. Н. Ульяновым отчета о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1879 год.
- Март, 16 (28).** И. Н. Ульянов присутствовал на панихиде по Александру II, убитому 1 марта 1881 года.
- Июнь, 14 (26).** Под руководством И. Н. Ульянова в г. Симбирске проведен публичный акт для выпускников городских народных училищ.
- Ноябрь, 10 (22).** И. Н. Ульянов ходатайствовал о введении обучения бухгалтерии в Алатырском городском трехклассном училище.
- Декабрь, 1 (13).** И. Н. Ульянов был на ежегодном торжественном собрании членов комитета Карамзинской библиотеки и сделал взнос в пользу библиотеки.
- В г. Симбирске изданы составленные И. Н. Ульяновым отчеты о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1879 и 1881 годы.

1882

- Начало года.** В письме попечителю Казанского учебного округа И. Н. Ульянов высказал свое мнение «по вопросу о привлечении директоров к более деятельному посещению ими школ и о месте жительства инспекторов народных училищ».
- Сентябрь, 14 (26).** И. Н. Ульянов открыл двухклассное народное училище в селе Жадовка, Карсунского уезда.

1883

- Октябрь, 16 (28).** В «Симбирской земской газете» опубликовано извлечение из составленного И. Н. Ульяновым отчета о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1882 год.

Октябрь. И. Н. Ульянов составил «Записку об учительских семинариях и училищных советах», в которой доказывал необходимость учительских семинарий и специальной подготовки учителей.

1884

Январь, 18 (30). И. Н. Ульянов побывал на уроках в Симбирском городском трехклассном училище.

Март, 11 (23). И. Н. Ульянов освободил от платы за обучение 22 ученика Алатырского городского трехклассного училища.

Ноябрь. И. Н. Ульянов вместе с инспектором А. А. Красевым посетил двухклассное училище в селе Жадовка, Карсунского уезда.

1885

Август, 18, 25, сентябрь, 1, 15 (август, 30, сентябрь, 6, 13, 27). В «Симбирской земской газете» опубликован составленный И. Н. Ульяновым «Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1884 год».

Декабрь, 7—19 (19—31). И. Н. Ульянов ревизовал начальные народные школы Карсунского и Сызранского уездов.

В г. Симбирске издан составленный И. Н. Ульяновым отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1884 год.

1886

Январь, 6 (18). И. Н. Ульянов был на вечеринке у своего сослуживца — инспектора народных училищ В. М. Стржалковского.

Начало января. И. Н. Ульянов работал над составлением отчета о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1885 год.

Январь, 10 (22). Начало болезни И. Н. Ульянова.

Январь, 12 (24). Смерть И. Н. Ульянова от кровоизлияния в мозг.

Январь, 15 (27). Погребение И. Н. Ульянова в ограде Покровского мужского монастыря в Симбирске.

- АММОСОВ К. М.**— инспектор народных училищ Ардатовского и Курмышского уездов, Симбирской губернии, работавший под руководством Ильи Николаевича Ульянова, автор некролога об И. Н. Ульянове, напечатанного в «Симбирских губернских ведомостях» (1886, 25 января), «Симбирской земской газете» (1886, 9 февраля) и в «Циркуляре по Казанскому учебному округу» (Казань, 1886, № 1).— 96—97, 159—160, 246, 252—254.
- АНАСТАСЬЕВ АНДРЕЙ** — преподаватель учительской семинарии в селе Порецком, Алатырского уезда, Симбирской губернии, в 70—80-х годах XIX века. Историк народной школы, автор многократно переиздававшегося труда «Народная школа».— 113.
- АНДРЕЕВ Д. М.**— товарищ В. И. Ленина по младшим классам Симбирской гимназии.—79, 224, 226.
- АННЕНКОВ В. И.**— сын декабриста И. А. Анненкова, педагог, автор воспоминаний об Илье Николаевиче Ульянове.— 255.
- АРИСТОВ АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ** — директор Астраханской 1-й мужской гимназии с 1847 по 1859 год. Одновременно исполнял обязанности члена по учебной части и заведующего канцелярией совета института для воспитания девиц. Под его руководством в гимназии была значительно улучшена постановка учебного дела.—15—16, 24.
- АРНОЛЬД ЕКАТЕРИНА** — гимназическая подруга дочери Ильи Николаевича Ольги Ильиничны Ульяновой.— 231.
- БАРАТЫНСКИЙ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ** — председатель Буинского уездного училищного совета, Симбирской губернии, в 70—80-х годах XIX века, протоиерей.— 110, 115—116, 126.
- БОБОРЫКИН ПЕТР ДМИТРИЕВИЧ** (1836—1921) — писатель, автор многочисленных повестей и романов, среди которых наиболее известны трилогия «Дельцы», «Китай-город» и «Перевал», роман «Василий Теркин», повесть «Поумвел». Учился в Казанском университете. В 1863—1865 годах издавал журнал «Библиотека для чтения». Значительную часть жизни провел за границей, где и умер.— 19—20, 61—62.

БОНЧ-БРУЕВИЧ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ (1878—1955) — старший член Коммунистической партии, после II съезда РСДРП — большевик. Участник Февральской и Октябрьской революций 1917 года. С первых дней Октябрьской революции до 1920 года — управляющий делами Совета Народных Комиссаров; затем был на хозяйственной работе, главным редактором издательства «Жизнь и Знание», организатором и директором Государственного литературного музея; в последние годы жизни был директором Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР.— 216.

ВЕРЕТЕННИКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1871—1955) — двоюродный брат В. И. Ленина. Раннее детство и юность провел в Казани, был близок к семье Ульяновых и связан тесной дружбой с В. И. Лениным. Окончив в 1896 году Казанский университет, в течение ряда лет преподавал физику и математику в различных учебных заведениях. После Великой Октябрьской социалистической революции Веретенников был заведующим одним из отделов Народного комиссариата финансов, с 1924 по 1928 год работал в статистическом отделе Центрального Комитета партии, затем преподавал на факультетах Московского государственного университета и в Институте инженеров транспорта, а также на курсах по повышению квалификации работников НКПС.— 57, 194, 206, 221, 223—224, 233—237, 238—242.

ВОЛКОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — учитель-«ульяновец». Окончив Алатырское уездное училище и Порецкую учительскую семинарию, преподавал в сельских школах Алатырского и Ардатовского уездов, Симбирской губернии, а затем, уже после смерти И. Н. Ульянова, в Промзинском двухклассном училище.— 170—174.

ВОЛКОВА МАРИЯ НИКИФОРОВНА — жена А. А. Волкова. Окончила Алатырскую прогимназию. В 1885 году была практиканткой в школе.— 164—165.

ГОЛУБЕВА (ЯСНЕВА) МАРИЯ ПЕТРОВНА (1861—1935). В конце 70-х годов XIX века участвовала в народнических кружках, затем ряд лет была последовательницей П. Г. Зайчневского, организатора орловского подпольного кружка, члены которого называли себя, в подражание французским революционерам XVIII века, якобинцами. Знакомство с В. И. Лениным привело Голубеву к отходу от теорий захвата власти заговорщицкой группой без опоры на широкие народные массы. В конце 90-х годов она окончательно становится марксисткой и в 1903 году, после II съезда РСДРП, вступает в партию. При Советской власти Голубева работала по статистике в ЦК ВКП(б).— 60.

ГОРБУНОВА Е. С. — учительница одной из народных школ г. Симбирска в 70—80-х годах XIX века.— 168.

ДЕЛАРОВ Д. И. — участник народнического движения. В 1886 году окончил Харьковское земледельческое училище и некоторое время работал межевщиком (землемером) при Симбирском удельном округе. Впоследствии член 2-й Государственной думы.— 93, 161, 228.

- ДМИТРИЕВЫ ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА И ВЕРА ПЕТРОВНА** — сестры, в детские годы вместе со своей семьей жили во флигеле дома Ульяновых.— 186.
- ДОЛГОВО-САБУРОВ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ** — симбирский губернатор в 70—80-х годах XIX века.— 110.
- ЗАГОСКИН НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ** — профессор Казанского университета, автор многочисленных трудов по истории русского права («История права Московского государства», «Уставные грамоты XIV—XVI вв.», «Очерк истории смертной казни в России» и другие). С 1883 по 1891 год был редактором-издателем газеты «Волжский вестник».— 18, 21—22.
- ЗАЙЦЕВ ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ** (род. в 1860 г.) — воспитанник Симбирской чувашской школы, впоследствии учитель Полево-Супдырской неполной средней школы, Батыревского района, Чувашской АССР. Свыше полувека учительствовал в чувашских школах. Активный общественник, вел работу по ликвидации неграмотности и малограмотности, был председателем союза работников просвещения, членом сельсовета.— 136—138.
- ИВАНОВ ИГНАТИЙ ИВАНОВИЧ** — воспитанник Симбирской чувашской школы, потом — учитель и писатель. Ведал постройкой школьного здания в деревне Кошки, Буинского уезда, где и учительствовал с 1 июля 1871 года.— 161.
- КАБАНОВА** — народная учительница.— 168.
- КАЛАШНИКОВ ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ** (1855—1935) — воспитанник основанных И. Н. Ульяновым педагогических курсов, учитель Симбирской чувашской школы. Готовил к поступлению в гимназию детей И. Н. Ульянова — Александра Ильича, Анну Ильичичну и Владимира Ильича. Был частым гостем в семье Ульяновых. С 1880 по 1907 год находился на военной службе. После Октябрьской социалистической революции жил в Смоленске, работал в школе при местном военном госпитале. Активно участвовал в работе по ликвидации неграмотности; депутат Смоленского городского Совета ряда созывов.— 36, 84, 87, 103—105, 115, 123, 130, 138—139, 141, 161, 162, 194—195, 212, 213, 222.
- КАРЯКИН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ** — воспитанник Нижегородской губернской гимназии (учился в ней в 1863—1870 годах). Впоследствии — учитель математики, профессор. Долгие годы работал директором реального училища в Нижнем Новгороде.— 64—67.
- КАШКАДАМОВА ВЕРА ВАСИЛЬЕВНА** (1856—1931) — известная деятельница просвещения в Симбирске, близкий друг семьи Ульяновых, герой труда. Окончив Высшие женские курсы в Казани, Кашкадамова по предложению И. Н. Ульянова в 1880 году стала преподавательницей в 5-м женском училище в Симбирске. С 1900 года вела большую работу по организации школ, создала вечерние женские курсы, превращенные затем в гимназию. На базе этой гимназии после Октябрьской революции была создана трудовая школа, с 1925 года носящая имя Кашкадамовой. Кашкадамова была преподавательницей до 1927 года, кроме того, занималась ликвидацией

неграмотности среди взрослого населения.— 57, 160, 162, 163—164, 183—184, 185, 190—191, 200, 247—248, 250—251.

КАШКАРОВ В. Ф.— воспитанник Порецкой учительской семинарии, преподаватель Чурадинской школы, Буинского уезда, Симбирской губернии, в 80-х годах XIX века.— 123.

КИРИЛЛОВ Ф. С.— учитель Жадовского двухклассного училища, Симбирской губернии.— 162—163, 169, 170.

КОТЕЛЬНИКОВ ПЕТР ИВАНОВИЧ (1809—1879) — профессор механики. По окончании в 1828 году Харьковского университета поступил в Дерптский профессорский институт, где был удостоен в 1833 году степени доктора философии и магистра свободных наук. Пробыв два года в Берлине, в августе 1835 года стал читать аналитическую механику и статику в Казанском университете. В 1838 году возведен в звание ординарного профессора по кафедре прикладной механики. В 1839—1862 годах П. И. Котельников был деканом физико-математического факультета, в 1838—1852 годах — членом испытательного комитета; неоднократно исполнял должность ректора Казанского университета.— 37, 38—39.

КОЧКИН ПЕТР ПЕТРОВИЧ — директор Астраханской гимназии в 90-х годах XIX века. До этого, в 1876—1880 годах, был инспектором и преподавателем русского языка и истории Алатырской прогимназии, Симбирской губернии.— 12.

КРУПСКАЯ НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА (1869—1939) — жена и друг В. И. Ленина, видный партийный и советский государственный деятель, выдающийся педагог. С 1891 по 1896 год работала в вечерней воскресной Смоленской школе, за Невской заставой, в Петербурге. В 1895 году вступила в созданный В. И. Лениным петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». С 1901 года работала за границей секретарем редакции газеты «Искра». По указаниям В. И. Ленина принимала участие в подготовке II и III съездов РСДРП. В период первой русской революции 1905—1907 годов вела в Петербурге организационно-партийную работу. В 1907 году вместе с В. И. Лениным эмигрировала за границу. После победы Октябрьской революции Н. К. Крупская — член коллегии Народного комиссариата просвещения. С 1924 года — член Центральной контрольной комиссии, с 1927 года — член ЦК ВКП(б). С 1929 года — заместитель народного комиссара просвещения РСФСР, член Президиума Верховного Совета СССР. Н. К. Крупская была одним из организаторов пионерского движения в СССР. Особенно большая работа проведена ею в области дошкольного воспитания детей.— 40—42, 73, 123, 125, 138, 192—193, 204—205, 216—217, 218, 219—220, 223, 224, 225—226, 227, 228, 230, 243—244.

КУЗНЕЦОВ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1868—1942) — товарищ В. И. Ленина по Симбирской гимназии, сын лакея, бывшего крепостного. После окончания университета работал преподавателем истории и географии в средней школе.— 196.

ЛАВРОВСКАЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА (род. в 1870 г.) — воспитанница Симбирского епархиального женского училища,

которое окончила в 1888 году. В течение многих десятилетий работала учительницей в школе села Сабаево (ныне Мордовская АССР). Заслуженная учительница республики.— 168, 226—227.

ЛЕНИН (УЛЬЯНОВ) ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ (1870—1924).— 76, 77, 124, 143.

ЛЕПЕШИНСКИЙ ПАНТЕЛЕЙМОН НИКОЛАЕВИЧ (1868—1944) — профессиональный революционер, видный деятель Коммунистической партии, литератор. В революционном движении с 80-х годов, в РСДРП — с 1898 года, с 1903 года — большевик. Активный участник Февральской и Октябрьской революций 1917 года. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомпроса РСФСР, заместитель народного комиссара просвещения Туркестана, один из организаторов Истпарта и Международной организации помощи борцам революции (МОПР), позднее — директор Исторического музея и Музея революции.— 192, 244—245.

МАРТЫНОВ П. — историк Симбирска, автор труда «Город Симбирск за 250 лет его существования» (Симбирск, 1898 г.).— 118.

МОЛЕВНОВ М. — исследователь пензенского периода жизни и деятельности Н. Н. Ульянова.— 42, 44—48, 60—61.

НАГАЕВ ЕФРЕМ ЕГОРОВИЧ — участник первого набора училища в селе Ходарах, Атаевской волости, Курмышского уезда, Симбирской губернии; при Советской власти — колхозник.— 126—127.

НАЗАРЬЕВ ВАЛЕРИАН НИКАНОРОВИЧ (1830—1902) — писатель-публицист, член Симбирского уездного училищного совета. Долгие годы был гласным Симбирского земства и мировым судьей. Его сатирический очерк «Бакенбарды» был напечатан в «Современнике» в 1858 году. Ряд его очерков, посвященных борьбе в области народного образования в 60—70-е годы XIX века, опубликован в «Вестнике Европы» в 1872—1884 годах. Назарьев, увлекавшийся под влиянием передовых идей 60-х и начала 70-х годов общественной деятельностью, позднее охладел к ней.— 22—24, 26, 87—89, 93—95, 100—101, 102, 106—107, 108, 111—112, 116—117, 122, 143, 144, 177, 198, 251

НАЗАРЬЕВА ГЕРТРУДА (АННА КАРЛОВНА) — жена В. Н. Назарьева.— 58, 180.

НИКИФОРОВ ВАСИЛИЙ НИКИФОРОВИЧ — священник. У него жил чуван Н. М. Охотников, которого В. И. Ленин подготовил к экзамену за гимназию.— 192, 254.

ОКОВ ВЛАДИМИР — канцелярский чиновник Казанской палаты государственных имуществ, а затем (с 1852/53 учебного года) — секретарь совета Казанского университета.— 19, 38—39.

ОСТРОУМОВ ТИХОН НИКОЛАЕВИЧ — историк Астраханской 1-й мужской гимназии; был в ней законоучителем с 1906 по 1916 год, заведовал фундаментальной библиотекой, священник.— 13.

ПАЗУХИН АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ — кандидат прав Московского университета, мировой судья, председатель Алатырской уездной управы, алатырский уездный предводитель

- дворянства, член почитительного совета Алатырской женской прогимназии.— 141—142.
- ПЕДЕНКО ЕЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА** — подруга дочери И. Н. Ульянова Ольги Ильиничны; училась вместе с ней в двухклассном училище.— 199.
- ПЕРСИЯНИНОВ ВЯЧЕСЛАВ ЛЬВОВИЧ** — участник детских игр В. И. Ленина. В гимназические годы некоторое время жил в семье Ульяновых. Умер в 1944 году.— 223.
- ПОКРОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ ПРОКОФЬЕВИЧ** — преподаватель Симбирской духовной семинарии, делопроизводитель Симбирского епархиального комитета православного миссионерского общества, автор воспоминаний об И. Н. Ульянове, напечатанных в «Симбирских губернских ведомостях».— 113—114, 147—148.
- РЕКЕЕВ А. В.** — воспитанник Симбирского уездного училища, впоследствии неоднократно поощрявшийся за добросовестное отношение к своим обязанностям учитель Средне-Тимерянской чувашской школы.— 131—132, 162.
- РОДИОНОВА А. А.** — народная учительница.— 174.
- САДОВСКИЙ А.** — воспитанник Нижегородской губернской гимназии и Александровского института. Один год изучал математику под руководством И. Н. Ульянова.— 61, 70.
- СУПЕРАНСКИЙ М. Ф.** — историк Симбирска и народных училищ Симбирской губернии, автор трудов «Симбирск и его прошлое» и «Начальная народная школа в Симбирской губернии».— 106, 109—110, 117—118, 176.
- УЛЬЯНОВ ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ (1874—1943)** — младший сын И. Н. Ульянова, один из старейших членов большевистской партии. С 1883 года учился в Симбирской гимназии, затем в 1-й Казанской и, наконец, в Самарской, которую окончил в 1893 году. В том же году поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1897 году, на 5-м курсе университета, был арестован, сидел в Таганской тюрьме. В 1901 году окончил Юрьевский университет, после чего в различных местах работал врачом. В 1903 году вошел в организацию «Искры», на II съезде партии примкнул к большевикам. В период революции 1905—1907 годов — член Симбирского комитета большевиков. С 1906 по 1911 год — участковый врач в Серпуховском земстве, в 1914—1917 годах — военный врач, вел революционную работу среди солдат. В 1919—1921 годах — член Евпаторийского комитета большевиков и ревкома, член Крымского обкома партии. С 1921 года Д. И. Ульянов был на руководящей работе в Народном комиссариате здравоохранения.— 58, 73, 78, 181—182, 185, 186—187, 195, 196—197, 215, 220, 229—231, 232, 245—246.
- УЛЬЯНОВ ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ (1831—1886)**.— 46—47, 68—69, 89—92, 97—98, 103, 105—106, 110—111, 114—115, 117, 118, 127—129, 130—131, 132—134, 141, 145—147, 149—150, 151—153, 158—159, 172.
- УЛЬЯНОВА МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА (1878—1937)** — младшая дочь И. Н. Ульянова, один из старейших членов большевистской партии. Окончила гимназию в 1896 году в Москве, была слушательницей Высших женских курсов, принимала участие в

кружках самообразования. Вела партийную работу в Петербурге, Москве, Самаре, Саратове, Вологде, неоднократно подвергалась арестам и ссылкам. С 1917 по 1929 год — на ответственной работе в редакции газеты «Правда». На XIV съезде ВКП(б) была избрана членом Центральной контрольной комиссии, на XVII съезде партии — членом Комиссии советского контроля; заведовала Бюро жалоб Комиссии советского контроля. В 1935 году М. И. Ульянова была избрана членом ЦИК СССР. — 8, 24—25, 38, 47, 48—52, 54—56, 57, 61, 64, 70—72, 73—76, 77—78, 79—80, 92—93, 94, 96, 98—100, 101, 107—108, 121, 153, 154—155, 160, 163, 165—168, 174—176, 177, 180, 189, 195, 197, 207, 215—216, 218, 221, 229, 231, 238, 245, 248—249, 254—255.

УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА АННА ИЛЬИНИЧНА (1864—1935) — старшая дочь И. Н. Ульянова, видный деятель Коммунистической партии. В социал-демократическом движении с 1893 года. В 1898 году — член Московского комитета РСДРП. А. И. Ульянова-Елизарова принимала деятельное участие в большевистских газетах «Искра», «Вперед», «Пролетарий». В 1904—1906 годах работала в петербургской организации большевиков. В 1912—1914 годах сотрудничала в «Правде» и «Просвещении»; один из организаторов и редакторов легального большевистского журнала «Работница». После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года А. И. Ульянова-Елизарова — секретарь редакции газеты «Правда», затем редактор журнала «Ткач». В 1918—1921 годах работала в Наркомпросе, с 1921 года — в Истпарте, в 1928—1932 годах — в Институте Маркса — Энгельса — Ленина. Она является автором ряда книг и статей о В. И. Ленине. — 8—9, 11—12, 16—18, 24, 25—26, 56, 58—60, 62—64, 65—66, 69—70, 72, 76, 78, 81—86, 87, 112, 122—123, 159, 164, 177, 178—181, 182, 184—185, 186, 187—188, 189—190, 196, 197—199, 200, 201, 202—204, 205, 206, 207—208, 209—212, 213—214, 215, 217—218, 219, 220—221, 222, 223, 225, 229, 230, 232—233, 237, 242—243, 246—247, 248, 249, 251—252.

ФИЛАТОВ ПЕТР ФЕДОРОВИЧ — один из воспитанников И. Н. Ульянова (с 1859 года он учился в Пензенском дворянском институте); отец знаменитого советского окулиста, академика В. П. Филатова. В 80—90 годах XIX столетия работал земским врачом в Симбирске, где часто встречался с И. Н. Ульяновым. — 42—43, 53—54.

ХРАМЦОВСКИЙ Н. — историк Нижнего Новгорода, автор «Краткого очерка истории и описания Нижнего Новгорода» в двух частях. — 61.

ХРИСТОФОРОВ ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ — преподаватель истории и географии, а затем (с февраля 1877 года) инспектор Симбирской классической гимназии. С 10 сентября 1874 года по 31 августа 1876 года был редактором неофициальной части «Симбирских губернских ведомостей». С 1 марта по 4 июня 1879 года исполнял обязанности директора Симбирской гимназии. — 119—121.

ЧЕБОТАРЕВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ — знакомый семьи Ульяновых. После окончания в 1882 году Симбирской гимназии

учился в Петербургском университете, где подружился и жил (с осени 1886 года) на одной квартире с Александром Ильичем. Впоследствии учитель.— 58, 200.

ШТЫЛЬКО А.— историк города Астрахани, автор книги «Иллюстрированная Астрахань» (Саратов, 1896 г.).— 9—10.

ЯКОВЛЕВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ (1878—1951) — сын Ивана Яковлевича Яковлева, видный советский историк, профессор Московского университета, член-корреспондент Академии наук СССР.— 124—125, 134—136, 249—250.

ЯКОВЛЕВ ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ (1848—1930) — известный общественный деятель чувашского народа во второй половине XIX века. Окончив в 1870 году с золотой медалью Симбирскую гимназию, а затем Казанский университет, он в 1876 году был назначен инспектором чувашских школ и директором чувашской учительской семинарии в Симбирске. Между семьями Ульяновых и Яковлевых, жившими по соседству, существовали близкие отношения.— 132, 133, 144, 228, 248.

ЯНИШЕВСКИЙ ЭРАСТ ПЕТРОВИЧ — студент физико-математического факультета Казанского университета в 1846—1850 годах. Затем инспектор студентов и профессор этого же университета. Впоследствии был казанским городским головой.— 26—36.

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ II АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

- «Акт открытия двухклассного училища министерства народного просвещения в селе Жадовке, Карсунского уезда, Симбирской губернии». «Симбирская земская газета», 1882, 17 октября.
- Алексеев В.* Отец Ленина как педагог (из неопубликованных материалов). «Культурный фронт ЦЧО» (Воронеж), 1929, № 5—6.
- Алексеев В.* и *Швер А.* Семья Ульяновых в Симбирске. М.—Л., 1925.
- Алпатов П. И.* Педагогическая деятельность П. И. Ульянова. М.—Л., 1946.
- Аммосов К. М.* Илья Николаевич Ульянов (Некролог). Циркуляр по Казанскому учебному округу, 1886, № 1.
- Аиастасиев А.* Народная школа, ч. II, изд. 9. М., 1913.
- Андреев Д. М.* В гимназические годы. «Звезда», 1941, № 6; В гимназические годы. «Костер» (Ленинград), 1956, № 4.
- Аристов А. П.* Письмо управляющему Казанским учебным округом от 10 июня 1850 г., № 522. Исторический архив Татарской АССР.
- Ариольд Е.* Мои воспоминания о семье Ульяновых. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.
- Аросев А.* Материалы к биографии В. И. Ленина. М., 1925.
- Артемьев А.* Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1850—1851 академическом году. Казань, 1851.
- Баратынский А. И.* О состоянии народного образования в Буинском уезде. «Симбирские губернские ведомости», 1870, 5 декабря.
- Беззубов В. И.* Незабываемая встреча. «Литературная Мордовия» (Саранск), 1957, № 13.
- Боборыкин П. Д.* За полвека (Мои воспоминания). М.—Л., 1929; Сочинения, т. I, II, Спб.—М., 1885.
- Болгарский Б.* Новые документы о деятельности П. И. Ульянова. «Учительская газета», 1951, 24 марта.
- Болч-Бруевич В. Д.* В семье Ульяновых. «Семья и школа», 1946, № 10—11; Наш Ильич. М., 1962; Юношеские годы Владимира Ильича. «Комсомольский работник», 1945, № 2—3.

- Булич П.* Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1851—1852 академическом году. Казань. 1852.
- Веретенников П. П.* Володя Ульянов. Воспоминания о детских и юношеских годах В. И. Ленина в Кокушкине. М., 1960; В. И. Ленин в Кокушкине. «Иллюстрированная газета», 1940, 21 января; Детские годы В. И. Ульянова (Ленина) в Кокушкине. «Красная новь», 1938, № 5; Что читал Володя Ульянов. «Пионерская правда», 1956, 31 июля.
- Веретенникова А. И.* Записки земского врача. «Новый мир», 1956, № 3.
- Волков А. А.* Илья Николаевич Ульянов. «Голос колхозника» (Сурск), 1936, 11 января.
- Галкина М. Я.* Дед В. И. Ленина — врач А. Д. Бланк на Урале. «Прикамье» (Пермь), 1958, № 24.
- Гацисский А. С.* Нижегородка. Путеводитель и указатель по Пижнему Новгороду и по нижегородской ярмарке. Н. Новгород, 1877; Страницка из жизни пятидесятих годов. «Казанский литературный сборник». Казань, 1878.
- Голубева М. П.* Юноша Ульянов (В. И. Ленин). «Старый большевик», 1933, № 5.
- Горбунова Е. С.* Воспоминания. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.
- Горохов В. М. и Рождественский Б. П.* Илья Николаевич Ульянов и его педагогическая деятельность. Казань, 1942.
- Деларов Д.* Как я познакомился с семьей Ульяновых. «Север» (Вологда), 1924, № 1.
- «Деятельность врача А. Д. Бланка — деда В. И. Ленина на Урале». «Медицинский работник», 1958, 12 сентября.
- Диплом, выданный И. Н. Ульянову правлением Казанского университета, от 13 декабря 1854 г. «Молодая гвардия», 1924, № 1.
- Дмитриевы Л. П. и В. П.* Воспоминания. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.
- «Доклад Комиссии по вопросу народного образования». «Симбирские губернские ведомости», 1872, 4 января.
- «Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске», изд. 6. Куйбышев, 1945.
- Жданов Б. П.* Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова и воспитание детей в его семье. Диссертация (машинпись). *Жданов В.* Николай Александрович Добролюбов. М., 1951.
- Загоскин П.* Граф Л. Н. Толстой и его студенческие годы. «Исторический вестник», 1894, январь; Казанская старина. «Волжский вестник» (Казань), 1892, 28 марта.
- «За сто лет». Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета. Под редакцией проф. Н. П. Загоскина, ч. 1, II. Казань, 1904.
- Иванов П.* Письмо И. Я. Яковлеву от 14 марта 1871 г. Ульяновский государственный архив; Письмо П. Я. Яковлеву от 8 марта 1872 г. Ульяновский государственный архив
- «Иван Яковлевич Яковлев. 1848—1930». Под редакцией проф. Ф. Н. Петрова. Чебоксары, 1948.
- «Из Пижнего Новгорода». «Голос», 1866, 2 февраля.
- Ильенко Е.* Илья Николаевич Ульянов — студент университета. «Ленинец» (Казань, государственный университет), 1961, 21 января.

- «Казенные объявления». «Симбирские губернские ведомости», 1872, 25 ноября; «Симбирские губернские ведомости», 1874, 16 июля; «Симбирские губернские ведомости», 1876, 9 октября.
- Калашников В. А.* Домашний учитель Ильича. «Огонек», 1926, № 7; Из воспоминаний домашнего учителя детей Ильи Николаевича Ульянова. «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». М.—Л., 1927; Илья Николаевич Ульянов (воспоминания бывшего учителя). «Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова». Пенза, 1925.
- «Календарь Симбирской губернии». Симбирск, 1879, 1880.
- Каргалов В. И.* Новые данные об И. Н. Ульянове как о педагоге. «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена», том 40. Л., 1941.
- Карякин М. И.* Н. Ульянов (по воспоминаниям его ученика). «Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова». Пенза, 1925.
- Кашкадамова В. В.* Володя Ульянов. «Комсомольская правда», 1931, 22 апреля; Воспоминания. «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». М.—Л., 1927; Воспоминания. «Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова». Пенза, 1925; Мое знакомство с гимназистом Володей Ульяновым. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске; Семейство В. И. Ульянова-Ленина в Симбирске. «Бакинский рабочий», 1926, 21 января.
- Кашкаров В. Ф.* Воспоминания. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.
- Ковятов Р.* Мать Ленина. Куйбышев, 1943.
- Кондаков А. И.* Беседа с Дмитрием Ильичем. «Семья и школа», 1960, № 4; Директор народных училищ И. Н. Ульянов. М.—Л., 1948; И. Н. Ульянов в воспоминаниях учителя А. А. Волкова. «Советская педагогика», 1939, № 1.
- Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804—1929), том 1. Казань, 1930.
- Корнейчик Т. Д.* Жизнь, отданная народу. Ульяновск, 1961; Некрасовский томик в семье Ульяновых. «Учительская газета», 1953, 7 января.
- Котельщиков П. И.* Письмо в Совет Казанского университета от 16 сентября 1854 г., № 56. Исторический архив Татарской АССР.
- Красев А. А.* Докладная записка Карсунскому земскому собранию о состоянии начальных народных училищ Карсунского уезда за 1882 г. «Симбирская земская газета», 1884, 13 мая.
- Крупская П. К.* В. И. Ленин и вопросы народного образования. «Юный коммунист», 1938, № 1; Воспитывать достойную смелу. «Вожатый», 1938, № 5; Воспоминания о Ленине. М., 1957; Детство и ранняя юность Ильича. «Большевик», 1938, № 12; Из воспоминаний. «Начальная школа», 1937, № 11; Из воспоминаний о В. И. Ленине. «Воспоминания родных о В. И. Ленине». М., 1955; Как и что рассказывать школьникам о Ленине. «Учительская газета», 1938, 22 января; О Ленине. М., 1960; О молодежи. М., 1940; Письмо в редакцию журнала «Молодая гвардия» от 28 марта 1938 г. «Исторический архив», 1958, № 4.

- Кузнецов М. Ф.* Юношеские годы Вл. Ильича Ульянова-Ленина. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.
- Ленин (Ульянов) В. И.*— Гонители земства и аннибалы либерализма. Полное собрание сочинений, изд. 5, том 5; От какого наследства мы отказываемся? Полное собрание сочинений, изд. 5, том 2; Телеграмма Симбирскому Совету, 20 апреля 1918 г. Ленинский сборник XXI.
- Лепешинский П.* Жизненный путь Ильича. Л., 1925.
- Лернер Н. О.* Отец Ленина. «Минувшие дни», 1928, № 3.
- Макаров М. П.* Илья Николаевич Ульянов и просвещение чуваш. М., 1955. Диссертация (машинопись).
- Мартынов П.* Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898.
- Махина Ю., Хаит Г.* В семье. «Пионер», 1960, № 4.
- «Местные известия». «Симбирские губернские ведомости», 1881, 16 и 20 июня.
- Метрическое свидетельство В. И. Ленина. Центральный музей В. И. Ленина.
- «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», том III. П., 1912.
- Молебнов М.* Жизнь и деятельность И. Н. Ульянова в Пензе. «Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова». Пенза, 1925.
- Назарьев В. Н.* Вешние всходы. Из воспоминаний встреч и переписки 70-х годов. «Вестник Европы», 1898, кн. 4; Жизнь и люди былого времени. «Исторический вестник», 1890, т. 42; Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета. «Симбирские губернские ведомости», 1894, 7, 11, 14 и 18 мая; Очерк 33 школ Симбирского уезда. «Симбирская земская газета», 1877, 24 апреля; Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи. «Вестник Европы», 1876, кн. 3, 5.
- Назарьева Г.* Воспоминания. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.
- Невзоров В. Ф.* Климатический очерк Пензенской губернии. «Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова». Пенза, 1925.
- Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений, том II. М., 1948; Сочинения в трех томах, том I. М., 1959; Стихотворения, изд. 3, ч. I, II. Спб., 1863.
- Некролог (И. Н. Ульянов). «Новь», 1886, том VIII, № 8.
- Пикигина О.* Новые документы об учителе В. И. Ленина. «Огонек», 1962, № 13.
- Пикифоров В.* Воспоминания. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.
- Оков В.* Отчет императорского Казанского университета за 1853—1854 академический год. Казань, 1854; Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1858—1859 академический год. Казань, 1859.
- Остроумов Т.* Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии за время с 1806 по 1914 год. Астрахань, 1916.
- «Открытие в с. Усолье, Сызранского уезда, одноклассного училища ведомства министерства народного просвещения» «Симбирские губернские ведомости», 1874, 12 октября.

- «Отчет заведующего педагогическими курсами». Ульяновский государственный архив.
- «Отчет о Сешилеевском уездном земском собрании 20 сентября 1876 года». «Симбирская земская газета», 1876, 12 декабря.
- «Отчет попечителя Казанского учебного округа об осмотрах учебных заведений за 1867—1868 год». Государственный архив Татарской АССР.
- Назуди А.* Заметка по народному образованию. «Симбирская земская газета», 1876, 14 ноября.
- Нахман С.* Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1852—1853 академическом году. Казань, 1853.
- Педенко Е. О.* Воспоминания. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.
- «Первая годовщина». М., 1925.
- «Перемены по службе чиновников Симбирской губернии». «Симбирские губернские ведомости», 1869, 25 октября; «Симбирские губернские ведомости», 1874, 24 августа.
- Перепись домовладения Н. В. Ульянова от 29 января 1833 г. «Сталинградская правда», 1936, 22 апреля.
- Персияшинов В. Л.* Воспоминания. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.
- Плещеев А. П.* Избранное. М., 1960.
- Покровский А.* Из воспоминаний об И. Н. Ульянове. «Симбирские губернские ведомости», 1886, 29 января.
- Приговор сельского общества села Ходар, Курмышского уезда, о выделении помещения для школы от 3 марта 1871 г. Государственный архив Чувашской АССР.
- «Путеводитель по Дому-музею В. И. Ленина в г. Ульяновске». Под редакцией А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.—Л., 1931.
- Рекев А. В.* Мои воспоминания. Ульяновский государственный архив; Письмо И. Я. Яковлеву. Ульяновский государственный архив.
- Рыбушкин М. С.* Записки об Астрахани. М., 1841.
- Садовский А.* Отец В. И. Ленина в Нижнем (из воспоминаний). «Школа и жизнь» (Н. Новгород), 1924, кн. 3, февраль.
- Сбоев В.* Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1849—1850 академическом году. Казань, 1850.
- «Семья Ульяновых». Ульяновск, 1960.
- Свидетельство И. Н. Ульянова об окончании Астраханской гимназии от 19 июля 1850 г., № 616. Исторический архив Татарской АССР.
- Свидетельство о присвоении И. Н. Ульянову звания старшего учителя математики и физики от 21 сентября 1857 г. «Молодая гвардия», 1924, № 1.
- «Симбирский сборник», том II. Симбирск, 1870.
- «Спутник по Казани». Под редакцией проф. П. П. Загоскина. Казань, 1895.
- Суперацкий М. Ф.* Начальная народная школа в Симбирской губернии. Симбирск, 1906; Симбирск и его прошлое (1648—1898). Симбирск, 1899.
- Тагайцев Ш. С.* Пережитое, выш. 2. П., 1919.

- Троицкий М. К.* Илья Николаевич Ульянов на учительских съездах. «Советская педагогика», 1939, № 1.
- Ульянов Д. И.* Воспоминания (в записи А. Каверзиной). Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске; Детские годы Владимира Ильича. «Красная новь», 1938, № 5; Из самарского (алакаевского) периода (1889—1893 гг.). «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», ч. 1. М., 1956; Роман о семье Ульяновых. «Известия», 1938, 24 марта.
- Ульянов И. П.* Записка об учительских семинариях и училищных советах. «Исторический архив», 1959, № 3; Извлечение из отчета о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1882 год. «Симбирская земская газета», 1883, 16 октября; Начальное народное образование в Симбирской губернии с 1869 по 1879 г. «Журнал министерства народного просвещения», 1880, май; О грозе и громоотводах. «Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова». Пенза, 1925; О состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1869 год. «Симбирские губернские ведомости», 1870, 11, 21 и 25 апреля; Открытие двух народных училищ. «Симбирские губернские ведомости», 1880, 21 октября; Открытие двух приходских училищ в г. Симбирске. «Симбирские губернские ведомости», 1880, 11 октября; Открытие мужского и женского приходских училищ в слободе Канаве. «Симбирские губернские ведомости», 1875, 11 января; Отношение в Сенгилеевскую уездную земскую управу по предмету народного образования в Сенгилеевском уезде. «Симбирские губернские ведомости», 1876, 26 декабря; Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1870 год. «Симбирские губернские ведомости», 1871, 6, 9, и 13 ноября; Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1872 год. Казань, 1873; Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1873 год. Симбирск, 1874; Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии в 1880 году. «Красный архив», 1940, № 1; Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1884 год. «Симбирская земская газета», 1885, 15 сентября; Письма И. Я. Яковлеву от 22 февраля и 5 апреля 1873 г. «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», вып. 18. М., 1956; Письмо в Симбирское губернское земское собрание. Ульяновский государственный архив.
- Ульянова М. И.* Отец Владимира Ильича Ленина Илья Николаевич Ульянов (1831—1886). М.—Л., 1931.
- Ульянова-Елизарова А. И.* В. И. Ульянов (Н. Ленин). Краткий очерк жизни и деятельности. М.—Л., 1934, Воспоминания. Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Воспоминания (в записи А. Медведевой). Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске; Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». М.—Л., 1927; Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М.—Л., 1931; Воспоминания об Ильиче М. 1934, Воспоминания об Ильиче. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», ч. 1. М., 1956; Детские и школьные годы Ильича.

М., 1955; Краткая биография Ильи Николаевича Ульянова. «Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова», Пенза, 1925; К статье г. В. Назарьева «Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета». «Симбирские губернские ведомости», 1894, 15 октября; Ленин (Ульянов) Владимир Ильич. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат, изд. 7, том 41, ч. 1, вып. 4—5; О жизни Владимира Ильича Ульянова-Ленина в Казани (1887—89 гг.). «Пути революции» (Казань), 1922, № 2; Ответ т. Шидловскому. «Пролетарская революция», 1922, № 3; Примечания к статье т. Табейко. «Пути революции» (Казань), 1923, № 3; Протокольная запись выступления на заседании комиссии по реставрации дома В. И. Ленина, 16 июня 1929 г. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

Усачев П. Семья Ульяновых в Астрахани. «Сталинградская правда», 1936, 22 апреля.

«Учитель В. И. Ленина». «Советская Россия», 1957, 3 апреля.

Федоров П. Веретенниковы. «Молодой ленинец» (Пенза), 1959, 4 января; Выдающиеся учителя и просветители Пензенской губернии. Пенза, 1958.

Хаит Г. Штрихи пламенной жизни. «Огонек», 1962, № 21.

Храбровицкий А. Новые материалы об И. Н. Ульянове в Пензе. «Сталинское знамя» (Пенза), 1945, 2 февраля.

Храмцовский Н. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода, ч. II. Н. Новгород, 1859.

Христофоров И. Съезд учителей и учительниц народных училищ Симбирского и Сентилеевского уездов. «Симбирские губернские ведомости», 1874, 3 сентября, 12 октября.

«Церковноприходские школы». «Симбирская земская газета», 1884, 21 октября, 18 ноября.

Чеботарев И. Н. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове и петербургском студенчестве 1883—1887 гг. «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». М.—Л., 1927.

Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912.

Чугуев Т. К. Илья Николаевич Ульянов. «Начальная школа», 1937, № 10; Мать Ленина. «Начальная школа», 1938, № 6.

Шагинян М. С. Предки Ленина. «Новый мир», 1937, № 11; Семья Ульяновых. Очерки. Статьи. Воспоминания. М., 1959; Собрание сочинений, том 3. М., 1956.

Штылько А. Иллюстрированная Астрахань. Саратов, 1896.

Щедрин П. Полное собрание сочинений, т. XIV, Л., 1936.

Эфирос А. Педагог Илья Николаевич Ульянов. «Советская педагогика», 1939, № 1.

Яковлев А. И. Иван Яковлевич Яковлев. 1848—1930, изд. 2. Чебоксары, 1958; Четыре встречи с В. И. Лениным. «Исторический журнал», 1942, № 1—2.

Яковлев Н. Я. Запись воспоминаний, сделанная А. В. Жиркевичем. Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске; Письмо А. В. Реевскому от 13 мая 1872 г. Ульяновский государственный архив.

Яншиевский Э. П. Из воспоминаний старого казанского студента. «Волжский вестник» (Казань), 1893, 5, 13, 15, 19, 22, 27 января, 10, 26 февраля, 16 апреля.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Глава I. Гимназист, студент	8
Глава II. Учитель	40
Глава III. Инспектор народных училищ	77
Глава IV. Директор народных училищ	143
Глава V. Отец	178
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Даты жизни и деятельности И. Н. Ульянова	259
Именной указатель цитируемых авторов	272
Указатель использованной литературы и архивных документов	280

Иванский Анатолий Иванович.

ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ УЛЬЯНОВ. По воспоминаниям современников
и документам. М., Госполитиздат, 1963.
287 с. с илл.

37(09) + 3К26

Редактор *В. Светцов*

Художник *С. Голубев*

Технический редактор *А. Данилина*

Сдано в набор 28 ноября 1962 г. Подписано в печать 2 марта 1963 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 9. Условн. печ. л. 14,76. Учетно-изд. л. 15,19.
Тираж 85 тыс. экз. А 01124. Заказ № 3989. Цена 50 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства
культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.